

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

УДК 323.2

С.Г. ЗЫРЯНОВ, Г.В. СОКОЛОВА

Словосочетание «гражданское общество» в настоящее время настолько прочно вошло в лексику государственных, правительственных, партийных документов, выступлений представителей разных ветвей и разного уровня властных и общественных структур, что уже само по себе отражает если не реальность, то, по меньшей мере, вербализованную глобальную общественную потребность в таком для российского социума.

Научный интерес к современному состоянию гражданского общества в России, стремление понять его сущность, структуру, роль, практику его взаимоотношений с государством, российскую специфику формирования и функционирования, диагностировать стадиальность его формирования, степень институционализации, а следовательно, перспективы его дальнейшего развития, позволяют заметить, что сегодня это, наверное, одна из ключевых тем реального значения и одновременно политической конъюнктуры, которая сохраняет свою актуальность на протяжении как минимум последних двадцати лет. Внимание власти, политической элиты и активной части российского социума к разным аспектам становления и деятельности гражданского общества можно сравнить разве что со вниманием к феномену коррупции и поиску способов её преодоления.

Показательна в этом смысле позиция Президента РФ Д.А.Медведева, обозначенная им в интервью «Новой газете»: «...гражданское общество – это неотъемлемый общественный институт любого государства. Институт обратной связи. Организации людей, находящихся вне постов, но активно участвующих в жизни страны» [1]. Несмотря на продемонстрированную в интервью широту взглядов и открытость для диалога с обществом, позиция президента РФ обозначает полную «госприватизацию» гражданских инициатив на корню. Гражданское общество при этом рассматривается как эффективный институт общественного мнения: спрашивайте – отвечаем, сигнализируйте – учтем и т.п.

Всё дело в том, что системным условием развития гражданского общества является становление правового государства. Бюрократизированный режим политического управления, характерный для современного Российского государства, славится умением любую гражданскую инициативу глушить инертностью или осознанным сопротивлением ответственных лиц – чиновников. Поэтому очень естественно стремление власти «утилизировать» формирующееся гражданское общество инициативой его создания сверху, властной артикуляцией его целей, задач и назначения. Российское гражданское общество в силу этой традиции формируется и развивается как параконституционный институт, который корректирует и приводит в соответствие с реальными потребностями политику государства [3].

Если вести речь об акцентах в понимании сущности гражданского общества, а это знание нужно при диагностике его сформированности, в том числе и на региональном уровне, то наиболее приемлемым может быть следующий подход.

Вполне оправданным представляется выделение двух основных параметров гражданского общества: теоретико-аналитического и нормативного. Первое значение используется как теоретическая категория для анализа и объяснения феномена социальной реальности. В этом смысле гражданское общество, безусловно, агрегированное понятие, которое обозначает специфическую совокупность социальных связей, общественных коммуникаций, социальных институтов и социальных ценностей, ключевыми субъектами которой являются гражданин со своими правами и гражданские (в смысле не политические и не государственные) ассоциации, организации, объединения, общественные движения и гражданские институты [7]. Во втором смысле понятие гражданского общества преимущественно имеет статус нормативной концепции, которая способствует мотивации групповых социальных субъектов и граждан к развитию различных форм гражданской активности [8].

Учитывая оба смысла, можно предложить следующее определение: современное гражданское общество — это социальный демократический организм, представляющий собой совокупность самостоятельных, самоорганизующихся неполитических организаций и отношений (экономических, национальных, духовно-нравственных, культурных и т.д.), огражденных законодательством от регламентации со стороны государственной власти в процессе их функционирования и развития. Гражданское общество — это особое социальное и социокультурное пространство, в котором связаны и взаимодействуют между собой независимые друг от друга и от государства индивиды.

Процесс формирования гражданского общества институализируется в гражданской культуре. «Гражданская культура в своем зрелом виде трактуется как культура демократического типа, обеспечивающая политическую стабильность, гражданское согласие и сотрудничество» [6].

Следовательно, о состоянии гражданского общества в России можно получить представление, изучая состояние гражданской культуры. Гражданская культура раскрывает формирование человека как субъекта гражданских правоотношений. В этом смысле гражданская культура не что иное, как отражение процесса становления и развития личности как гражданина. А.А. Айвазян выделяет в структуре гражданской культуры политическую, правовую и нравственную составляющие.

«1. Политическая составляющая задает гражданским представлениям ярко выраженные групповые приоритеты, подкрепляемые ориентированностью на публичные институты власти.

2. Правовая составляющая облекает групповые нормы и цели в общезначимые формы и понятия, раскрывающие в групповых притязаниях на власть значение фундаментальной ценности права.

3. Нравственная составляющая вносит в гражданское сознание человека внеситуативную мотивацию его поступков, ценностей, добра, счастья, справедливости и т.д.» [6].

В каком же состоянии находится гражданское общество на уровне субъекта феде-

рации, в российском регионе?* Предметный интерес данной статьи составляет диагностика гражданского общества в Челябинской области — «здесь и сейчас», в период разворачивающегося кризиса.

В качестве своеобразной преамбулы социологической характеристики состояния регионального гражданского общества приведем два примера из общероссийских исследований гражданского общества в субъектах федерации.

В докладе Общественной палаты Российской Федерации отмечается: «По данным специально проведенного в 2008 г. исследования, социальная база российского гражданского общества, к которой относятся как люди, уже участвующие в социальных практиках гражданского общества, так и люди, ориентированные на такое участие, составляет не менее 90% взрослого населения России. Она неоднородна и состоит из нескольких групп. Челябинская область еще с 25 субъектами РФ отнесена в докладе к регионам с общественной активностью ниже среднего [2, с. 13].

При этом по данным исследования Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) на основе расчета интегрального индекса благоприятности предпосылок для развития гражданского общества, Челябинская область наряду с Вологодской и Архангельской оценивается как очень благоприятный регион [4, с. 92].

Как видим, картина сформированности отношений, свойственных для гражданского общества на региональном уровне, с «высот» всероссийских опросов выглядит неоднозначно, но в этом нет никакого противоречия, поскольку речь идет о разных сторонах диагностики этого сложного общественного феномена.

При социологической диагностике особенностей состояния гражданского общества Челябинской области невозможно обойти вниманием вопрос о том, каков уровень состояния гражданской культуры и прежде всего потенциал гражданской активности жителей области, поскольку именно гражданская активность является той первоосновой организованных форм или ячеек гражданского общества, которые, институционализируясь, определяют его бытие и состоятельность.

Обратимся к индикаторной характеристике системных признаков гражданского об-

* В соответствии с Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803. (РГ 96-109) «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» под регионом понимается часть территории РФ, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта РФ либо объединять территории нескольких субъектов РФ.

щества и гражданской культуры на региональном уровне, в качестве которых будут использоваться востребованность и условия реализации гражданской активности: активность/пассивность личной жизненной позиции, опыт защиты своих интересов, готовность к объединению с другими гражданами, жизненная ориентация на себя, свои силы и возможности или на внешних акторов.*

Динамика востребованности гражданской активности

Вопрос «Насколько, на Ваш взгляд, сегодня в России востребованы активные граждане?», на первый взгляд кажущийся довольно отвлеченным, позволяет выявить представления граждан о том, насколько прочно вошла в современную повестку дня потребность в гражданском обществе и, что важно, представление об отношении государства к активности граждан, а стало быть, к перспективе формирования гражданского общества.

Как следует из итогов областного социологического мониторинга, только каждый четвертый житель области (28%, а с учетом ста-

активность не как одну из основ государственной политики, а, прежде всего, как способ отстаивания прав личности, таким образом, дистанцируя себя от общегосударственных интересов, в поле которых не всегда попадают их личные или групповые интересы.

А каждый пятый (22%, с учетом же статистической погрешности, — каждый четвертый, или 25%) продемонстрировал критичное отношение к власти, полагая, что гражданская активность не только не востребована государством, она мешает государственной власти реализовывать управленческие функции.

Чтобы иметь более точное представление о том, какие группы населения области по своим умонастроениям и оценкам могут составлять основу гражданского общества, а какие далеки от активистских настроений, нужно обратить внимание на их социально-демографический портрет.

Представления жителей области о степени востребованности гражданской активности в диапазоне от потребности общегосударственного уровня до мешающего реализации государственной политики общественного

Таблица 1. Сравнительная оценка востребованности гражданской активности

	2009	2007
активные граждане очень нужны государству	27,9	39,3
гражданская активность нужна, прежде всего, личности — в отстаивании собственных прав	29,5	28,2
активность граждан мешает власти по своему усмотрению управлять страной	22,0	21,0
затруднились ответить	20,1	11,6

тистической погрешности 25% — 31%) считает, что активные граждане очень нужны Российскому государству, два года назад их было четверо из каждых десяти, или на 10% больше. И это при учете заметно активизировавшейся артикуляции представителями государственной власти необходимости создания гражданского общества, без которого России «и ни туды и ни сюды».

Примерно каждый третий (30%), и эта доля за два года не изменилась, занимают иную позицию, рассматривая гражданскую

атрибута определяются, в первую очередь, социальным и профессиональным положением, а также уровнем их материальной обеспеченности. А если учесть, что в области устойчива доля населения с невысоким материальным уровнем (40–45%), то одним из путей формирования гражданского общества, конструктивно взаимодействующего с государственной властью, по-прежнему остается задача роста материального уровня населения, и только при таком условии это большинство будет ощущать себя полноправными гражданами, взаимодействующими с государством на партнерской основе.

* В статье приводятся данные социологического мониторинга состояния регионального гражданского общества, осуществляемого лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского института Уральской академии государственной службы по среднеобластной квотной выборке. В опросе 2007 года приняли участие 1003 респондента (опрос проводился 18–27 мая), а в 2009 году — 1228 респондентов (30 марта — 5 апреля.) Статистическая погрешность в выборке составила +3%.

Динамика условий реализации гражданской активности

Социологическая информация, как результирующая ответов на вопрос «Есть ли в стране условия для развития и реализации гражданской активности?», отражает представления о том, способствуют или препятствуют гражданской самореализации регионального сообщества имеющиеся в стране и регионе условия.

циально обеспеченных государством условий. Это происходит всякий раз, когда власть утрачивает легитимность, переставая учитывать, что существует не только для себя.

Самая статистически заметная группа респондентов — четверо из каждых десяти, или 40%, ощущают себя всего лишь механическими винтиками госмашины, послушными исполнителями государственной воли, и это крайняя, противоположная осознанию ресурса гражданской активности позиция.

Таблица 2. Сравнительная оценка условий в стране для реализации гражданской активности

	2009	2007
в стране есть все условия, чтобы реализовать себя как свободного полноправного гражданина	7,0	7,0
в стране есть все условия для гражданской активности, но граждане не стремятся проявлять ее	16,3	19,4
граждане готовы проявить гражданскую активность, но в стране нет для этого условий	20,0	21,4
большинство граждан является простыми винтиками государственной машины	40,2	43,3
затруднились ответить	15,9	8,8

В среднем только каждый шестнадцатый житель области (7%) считает, что в стране есть все условия для самореализации свободных полноправных граждан, и это свидетельствует о том, что данная группа таковой себя и представляет, видимо, исходя из личного опыта.

Примерно каждый седьмой респондент (или 16%) полагает, что несмотря на наличие всех условий для гражданской активности, у граждан не сформирована потребность проявлять гражданскую активность. И с этим трудно спорить, поскольку история развития гражданских отношений в России значительно более бедна, нежели история подданнического отношения к власти как к священной корове, которая — кормилица не даст умереть с голоду.

Противоположного мнения придерживаются каждый пятый опрошенный житель области (20%) — они считают, что граждане готовы реализовать гражданскую активность, но в стране нет к тому условий. И нельзя не признать, что подобная позиция содержит контекст рассуждений от лукавого, поскольку при этом телега должна идти впереди лошади. Практика же показывает, что подъем волны гражданской активности, как правило, возникает без каких-либо спе-

Представление жителей области о наличии/отсутствии условий для реализации гражданской активности, как показывают опросы, определяется, в первую очередь, их социальным положением и уровнем материальной обеспеченности. Занимающие на социальной лестнице ступеньки повыше и материально более или менее независимые граждане по личному опыту считают, что их свобода и их права обеспечены на государственном уровне. Те же, кто не обладает материальной независимостью в достаточной мере (а их, по меньшей мере, 40%), заявляют, что не ощущают себя полноправными и свободными гражданами, а значит не видят условий для проявления гражданской активности. Ларчик открывается довольно просто. Однако в условиях кризиса эта статистически представительная группа населения оказывается наиболее уязвимой, а следовательно, потенциально увлекаемой в кризисную воронку социальной деградации. Более того, именно граждане, ощущающие себя «механическими частицами» государства, не склонны изыскивать собственные возможности сопротивления кризису и полагаются не на себя, а на это самое государство, на власть. Круг замыкается.

Оценка личностного потенциала в деле защиты гражданских интересов

Ответы на вопрос «К какому типу людей по отношению к жизненным трудностям Вы себя можете отнести?» дают возможность через выявление привычных способов поведения выявить некий личностный ресурс, личностный потенциал гражданской активности населения.

группа тех, кто прочно и благополучно обосновался в современной жизни, имеет хороший деятельный ресурс и готов отстаивать свои интересы в отношениях с государством.

Крайнюю позицию сознательного невмешательства, мотивированной гражданской апатии «непротивления злу насилием» занимают мужчины со средним образованием, рабочие и жители с низким уровнем материальной обеспеченности.

Таблица 3. Сравнительная самооценка потенциала гражданской активности

	2009	2007
имею собственную позицию и знаю, как поступать	26,1	26,8
имею свои взгляды, но не всегда знаю, как поступить	40,9	41,9
живу, как живётся, в надежде, что всё само собой разрешится	13,0	15,9
сознательно не желаю ни во что ввязываться	11,4	11,5
затруднились ответить	7,8	4,0

За два года самооценка потенциального ресурса гражданской активности не изменилась. Каждый четвертый житель Челябинской области, по самооценке, обладает таким ресурсом, еще четверо из каждых десяти опрошенных, имея собственную позицию, потенциально открыты и для разных форм самоорганизации, и для включения в деятельность существующих общественных организаций. А остальные, которых тоже примерно четверть, либо инертны (фигурально это позиция «лежачего камня»), либо сознательно дистанцируются от сложностей, как они считают, внешней для них жизни.

Отсутствие динамики показателя роста личностного потенциала или ресурса гражданской активности может свидетельствовать, в первую очередь, о том, что формирование гражданского общества «сверху», на уровне стимулирующих действий институтов власти, которые довольно заметны в последние годы, во всяком случае, на вербальном, на документальном уровне, имеет пределы эффективности в сравнении с более естественным развитием форм самоорганизации граждан при содействии общественных институтов, то есть «снизу».

Кто они, граждане с самостоятельной позицией и готовностью её отстаивать, фактически уже сегодня составляющие ядро регионального гражданского общества? Это чаще мужчины среднего возраста с высшим образованием и хорошими доходами — знакомая уже нам

Итак, уверенность в своих жизненных позициях, сознательное к ней отношение, способность отстаивать свои интересы связаны, прежде всего, с уровнем образования и материальной обеспеченности и это дает основание полагать, что активные представители регионального сообщества чаще склонны к объединению в рамках корпоративных союзов, однако наверняка готовы поддержать и другие институты гражданского общества в их стремлении отстаивать права и интересы других групп населения и отдельных личностей в диалоге с властью.

Еще более конкретную и приближенную к настоящим условиям информацию о сформированности гражданских ценностных ориентаций дают ответы на вопрос «Как лучше вести себя в условиях социально-экономических изменений (кризиса)?», которые отражают также личностно-активистский потенциал, а именно, готовность или неготовность противостоять обстоятельствам.

Почти две трети опрошенного населения Челябинска демонстрируют готовность задействовать свой личностный мобилизационный ресурс для преодоления неблагоприятных обстоятельств, и это под углом диагностики состояния и потенциала регионального гражданского общества весьма значимо. При этом в представлениях жителей выявлено меньше, чем в среднем по стране, оптимизма по поводу того, что

Таблица 4. Оценка возможных личностных антикризисных стратегий

	Челябинск*	Россия**
мобилизоваться, делать все, чтобы решить возникающие проблемы	58,7	45
ничего не предпринимать, ситуация скоро изменится к лучшему	8,0	23
ничего не предпринимать, ситуация безвыходная, но ничего нельзя изменить	6,7	14
сопротивляться, протестовать, не мириться с происходящим	12,6	9
затрудняюсь ответить	14,0	9

кризисная ситуация «скоро изменится к лучшему», так считает только каждый десятый участник опроса. Вероятно, на настроения респондентов существенно влияет информация о сокращении областного бюджета в связи с падением цен на рынке металлов и объемов производства. А каждый седьмой опрошенный, или почти 13%, продемонстрировал готовность задействовать протестные формы сопротивления кризисным обстоятельствам.

Системными социально-демографическими параметрами, формирующими ту или иную позицию по отношению к кризисной ситуации, что отражают данные опросов, являются возраст, уровень образования и материальной обеспеченности. Так, например, мобилизационным ресурсом в форс-мажорных обстоятельствах обладают, в первую очередь, мужчины среднего возраста с высшим образованием и материальным положением среднего и выше среднего уровня. А в том, что нужно ложиться на дно, поскольку кризисную ситуацию нельзя изменить, уверены представители старшего поколения со статусом пенсионеров, без среднего образования, с ниже среднего уровня материальной обеспеченностью. Протестный же ресурс обнаружили мужчины старших возрастных групп со средним образованием, статусом рабочих и пенсионеров и ниже среднего уровня материальной обеспеченностью.

В целом же ресурс гражданской активности населения Челябинской области, по данным областных опросов, все-таки близок к «очень благоприятному» для формирования гражданского общества.

* Опрос проводился в областном центре 5–12 апреля 2009 г. Опрошено 707 респондентов. Статистическая погрешность составила $\pm 3\%$.

** По данным Всероссийского опроса ВЦИОМ. Опрошено 1600 респондентов 14–15 марта 2009 года в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

А насколько обширно региональное пространство волеизъявления в отстаивании законных прав в отношениях с государственными структурами власти? Такую информацию дает анализ распределения ответов населения Челябинской области на вопрос «Приходилось ли Вам хотя бы раз в жизни отстаивать свои законные права в отношениях с государством?»

Таблица 5. Сравнительная оценка личного опыта отстаивания прав в отношениях с государством

	2009	2007
да	30,4	36,3
нет	61,6	57,3
затруднились ответить	6,8	6,4

Примерное соотношение тех, кто имеет личный опыт отстаивания прав в отношениях с государственными организациями и учреждениями и не имеет одного, за два прошедших года почти не изменилось и может быть выражено как 1:2. И, с точки зрения уклада быденной жизни, это реалистичный и здоровый показатель: каждый третий гражданин области обладает опытом отстаивания своих законных прав в отношениях с государством, скорее всего, с использованием соответствующих юридических инструментов. То есть пространство проявления гражданской активности на индивидуальном уровне в регионе имеется, однако за два года оно несколько сузилось отчасти из-за кризиса, а отчасти из-за усиления контролирующей роли государства.

Какие же группы населения обладают опытом отстаивания прав в отношениях с государственными организациями и учреждениями или конкретными чиновниками?

Как показывают опросы, ключевым социально-демографическим индикатором при этом является наличие высшего образования. Ни пол, ни возраст, ни уровень материальной обеспеченности определяющей роли не играют. Образованность, информированность, вероятно, укрепляют гражданскую самооценку и придают уверенности в собственной позиции и действиях.

Готовность к объединению для защиты своих интересов

Личностный потенциал гражданской активности, личная мотивация, личный опыт отстаивания прав в отношениях с государством, конечно, служат основой формирования отношений гражданского общества, однако, как известно, общество, объединение, организация — это взаимодействие личностей, в разы увеличивающее эффективность и перспективность гражданских отношений.

Как обстоят дела в Челябинской области в части склонности граждан к объединению в союзы — временные или долговременные гражданские сообщества, также стремящиеся отстаивать права и развивать гражданскую самодетельность, каков ресурс самоорганизации? Ответы на вопрос «Готовы ли Вы объединиться с другими гражданами, чтобы отстаивать свои интересы?» позволяют получить представление об этой сфере гражданских отношений.

Таблица 6. Сравнительная оценка готовности к объединению с другими гражданами для отстаивания своих интересов

	2009	2007
да	34,0	27,6
скорее да	27,6	30,0
скорее нет	16,5	13,1
нет	10,7	14,2
затруднились ответить	10,6	15,1

Как свидетельствуют данные таблицы, в данной сфере гражданских настроений наблюдаются позитивные сдвиги, поскольку выявлена некоторая динамика показателей готовности к самоорганизации. В настоящее

время уже не каждый четвертый, а каждый третий заявляют о готовности объединиться с другими гражданами для отстаивания своих интересов, которые при развитии форм самоорганизации обретают смысл и статус общегражданских или групповых интересов.

Если статистически укрупнить группы в целом склонных (по позициям «да» и «скорее да») и в целом не склонных («нет» и «скорее нет») к объединению граждан, то доля первой группы возрастает почти до двух третей (суммарно 62%) за счет уменьшения доли затруднившихся с ответом. Показатель же второй группы не изменился (27%, или каждый четвертый). Эти данные близки к всероссийским, в соответствии с которыми в 2007 году 29% россиян не были готовы объединиться [5, с. 189].

Подобная динамика обеспечивается, конечно же, не столько политикой «сверху», сколько условиями кризиса, в которых легче выстоять сообща, во всяком случае, на уровне представлений и надежд.

Опрос показал, что готовы объединиться для защиты своих интересов, тем самым расширяя пространство гражданских правоотношений и договоренностей, то есть отношений, традиционно характеризующих функционирование гражданского общества, в первую очередь те группы населения, которые на индивидуальном уровне пасуют перед бюрократизированными структурами государственной власти, а то и перед конкретными чиновниками, однако, самоорганизовавшись, не прочь бы постоять за свои права и интересы или, во всяком случае, делегировать свои интересы наиболее активной части себе подобных. Это чаще мужчины, жители области среднего возраста, имеющие среднее образование, каждый четвертый из которых рабочий. Это социальный слой населения, представители которого не чувствуют уверенности в себе самих, в своих возможностях, но ощущают её, опираясь на плечо рядом стоящего такого же представителя (профессионального) цеха, которому знакомы их интересы и проблемы. Для них не свойственна индивидуальная гражданская ответственность, поскольку они берут не умением, а числом, не личным потенциалом, а именно готовностью объединиться — пока ситуативно, для решения краткосрочных жизненных задач.

Как свидетельствуют социологические данные, опыт защиты своих интересов многих убеждает, что сообща, совместно с другими гражданами, объединенными усилиями отстаивать их проще и эффективнее.

Таблица 7. Опыт отстаивания прав в отношениях с государством и готовность к объединению с другими гражданами для отстаивания своих интересов

Готовы ли Вы объединяться с другими гражданами, чтобы отстаивать свои интересы?	В целом	Приходилось ли Вам... отстаивать свои права в отношениях с государством		
		да	нет	затруднились ответить
да	34,0	51,5	27,5	16,7
скорее да	27,6	28,7	27,7	20,2
скорее нет	16,5	9,4	19,9	19,0
нет	10,7	5,1	14,0	7,1
затруднились ответить	10,6	5,4	10,4	36,9

Более половины граждан, имеющих личный опыт отстаивания интересов в отношениях со структурами государственной власти, однозначно готовы объединяться с теми, чьи интересы совпадают с их собственными. А среди граждан, не обладающих таким опытом, втрое больше доля тех, кто не склонен в настоящее время к объединению.

Таким образом, для развития отношений, помогающих гражданам защищать их интересы, в Челябинской области действительно есть, по классификации Российской общественной палаты, благоприятные условия. И если обеспеченные граждане с высоким уровнем образования и прочным социальным положением делают ставку на персональный ресурс или буквально на свой личный капитал, обладают чувством гражданской ответственности и могут

оказывать содействие в развитии отношений гражданского общества быть его акторами, то те, кто склонен к объединению, составляют непосредственную базу для формирования гражданского общества даже, а может быть, именно в условиях кризиса.

Подданничество или гражданственность?

Что изменилось в гражданской культуре за два прошедших года, имеет ли она тренд развития или по-прежнему преобладает подданническая культура? Ответы на этот очень объемный и многослойный вопрос представлены в анкетном вопросе «В чем Вы видите надежду на улучшение своего положения?» В формате двух-летнего мониторинга это выглядит так.

Таблица 8. Сравнительные данные об отношении к институтам власти и институтам гражданского общества*

	2009	2007
в действиях центральной власти (президент, правительство, Государственная Дума РФ)	41,5	41,8
надеюсь на себя, так как сам в ответе за свое будущее	39,7	41,8
надеюсь на себя, так как больше, к сожалению, не на кого	25,2	27,4
в действиях областной власти (губернатор и его команда)	18,3	22,2
в действиях руководителей своего предприятия, учреждения	14,6	14,8
в действиях городской муниципальной власти (глава и его команда)	12,3	14,7
надеюсь на Бога	8,7	12,6
в действиях районной власти (глава и его команда)	5,9	5,4
надеюсь на везение (случай, судьбу)	4,9	11,8
в действиях партий и движений, которые поддерживаю	3,6	3,1
в действиях общественных организаций	3,6	2,8
не вижу никакой надежды	3,4	8,2
другое:	1,6	1,2
затруднились ответить	4,2	4,9

* Сумма ответов больше 100%, так как количество выборов ограничивалось тремя, а не одним. Среднее количество выборов в 2007 году – 2,1, в 2009 году – 1,9.

Как видим, за два года в соотношении типов политических культур мало что изменилось.

Наиболее статистически заметны четыре группы граждан. Вот они.

Четверо из каждых десяти опрошенных (42%) по-прежнему обращают свои ожидания в адрес центральной исполнительной и законодательной власти — президента РФ, правительства и Государственной Думы РФ. С одной стороны, это есть отражение стабильного доверия власти, а с другой, — живучести этатистских настроений и ожиданий, что поддержит, поможет, выручит их только власть.

Четверо из десяти (40%) занимают современную «рыночную» гражданскую позицию, считая ответственными за свою жизнь, в первую очередь, самих себя. Эту группу и можно обозначить как социальную базу регионального гражданского общества, во всяком случае, на уровне вербального позиционирования: если не я, то кто же.

Каждый четвертый (25%) также надеется на себя, но в отличие от предыдущей группы, не от осознания собственной силы и ответственности, а вынужденно, как говорится, не от хорошей жизни, от хронического бессилия.

Примерно каждый пятый (18%) надеется и ждет поддержки от региональной власти — губернатора и правительства области.

Как выявленную тенденцию следует отметить тот факт, что несколько снизился показатель ожиданий от региональной (на 4%) и муниципальной (на 2%) власти. Думается, этот тренд обозначился именно в условиях кризиса, растущего бюджетного дефицита области и явно обозначившейся угрозы безработицы.

В ожиданиях жителей Челябинской области вполне проявилась несущественность, вторичность роли партий, движений, а также общественных организаций, хотя это ключевые институты гражданского общества. В качестве «групп поддержки», способствующих усилению социальной защиты в период кризиса, их рассматривает минимально малая доля жителей области — по 4%. И это означает, что в массовом сознании еще нет устойчивого представления, не говоря уже о социальной привычке обращаться за помощью к политическим партиям, за которые население голосует на выборах.

Подведем итог. С одной стороны, и это заметно без социологических опросов, наблюдается постоянно возрастающая инициативная роль государственной власти в формировании гражданского общества как некий осознанный запрос власти на гражданское обще-

ство. А поскольку, как известно, нет власти, решения и действия которой воплощали бы команду «вызываем огонь на себя», то, не особенно напрягая исследовательское воображение, можно заключить, что задача формирования гражданского общества, в последнее время подобно нити Ариадны, дальнейшего общественного развития, проходящая через основные государственные и партийные документы, обещает одно из двух. Либо это проявление одной из системных, как ни прискорбно подметить, черт современной российской власти, а именно имитационности многих властных инициатив под прикрытием черномырдинского «хотели, как лучше». Либо мы имеем дело с действительным намерением создать сеть общественных структур, поддерживающих государственную политику и именуемых «гражданским обществом по-российски», институционализированный политизированный клон формирующегося гражданского общества как институционального воплощения общественной самоорганизации и самопроявления гражданской активности и, что важно, с перспективой постепенной автономизации этого гражданского общества от государственных компетенций и государственных функций.

В таких условиях, и это продемонстрировали данные социологического мониторинга, в последние годы не наблюдается сколько-нибудь заметная динамика развития гражданских отношений (по всем приведенным индикаторам). Более того, проявляется тенденция «отката» активности и сворачивания процесса самоорганизации отчасти в связи с кризисом, а отчасти по причине возросшей инициативности власти в регуляции процесса формирования гражданского общества. «Верхи» в настоящее время форсируют процесс формирования гражданского общества, поскольку опасаются возникновения реально оформленной и эффективно функционирующей гражданской инициативы, а значительная часть «низов» не способна ни на когнитивном, ни на праксеологическом уровне эффективно участвовать в процессе формирования гражданского общества. Подобное состояние российского гражданского общества можно определить как явление пульсации — т.е. чередования роста и спада в гражданской активности населения.

Сложный многомерный феномен, каким является гражданское общество, имеет, естественно, многофакторную природу детерминации. Система факторов, влияющих на процесс его формирования, как любая система

факторов, имеет свою иерархию, в которой на одной из ключевых позиций стоит государство, власть.

Социологический анализ с ясностью продемонстрировал, что прямолинейное воздействие государства на далеко не окрепшее российское гражданское общество, наступательная политика власти, формат властной инициативы в определении его становления противопоказаны его сущностной природе и деформируют её. Пространство формирова-

ния гражданского общества — это пространство глубоких трансформаций общественного и личного сознания, преобразования подданнической, сервильной политической культуры в демократическую и гражданскую культуру, пространство развития гражданской активности, в котором формируется гражданское общество как полноправный партнер диалога с государством. Государство также проделывает непростой путь, избавляясь от режимных признаков авторитаризма и обретая достоинства правового.

1. Дмитрий Медведев — «Новой» // Российская газета. 16 апреля 2009. № 14 (32185) — № 67 (4891).
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. 2008. С.13.
3. Иванов А.Ф., Устименко С.В. Самодержавная демократия: дуалистический характер российского государственного устройства // Политические исследования. 2007. № 5, С.57.
4. Мерсиянова И.В. Предпосылки формирования гражданского общества: ранжировка российских регионов и оценка потенциала социальной базы // Эмпирические исследования гражданского общества / Сборник материалов общественных слушаний. М. 2008. С.92.
5. Мерсиянова И.В. Предпосылки формирования гражданского общества в России // Личность. Культура. Общество. 2009. Вып. 1 (№ 46–47). С.186–192.
6. Омелечкин О. Гражданская культура. Кемерово, 1966. С.2.
7. Политическая социология. Отв. редакторы: чл.-кор. РАН В.Н. Иванов, д-р полит. наук Г.Ю. Семигин. М. Мысль. 2000.
8. Становление гражданского общества в России (правовой аспект) / Под ред. О.И. Цыбулевской / Саратов. 2000.
9. Судьбы гражданского общества в России. Т.2. Екатеринбург, 2004. С.50.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ КАК ПРИНЦИП АНТИРИСКОВОЙ СОЦИОИНЖЕНЕРИИ СОЦИУМА

УДК 1

Л.Ю. ЗАЙЦЕВА

Социоинженерия социума заключается в преобразовании идеальной конструкции в конструкцию социальную. Идеальная конструкция — идея организации социума, часто формулируемая в качестве идеологической концепции либо политической программы. Социальная модель — воплощённая идея организации социума, которая реализует идеальную конструкцию, но обычно значительно отличается от идеального образа. В качестве одной из возможных моделей антирисковой социоинженерии социума мы предлагаем принцип индивидуализации, игнорирование которого (как и любого её компонента и формы) в политике чревато социальным кризисом.

Наша концепция индивидуализации базируется на следующих понятиях:

— социоинженерия — целенаправленное преобразование социума, соответствующее программам развития;

— индивидуализация — становление и проявление индивидуализма в конкретном историческом субъекте или истории в целом;

— компоненты индивидуализации — наследственность и изменчивость, без которых невозможно никакое, в том числе историческое развитие;

— традиционализм — индивидуализационная социальная наследственность, воспроизведение общественных черт из поколения в поколение, в мировоззренческом плане сводится к консерватизму;

— механизмы индивидуализационной изменчивости — адаптация и структурирование;

— адаптация — приспособление к окружающей среде как природной, так и геополитической и культурной, что формирует специфику развития;

— структурирование — создание структуры социума, её усложнение;

— форма индивидуализации — многовариантность.

Планы, проекты, прогнозы, образы технологических новинок или идеи художе-

ственных произведений, т.д. можно назвать идеальными конструкциями. Всё возникающее в социуме воплощается из предшествующего образа. Данная последовательность обозначена уже в Библии, где утверждается, что человек создан по образу и подобию Божьему. Это означает, что появление любого объекта или явления представляет собой воплощение первоначального образа в материальную форму, в которой этот образ оказался результатом человеческой деятельности.

Поскольку идеальные конструкции превращаются в реальность, то мы отождествляем их с целями человека, социальных и политических структур. Они обладают чёткостью образа и идеи, т.е. желаемого итога. Затем обрастают представлениями о механизмах реализации. Идеальные конструкции предугадывают возможные трудности и предполагают пути их преодоления. Они способны эволюционировать, приспосабливаться к изменившимся условиям. Для них характерна целая эпоха зарождения, существования и воплощения, эволюции и умирания. Этим эпохам соответствуют исторические эпохи. Историческая эпоха реализует ведущую идеальную конструкцию, являясь её воплощением. Поскольку идеальная конструкция — результат интеллектуальной деятельности конкретных личностей, то историческая эпоха в первоначальном своём воплощении является итогом практической деятельности исторических личностей. Другое дело, что если интеллектуальный продукт всегда субъективен, индивидуален, то практический результат часто становится продуктом массового действия. Идеальные конструкции, принимая публичные формы, заимствуются, корректируются в соответствии с национальными и региональными особенностями. Для исторического развития характерно волновое движение: от эпицентра возникновения идеи и идеальной конструкции её восприятие осуществляется поэтапно в других регионах, а затем и воплощается там. Волновое движение происходит

в двух плоскостях: идеальной и реальной с некоторым промежуток времени. Чем короче период адаптации идеи, тем динамичнее общество. Чем периоды адаптации длиннее, тем общество консервативнее.

Адаптация идеи включает:

- знакомство с её содержанием;
- принятие ценности реализации идеи для общества;
- осознание возможностей для воплощения идеи, специфичности этого воплощения;
- создание предпосылок для практического осуществления конструкции.

Воплощение идеальной конструкции начинается, когда подготовлена идеологическая, правовая и материальная почва, т.е. потенциально ничто не препятствует реализации задуманного. Кроме того, как правило, воплощение идеальной конструкции осуществляется при наличии социальной опоры преобразований.

Воплощённая конструкция становится относительным образом в сравнении с абсолютным идеальным запланированным образом. Между ними возникают многочисленные различия благодаря неспособности общества и его лидеров к обнаружению всех нюансов реальности, способных повлиять на воплощение.

Область деятельности по «конструированию социума» представляет собой социоинженерию. Самоорганизацию можно отождествить с процессом адаптации к окружающей среде, социоинженерию – с рациональным преобразованием среды. Чтобы преобразовать общество, организовать хозяйственную деятельность, освоить природные ресурсы и т.д., политическая или иная социальная организация:

- формулирует программу преобразований – «идеальную конструкцию»;
- конкретизирует общую идею мероприятиями, способными реализовать эту идею;
- наконец, воплощает намеченные мероприятия, достигая (в лучшем случае) поставленных задач и цели.

Социоинженерия включает все три компонента: «идеальную конструкцию», механизмы воплощения, «реальную конструкцию».

Если механизмы воплощения не учитывают объективную многофакторность, то «реальная конструкция» не будет соответствовать «идеальной конструкции». Социоинженерия требует ориентации в альтерна-

тивности и выбор одной из возможных и наиболее эффективных альтернатив.

Таким образом, социоинженерия предполагает выявление субъективных потребностей, анализ субъективных возможностей и объективных условий, осознание цели и задач, выявление путей их достижения, волевой выбор наиболее приемлемого, волевая реализация выбранного пути вплоть до достижения ожидаемого результата, коррекция непредвиденных факторов и намеченных мероприятий, объективная оценка полученного.

Социальное явление существует как изменяющееся и движущееся во времени, как образ в общественном сознании, а также как результат деятельности личности. Поэтому мы выделяем эти четыре формы: движения, проявления, отражения и действия. Альтернативность, многовариантность, функционально-смысловой спектр и субъективизм – формы, в которых проявляется индивидуализация. Даже сам термин «индивидуализация» предполагает альтернативное, не традиционное проявление, вариантный, а не единообразный результат. Индивидуализация означает направленность исторического процесса: от коллективиста к личности, от объекта исторического воздействия к субъекту, оказывающему историческое воздействие. Индивидуализация проявляется в движении от аморфного состояния к жизнедеятельной, самоосознающей себя и саморазвивающейся структуре. Еще раз особо подчеркну наличие субъектного и субъективного начала в историческом процессе.

Социоинжиниринговое планирование и проектирование сопутствуют человечеству практически с момента его зарождения. Древние наскальные рисунки, изображающие сцены охоты, пронзённых животных, являются примерами такого планирования. Танцы охотников также следует отнести к социальному проектированию. Человек всегда ожидает определённого действия и результата, проигрывая их в мыслях, цифрах, схемах, упражнениях. Планируемая цель закономерно достижима.

Каждая цель имеет определённый набор средств достижения, т.е. трафарет реализации. Особенно ярко трафарет поведения, внешнего вида, даже лексики, постановки речи проявляется в сфере многоуровневого маркетинга. Правило: делай, как я, походи на меня и будешь таким же успешным, является ничем иным, как

трафаретной установкой к действию. В трафарет могут входить личностные качества, требуемые для сферы реализации, характер образования и образовательный уровень, профессиональные умения и навыки, карьерный рост, методы и технологии прогрессирования, др. Иногда достаточно иметь талант и способность влиять на людей. Влияние соответствует силе обаяния или авторитета. Великой личности присущ талант – политика, военачальника, коммерсанта, учёного, художника, артиста.

От чего зависит, что один человек достигает желаемого, а другой нет? Выбор цели требует выбора волевого напряжения и ответственности: чем значительнее цель, тем больше напряжение и ответственность. Энергетические затраты могут стать превышающими энергетический потенциал человека. Важной становится способность регулировать энергетический режим своего организма. Кто-то не может сконцентрироваться, кто-то, напротив, расслабиться. Овладение методиками подобной регуляции позволяет человеку максимально самореализоваться. Большую роль играет интенсивность деятельности. Недостаточная интенсивность, непоследовательность реализации приводят к недостижимости планов. Энергетические запасы у людей различны. Максимального успеха достигают те, кто обладает огромными запасами и способностью концентрировать их на осуществлении установки.

Существует определённый образ-образец, представляющий ожидаемый тип в какой-либо роли. Нетипичность образа препятствует принятию его общественностью, даже если он принадлежит талантливому человеку.

Проектирование на уровне общества и государства или социального института ещё более значимо, чем на уровне отдельной личности. Россия знала пятилетки, на современном этапе осуществляет социальные проекты. Идея социоинжиниринга предполагает постановку далёких перспектив, программирование их достижения, осуществление мероприятий по реализации программ, коррекцию в соответствии с изменяющимися реалиями. При этом учитываются объективные условия и субъективные факторы, оцениваются состояния и динамика, анализируется риск и возможности сведения его до минимума (= допустимый риск). Успешность такой политики гарантирует последовательность и постепенность в достижении

цели. Консервативный курс обычно изобилует противоречиями, которые тормозят прогресс и способствуют нарастанию кризиса. Преодоление противоречивости потребностей, целей и задач можно считать сложнейшим шагом в социоинжиниринге. Такое преодоление невозможно без отказа от некоторых приоритетов (либо уже устаревших, либо ещё не своевременных). Социоинжиниринг предполагает динамичное реагирование на изменение ситуации. Хорошим примером могут служить бизнес вообще, товарные и финансовые биржи, спекуляция на рынке ценных бумаг и т.д. Каждая минута может стать решающей. Поэтому социоинжиниринг вызывает высокое физическое и эмоциональное энергетическое напряжение.

В социоинжиниринговой политике самым важным является чёткая постановка цели и объективная оценка путей её достижения. В зарубежных методиках достижения личностного успеха предлагается сделать коллаж своего успеха, т.е. изобразить то, что хочешь иметь в будущем, к чему можешь стремиться и что будешь реализовывать. Следует признать, что наглядность целей способствует их объективации. Поиск самого оптимального варианта объективации цели требует постоянного анализа, так как ситуация быстро меняется. Оптимальным может считаться тот вариант, который позволяет с минимальными затратами достичь желаемой цели в кратчайшие сроки. В этом заключается основное правило эффективности (закон социоинжиниринга). Если правило реализуется, значит, был произведён безошибочный анализ развития. Примерами успешного социоинжиниринга служат создание империи Александра Македонского, складывание предпосылок превращения Португалии в великую морскую державу при Генрихе-Мореплавателе, победа России в Северной войне над Швецией в результате комплексных мероприятий Петра Великого.

Эпоха информационных технологий ориентируется на абсолютизацию социоинжинирингового подхода к политике, экономике и другим сферам. Проектирование реальности пока носит аспектный характер и требует глобализации. Комплексный анализ возможен при максимально полном видении современного мира и его перспектив. Это условие актуализирует гуманитарные исследования, синтез социальных наук, государственную поддержку созданию теории социоинжиниринга. Социальное проектирование следует преобразовать в историческое

проектирование. Последнее означает преобразование исторической модели в соответствии с программными целями общества и государства. Историческое моделирование до сих пор являлось объективным процессом. На современном этапе оно может и должно целенаправленно корректироваться. Это уже происходит. Процесс глобализации формирует общие ориентиры, в рамках которых осуществляются преобразования. Обще-ственно-политические и социально-экономические трафареты копируются, хотя и не повсеместно.

Историческое проектирование возможно лишь в условиях преемственности политики. Для человеческого сообщества свойственны значительные перепады в направлениях и оценках. Поэтому сохранить преемственность довольно трудно в условиях реальной демократии. Социоинжиниринг уже выработал практику преемственности власти в России: президент готовит себе преемника, партия у власти осуществляет пропрезидентский курс и выдвигает на выборах президента кандидатуру преемника, подчёркивая систему преемства власти. Это, с одной стороны, не нарушает Конституцию РФ, с другой стороны, соответствует потребностям традиционалистского большинства сохранения властной традиции. Люди стремятся к стабильности, особенно, если происходит стабильное улучшение их жизни, промышленный подъём, развитие экономики. Поэтому будут голосовать за тех, кто находится у власти, и тех, кого сама власть предложит на выборах. В таких условиях у оппозиции нет никаких шансов разделить власть. Оппозиция превращается в формальную компоненту демократической модели. Таким образом, демократическая модель развития для России остаётся формальным трафаретом, который не подходит под российские реалии и приоритеты. Авторитарно-мобилизационная модель развития России сохраняет своё преобладание, но под влиянием глобализации замыкается в формальные правовые рамки демократии.

Социоинжиниринг опирается на управление психологией масс. В США умело формируют тот тип психологии масс, который наиболее выгоден для правящей верхушки. Это психология узкого специалиста, часто мало образованного в других сферах, с которыми профессионально человек не связан. Это психология человека, который так озабочен собственным успехом и комфортом, что не понимает, как это достигается на

государственном уровне. Любые шаги государства приветствуются, если они не препятствуют личному успеху и не нарушают личный комфорт. В результате большинство населения патриотично и аполитично. Это идеальное психологическое содержание населения с точки зрения политической элиты демократического государства. В условиях тоталитаризма психология большинства должна была сочетать патриотизм с высокой степенью идеологизации. Это демонстрировали и СССР, и Германия в 30-е годы XX в.

Социоинжиниринг современного государства — это политика мировых лидеров. Она включает создание условий, при которых риск для благополучия государства сводится к минимуму, а в идеале совершенно исключён. Таким образом, социоинжиниринг — это реализация программы мирового лидерства. Несамостоятельным в политических шагах государствам (Польша, Украина, Грузия) осуществлять суверенное структурирование реальности не под силу. Они являются средствами для достижений целей ведущих держав.

Понятие о рисках развития существует постоянно, в том числе в современной экономике или иных сферах. С точки зрения исторического развития, видимо, следует чётко представлять магистральный прогрессивный путь и сопровождающие его риски. К рискам относятся факторы, свойства, элементы, способные подорвать общественную систему, ослабить её или разрушить. Общество всегда балансирует на грани само- или разрушения. Переступая эту грань, социум гибнет. Риски в своём многообразии, в полном объёме практически не контролируемы. С другой стороны человечество способно игнорировать даже явные риски, находящиеся на поверхности. Риски предполагают, как и любое явление, альтернативу: «пан или пропал». В погоне за выгодой возможностью негативного исхода пренебрегают.

Итак, риски могут быть явными и скрытыми, прямыми и опосредованными. Явные риски показывают возможную опасность, что позволяет её преодолеть. Поэтому среди главных функций рисков — информационная и корректирующая функции. Это своеобразная система оповещения общества, сигнализация о существующих проблемах. К явным рискам можно отнести германскую агрессию и развязывание Второй мировой войны в условиях европейского попустительства. Риск развития военного конфликта был настолько очевидным, что никто и не

сомневался в скорейшем начале военных действий. Другое дело, что каждая из сторон назревавшего противоречия надеялась, что развитие событий пойдёт в выгодном именно для неё направлении. Между тем, уже существовавший опыт Первой мировой войны показывал неизбежные глобальные перспективы конфликта. Так история предупреждала человечество об угрозе глобальной катастрофы. Сигналы-предупреждения со стороны истории не были приняты во внимание политическими элитами.

Риски, как сигналы предупреждения, могут быть просчитаны движущими силами истории, в первую очередь политическими элитами, способными к историческому анализу и коррекции общественного движения. Но так как интересы элиты часто противостоят общественным, то предупреждение остаётся без последствий. Объективно ли моё суждение? Я исхожу из того, что действительно явные риски, существующие в истории, часто элитой просто не берутся во внимание. Массы тоже способны воспринимать угрозу рисков, но, не обладая механизмами регулирования исторической ситуации, они редко могут эффективно использовать полученную информацию. Исторический процесс настолько детально функционально сбалансирован, сложен и логичен, что «информационная историческая служба», выраженная в механизме рисков, или другие специальные системы, позволяющие истории осуществляться, поистине удивляют.

С другой стороны, в отношении рисков действуют психологические установки, которые так или иначе разбалансируют общественную структуру. Например, одна установка — боязни риска, свойственная консервативному, традиционному менталитету, стремящемуся к сохранению структуры, что приводит в итоге к кризису застоя. Другая установка пренебрежения конкретным риском, гласящая: «кто не рискует, тот не...», что сводит политику к авантюре, нередко приводящей к негативным последствиям. Наконец, установка отказа от любого самоконтроля в отношении возможных рисков, сформулированная в словах: «после нас хоть потоп», что отрицает какую-либо персональную ответственность перед историей. То есть в истории развит институт предупреждения об опасности, но общество в силу своих психологических особенностей не пользуется этим институтом в полной мере. Но это не значит, что оно не может им в конце концов воспользоваться. Социоинжиниринг и пред-

полагает объективное видение исторической тенденции, ситуации и самореализацию в ней с наибольшим эффектом.

Скрытые риски можно признать таковыми лишь относительно. Если прислушаться к оповещательным сигналам истории, то можно выявить и те угрозы, которые чем-то завуалированы. Обычно цепь рискованных обстоятельств не берут во внимание, а в итоге ситуация выходит из-под контроля. Так случилось с выдвижением Сталина в руководители партийного аппарата. Это само по себе не являлось прямой угрозой для ленинской гвардии, но в совокупности рискованных условий оказалось губительным для неё событием. Вообще система безопасности истории тем и уникальна, что она не даёт сбоя, всегда предупреждает о возможных последствиях. Пользоваться системой безопасности истории человечество не желает, игнорирует очевидную информацию, пренебрегает явными признаками риска.

К другой стороне риска относится его неизбежность, неотвратимость в условиях прогресса. С точки зрения технико-технологического, социально-экономического и общественно-политического прогресса развитие невозможно без эксперимента. Последствия эксперимента, даже рискованные в конкретном случае, дают возможность преодолеть риск в дальнейшем. Например, риск при выработке лекарственного препарата, риск при разработке системы безопасности или других характеристик автомобиля, риск внедрения новых технологий строительства, риск освоения новых земель и открытия морских путей, т.д. Пренебрежение риском в этом случае часто оправдано и необходимо. Такой риск не подрывает общественную систему в целом, а разрушает лишь её традиционные формы, придаёт системе динамику. Но риск в условиях эксперимента просчитывают и стараются минимизировать. То есть риски прогресса не просто игнорируют, а идут на них сознательно, преодолевая по возможности негативные последствия. Это позволяет избежать крупных трагедий, пусть и не всегда. Зато в итоге жизнь общества становится более комфортной и безопасной. Поэтому не менее важной функцией рисков является исторический эксперимент и выработка нового состояния и качества.

В условиях структурирования и усложнения, когда необходимо ориентироваться в альтернативах путей развития, риски помогают сделать выбор. В этом случае роль играет оценочная функция рисков. Оценка

всегда является составным элементом выбора. В распространённом правиле выбирать «наименьшее зло» присутствует осознание рисков в любой альтернативе и признание необходимости избежать наиболее существенных из них. Конечно, при развитии оценивается не только риск того или иного направления, но и выгоды. Не всегда высокий риск становится, как мы уже выяснили, основанием для отказа от высокой же прибыли или исторического прорыва. Существуют категории людей, которые не могут быть ограничены боязнью риска, многие идут на риск вполне осознанно, даже если риск безальтернативно смертелен (например камикадзе). В этой связи знание о риске ещё не является гарантией предотвращения негативного последствия. Субъективный выбор в большей степени зависит не от информации о рисках, а психологических установок в отношении них.

Для нормального развития необходимо сохранять баланс между риском и выгодой. Риск не должен становиться преобладающим. Потому что в итоге пострадают народы, человечество или природа в целом. Глобальные проблемы стали результатом игнорирования рисков в истории. Сиюминутная выгода признавалась значительно преобладающего потенциального риска. В итоге выгода узких социальных, политических, национальных кругов стала основанием выбора рискованного, кризисного направления развития. Выбор направления осуществляется историческими лидерами, поэтому вся полнота вины за возможные последствия рискованного выбора возлагается на лидеров. Это ответ на извечный вопрос российской интеллигенции «Кто виноват?» Рискует тот, в чью компетенцию входит выбор. Чем шире демократические традиции, тем больше категория лиц, способная к выбору и отсюда постоянно находящаяся в зоне риска. Никакие социальные гарантии не способны преодолеть рискованность развития, особенно в условиях рынка. Любая общественная система содержит в себе комплекс специфических для неё рисков. Не нужно идеализировать ни одну из систем. Благодаря эгоизму элиты даже наиболее совершенные общественные системы способны выбрать наиболее рискованный путь развития.

Именно буржуазная цивилизация ставит проблему выгоды наиболее остро. Прибыль является целью капитала. Риск в этом случае считается оправданным. Поэтому политические революции являются чертой ис-

ключительно буржуазной цивилизации. Мировые войны и глобальные проблемы тоже возникают на индустриальном этапе истории. В результате можно сделать вывод, что риски для человечества постепенно возрастают, а не ослабевают. Риски традиционной эпохи не ставили вопрос о конце истории, а риски современной эпохи такой вопрос ставят. Следует признать действие исторического закона рискованного развития: пока существуют риски, остаётся возможность их реализации. Политической элите просто необходимо заниматься проблемами рисков: выявлять их, оценивать реальные перспективы, корректировать ситуацию с целью ослабления рискованного характера развития, формировать гарантии, минимизирующие риски.

Возможно ли историческое развитие без рисков? Невозможно. Можно ли превратить историю в бескризисный процесс, когда риски преодолеваются? В условиях многоукладного и конфликтного общества это тоже невозможно. В чём тогда суть размышлений о рисках в истории? Необходимо перейти от политики антикризисных мероприятий к политике антирисковых мероприятий, что позволит если не уничтожить риски развития полностью, то хотя бы сократить и ослабить их. Превентивная антирисковая политика должна стать одним из важнейших направлений как мировой, так и национальных стратегий развития. Такую политику, либо очень близкую к ней, вполне сознательно, целенаправленно осуществляют США в рамках обеспечения государственной безопасности, что является вполне эффективным даже в настоящее время, непростое для Америки. Напротив, антирисковые мероприятия в сфере экономической безопасности в последние десятилетия в США были упущены, что привело к финансовому кризису. Для России в неблагоприятном геополитическом окружении риски исторического развития постоянно усиливаются, что выливается в многочисленные пока ещё локальные и преодолимые кризисы — грузинская агрессия в августе 2008 г., российско-украинский газовый конфликт января 2009 г. Но эти кризисы являются предвестниками возрастающего риска более глобального конфликта. Не считаться с этим означает скатываться к такому конфликту.

Социум достаточно индивидуализирован, чтобы выступать в качестве рациональных и дальновидных личностей, которые способны объективно оценивать свои дей-

ствия и путём социоинжиниринга структурировать реальность, удовлетворяющую интересам максимального количества исторических субъектов.

Точно так же, как человечество освобождается от зависимости от своих страхов, природных условий, человек ищет социальную свободу. Живя в коллективе, подчиняясь его традициям, нормам, законам, человек осознаёт свои индивидуальные потребности, которые могут противоречить общественным, начинает бороться за свои права, а в конечном итоге добивается их признания. Поэтому индивидуализация — это освобождение, становление свободной личности, её свободная самореализация. Освобождение от страха и зависимости означает преодоление отрицания человеком самого себя, сдерживающих его факторов.

Исходя из сказанного, индивидуализация предполагает:

- реализацию позитивных категорий и преодоление категории отрицания;
- превращение человека в субъект, вышедший из-под давления природы;
- достижение социальной свободы.

Другими словами, человек в процессе индивидуализации преодолевает свою ограниченность и слабость, становится творцом собственного мира (техногенной природы, культуры) и добивается самоутверждения в социуме. Этот путь становления индивидуализма, личностного начала не пройден до конца и современным человечеством. Лишь отдельные личности и отдельные социальные, политические структуры достигли относительной свободы. Кто может считаться свободным, прошедшим путь индивидуализации? — Человек успешный, благополучный, самореализованный, достигший поставленных перед собой целей, при этом не разочарованный результатом. То же самое относится к индивидуализировавшемуся обществу.

Критериями оценки индивидуализации могут стать прогресс, результативность и эффективность развития. Прогресс возможен при сочетании двух обязательных структурных компонентов индивидуализации — наследственности и изменчивости. Человек способен развиваться только при аккумулировании опыта человечества и личного опыта. Но простое накопление знаний и умений может не привести к качественному развитию личности. Необходимо меняться, чтобы соответствовать требованиям времени, поставленным задачам, изменяющейся среде. Следовательно, индивидуализация — это постоянное энергетическое напряжение, состояние движения, преодоление покоя. Индивидуализация — поток энергии, которая субъективируется, то есть воплощает идеи, удовлетворяющие потребности эволюции личности и социума.

Таким образом, в основе нашей концепции лежит идея индивидуализации социума как субъекта истории, создающего и реализующего свои идеальные конструкции. Эти конструкции воплощаются в действующие социальные модели, которые искажают идеальную конструкцию при отсутствии объективных условий для осуществления идеи. Это может произойти, когда преобразования в обществе не учитывают его традиционализма или игнорируют изменения в окружающей среде (в том числе потенциальные риски).

Данная концепция позволяет участвовать в изучении проблемы управления обществом, разрабатывать механизмы управления. Наибольший практический эффект она принесёт в совокупности с развитием аналитического принципа, который раскрывает многочисленные аспекты исторического развития, знание о которых необходимо для учёта сложности, многофакторности, специфики развития социума.

ПРЕСС-СЛУЖБА В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 351

Н.А. ДЕНИСОВА

В информационном обществе отношения в системе «власть – информационная политика – массмедиа – народ» складываются по-новому. В условиях открытого общества, которое сегодня формируется в России, структура субъекта и объекта информационного воздействия весьма усложнилась. Потребность в актуальной информации и управлении ею определила необходимость формирования специальных структур, обеспечивающих информационное сопровожде-

ние деятельности государственных, коммерческих, общественных организаций. В рамках информационной системы «власть – народ» такой специальной структурой, способной оказывать информационное воздействие на состояние общественного сознания (общественное мнение, общественное настроение, социальное самочувствие), стала выступать *пресс-служба* государственного органа власти. Схематически эту систему можно представить так.

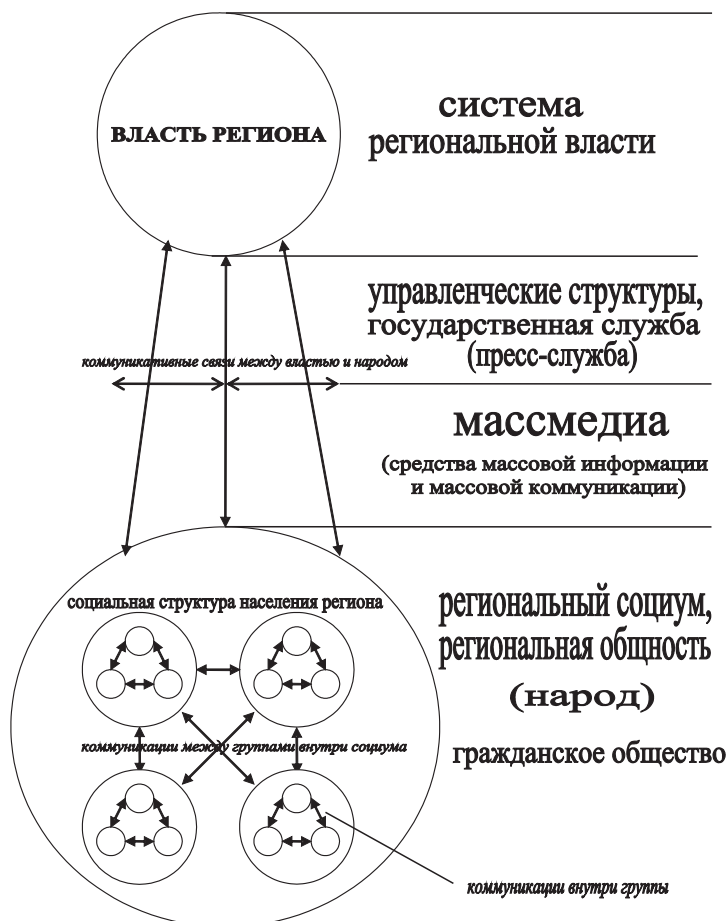

Рис.1. Система информационно-коммуникативных отношений в системе «власть – пресс-служба – народ».

Где:

Власть выполняет следующие функции: 1) господства (господствующий класс); 2) руководства (руководители исполнительной и законодательной власти региона); 3) управления и организации; 4) контроля.

Государственная служба — это 1) социальный институт (социально-государственный институт); 2) профессиональный слой людей; 3) властная структура. *Пресс-служба* — это 1) институт государственной службы, который призван в новом информационном обществе выполнять различные функции; 2) связующее звено, обеспечивающее обмен информацией между обществом и властью (между обществом и организацией, на базе которой создана пресс-служба).

Массмедиа (средства массовой информации и массовой коммуникации) — 1) социальный институт, обеспечивающий взаимосвязь власти и социума; 2) система, включающая в себя телевидение, радио, печать, Интернет.

Социум — социокоммуникативная система, внутри которой люди, социальные слои, общности и т.д. взаимодействуют друг с другом. Под *социальной структурой* мы понимаем всю совокупность классов, слоёв, общественных групп и т.д. При этом *социальные общности* — это относительно устойчивые совокупности людей, отличающиеся более-менее сходными условиями и образом жизни, более-менее сходными интересами (региональные общности и т.д.).

Сложная система информационно-коммуникативных отношений является одним из объектов исследования новой науки — *социальной информатиологии* — науки о законах функционирования социальной информации (информации, которая отражает жизнь социума) и коммуникации. При этом современная пресс-служба включена в объект социальной информатиологии, следовательно, методы новой науки применимы для ее исследования.

Основным специфическим методом социальной информатиологии является *информационный подход* в познании практики, который разрабатывали В.С. Готт, Э.П. Семенюк, А.Д. Урсул, В.Д. Попов [1]. Информационный подход включает в себя *социоинформатиологический и социокоммуникативный подходы*.

Социоинформатиологический подход нацелен на исследование законов социальной информации, которая идет по каналам

коммуникации, ее содержания, то есть на информации, которую несет пресс-служба, анализе информационных посылов власти к народу. Термин «*информация*» в условиях формирования информационного общества является ключевым.

Под *информацией* мы понимаем — *совокупность идей, сведений, суждений, мнений, отражающих жизнедеятельность социума и циркулирующих в обществе по определенным каналам (массмедиа, массовая коммуникация: слухи, сплетни, домыслы и т.д.). Эта совокупность способна формировать на стратегическом уровне общественное сознание, на тактическом — его состояние: общественное настроение, общественное мнение, социальное самочувствие.*

Пресс-служба обладает *информационным потенциалом*, который мы рассматриваем как совокупность *атрибутивных и функциональных свойств информации*, передаваемой пресс-службой в социум, точнее в общественное сознание (сознание населения), и как совокупность средств, методов и условий, позволяющих эффективно использовать доступные информационные ресурсы. Чтобы понять *атрибутивный подход*, сотрудники пресс-службы должны хорошо знать биосоциальные законы, уметь применять когнитивную теорию и теорию отражения, понимать сущность категорий «материя» и «сознание», природу взаимодействия живой и неживой природы, суть рефлексологии, особенно коллективной рефлексологии. Этот подход лежит в основе новейших информационно-психологических технологий, таких, как 25 кадр, НЛП (нейро-лингвистическое программирование, информационное зомбирование); он объясняет единство гуманитарной и электронной составляющих информационных технологий; он позволяет заниматься «расшифровкой» знаков и символов, оставшихся нам от древнейших цивилизаций и не раскрытых до сих пор. *Функциональный подход* продолжает атрибутивный, превращает информацию из потенциальной в функционирующую за счет вступления в этот процесс субъекта отражения и познания. Этот подход раскрывает фактоследствия. Без единства атрибутивного и функционального подходов информационная политика превращается в пропаганду и агитацию, а деятельность пресс-службы теряет эффективные средства формирования информационного общества в России. Очевидно, что информационный потенциал пресс-службы огромен, но на практике он

часто не используется или используется не полностью. Часто функции пресс-службы сводятся к распространению материалов о деятельности органов власти и построению отношений с массмедиа в контексте «говорить о власти в регионе нужно хорошо». Такой подход непродуктивен, большинство областей информационной работы оказывается неохваченным. Выходом из этой ситуации может стать значительное расширение функций пресс-службы, особенно в условиях формирования информационного общества в России.

В рамках социоинформациологического подхода в деятельности пресс-службы важно достижение *эффекта информационной и ментальной идентичности* (тождественности) и их единство (соответствие политики региональных властей запросам «коллективного бессознательного»), а также единство экономической, политической и информационной идентичности.

Достижение *информационной идентичности* между официальной информационной политикой власти и неофициальной информационной политикой народа (народной политикой, основанной на бытийственной информации, на обмене информацией в процессе межличностного общения: здесь и слухи, и домыслы, и догадки, и выдумки, но и зрелые, мудрые суждения) должна достигаться высокая степень *информационной идентичности (соответствия, тождественности)*. В противном случае будут развиваться социально-психологические механизмы: сомнение, недоверие, недовольство, отчуждение в отношениях власти и народа. Важнейшим регулятором в процессе достижения информационной идентичности являются массмедиа и средства политической коммуникации. На практике это возможно, если сотрудники пресс-службы умеют грамотно переводить идеи, теории, управленческие решения с теоретического и специализированного уровней на уровень массового и бытового сознания, не допуская при этом разрывов в уровнях общественного сознания. В этом состоит

эффект целостности общественного сознания и заложена суть информационного обеспечения проводимых государственных реформ в контексте гармонизации взаимодействия общественного бытия и общественного сознания. Населению необходимо разъяснять и аргументировать решения властей. В условиях реформирования общества важно реализовать *принцип достижения опережающего информационного эффекта* в формировании общественного сознания. Пресс-служба должна осуществлять полноценное информационное сопровождение реформ от стадии разработки до их реализации на практике. В современных условиях люди далеко не всегда имеют достаточное представление о смысле, сути, цели реформ и преобразований, об их механизме, о том, что в конечном счете дадут они для простого человека. Чтобы устранить это несоответствие, задача пресс-службы – вести открытый и публичный диалог (обсуждение с населением, публичная экспертиза), то есть обеспечивать развитие диалоговой, дискурсивной парадигмы информационной политики. *Эффект диалога, дискурса* в системе «власть – массмедиа – народ» должна достигаться на основе отношений социального партнерства. Такая система информационной работы призвана разъяснять гражданам суть реформ, программ и проектов, а также обеспечивать механизм обратной связи с тем, чтобы предложения и замечания «с мест» можно было учесть при корректировке решений власти. В этом заключается *корректирующая функция* пресс-службы, которую можно рассмотреть в рамках *мотивационной парадигмы* или мотивации социального поведения. В данном случае сотрудниками пресс-службы должен изучаться заключительный этап информационного процесса – мотивации социального поведения на основе усвоенной, переработанной людьми информации посредством социально-политической и медиакommunikации в системе «власть – информационная политика – народ». Схематично этот процесс можно изобразить так:

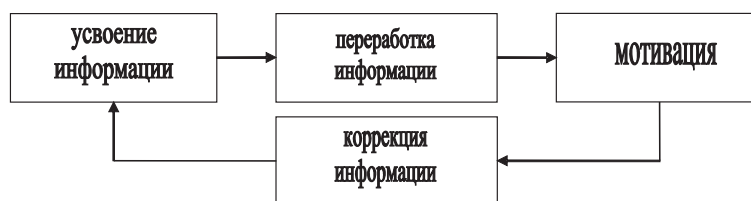

Рис. 2. Мотивация социального поведения.

Основой такого управления является информационная потребность, а механизм реализации в информационном обществе

выражается формулой коммуникативного необихевиоризма:

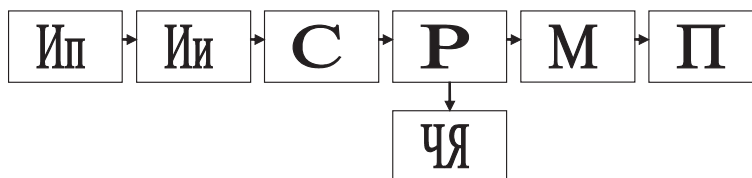

Рис. 3. Формула коммуникативного необихевиоризма.

Где:

- Ип — информационная потребность (как объективный факт социального бытия), она пронизывает все другие человеческие потребности, обслуживает их и в то же время носит самостоятельный характер;
- Ии — информационный интерес (как осознанная потребность);
- С — стимул (заинтересованность / незаинтересованность, осознанность / неосознанность информации, как отражения бытия и распространяемой информации в массмедиа);
- Р — реакция на стимул на уровне сознания;
- ЧЯ — реакция на стимул на уровне бессознательного («черный ящик», «ящик Пандоры» (по В. Попову), где, кроме осознанной информации, записана информация глубинного, ментального характера в сфере подсознательного и бессознательного);
- М — мотив поведения, деятельности (адекватный / неадекватный информационной потребности);
- П — поведение, деятельность (результат мотивации).

При таком подходе реакция на стимул должна исследоваться сотрудниками пресс-службы не только на уровне сознания, но и на уровне расшифровки «черного ящика», в котором хранится народное бессознательное или *коды народовластия*. К ним относятся: национальный характер, народная память, религиозное самосознание, история, культура, мифы, архетипы, символы и т.п. Далее для достижения максимального коммуникативного эффекта в системе «власть — пресс-служба — народ» эти коды должны соотноситься с *кодами власти и медийными кодами*. По Луману из двух партнеров по коммуникации «носителем власти является тот, кто вносит в процесс коммуникации неопределенность или же

способен ее устранить» [2], проще говоря, тот, кто принимает решения. Поскольку количество партнеров по коммуникации, которые при трансляции решений выступают в качестве промежуточных звеньев, может оказаться очень большим, вырабатывается специфический код. Это — код власти, представления подчиненных о ней, позволяющие им более или менее успешно предвосхищать (антиципировать) ее решения. Таким образом, код власти обеспечивает единообразие реакций у подчиненных и упрощает процесс управления, при этом сама «власть — это управляемая кодом коммуникация». Анализ политических событий показывает, что в качестве кодов власти могут выступать авторитет, страх, политическая воля, полномочия, компетенция, сила, потенция, символ, миф, архетип т.п. К медийным кодам правомерно отнести те феномены, которые выполняют функцию кода власти и средств политической коммуникации. В качестве таковых выступают истина, правда, авторитет, рейтинг, доверие, совесть, любовь, религия (религиозные догматы), искусство и т.п. Эти медийные, коммуникативные коды составляют каркас, парадигму массовой политической коммуникации.

В результате сопоставления кодов возможно достижение *ментальной идентичности* в информационной политике при условии акцентуации на лучших свойствах менталитета и погашении его негативных качеств. Таким образом, закон ментальной идентичности отражает существенные связи между содержанием реформ, политикой реформаторства в целом и менталитетом народа. В нашем случае соответствие этому закону есть степень соответствия содержания реформ, их информационного обеспечения менталитету российского народа (культуре, обычаям, нравам православных и т.д.). Во многих публикациях кафедры управления социальными и экологическими системами РАГС доказывается, что все ре-

формы в России (Петра I, Александра II, Столыпина, НЭП Ленина, реформы Косыгина и т.д.) «ломаются» о менталитет народа. Его надо не ломать, а защищать, считаться с ним. Нужно не менталитет подгонять под реформы, а реформы под менталитет. В этом заключается *эффект психокоррекционной функции* информационной политики с акцентуацией в массмедиа лучших ментальных свойств народа. При этом на базе ментальных ценностей важно сформировать силу духа у главной производительной силы — народа, вселить уверенность в массовом сознании в непереносимое достижение экономических успехов России. Пресс-служба, массмедиа, информационная политика в целом должны служить обеспечению связи, так как социум заинтересован в обеспечении темпов экономического роста. В научном плане правы те, кто считает, что ментальные черты надо корректировать, развивать, тем самым реализовывать психокоррекционную функцию государственной информационной политики с помощью долговременной программы, в которой код власти должен соответствовать коду народовластия. Последние должны соответствовать медийным кодам и кодам гражданского общества. В этом заложена *психокоррекционная функция* пресс-службы.

Основой экономической, политической и информационной идентичности является тип общественных отношений. Характерным для российской ментальности является поддержка малого и среднего бизнеса, наряду со «сверхкорпорациями» и развитием «информациологической экономики» (М. Кастельс). Ученые подробно описали процесс, когда информация стала выступать главным субстратом в *экономической парадигме*. В классической методологии основным субстратом этой парадигмы была «вещь — товар» (К. Маркс), в неклассической — человек или «человеческий капитал» (общество потребления), в постнеклассической — информация и знания человека. Формирование постэкономического общества одни рассматривают в контексте цивилизационной трансформации: «*информационной цивилизации*» (Р.Абдеев), «*третьей волны*» цивилизации (Э.Торффлер), «*информационной эпохи*» (М.Кастельс). Другие отождествляют его с *постиндустриальным обществом* (В. Инноземцев, А. Панарин и др.), то есть обществом с новой индустрией, которое приходит на смену индустриальному. В таком обществе «все больше рабочего и свободного времени за-

трачивается на производство, потребление и использование информации», где в производительных силах и производственных отношениях, в приращении капитала на передний план выходит эффект от использования знаний и информации.

При этом важно отметить, что информация может быть *истинной* (объективной), ложной или *асимметричной*. Асимметричная информация по Стиглицу [3] имеет место, когда одна сторона обладает большей информацией, чем другая. В русской литературе асимметричную информацию также называют *несовершенной информацией*, *неполной информацией*. Представим ее как единство противоположностей и изобразим в виде маятника:

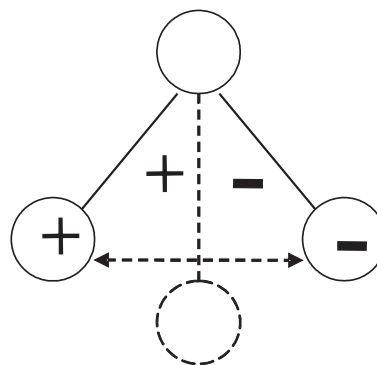

Рис. 4. Маятник асимметричной информации.

Где:

В секторе со знаком «+» заложено содержание положительной информации: объективной, истинной.

В секторе «-» заложено содержание негативной, искаженной информации.

Таким образом, сектор «+» отражает реальное состояние дел, экономических, политических и т.д. процессов и отношений между субъектами. Это конструктивная составляющая сознания. В секторе «-» заложена спекулятивная, манипулятивная, интерпретированная, интерсайдерская информация (она недоступна массовому сознанию). Это формирует дефицит истинной информации в общественном сознании. Результатом такого процесса может стать паника, тревога, апатия, депрессия, фрустрация, мотивация в суициду или эмиграции и т.д. При этом в психике людей остается глубокий след в исторической памяти на уровне бессознательного (по Фрейду) [4]. В условиях информационного общества при

распространении информации пресс-службой в системе «власть – народ» крайне важно заниматься восстановлением фундаментальных ценностей в сфере «Сверх – Я», таких, как совесть, стыд, порядочность, душевность, доброта, взаимопомощь.

В связи с тем, что в ментальный мир человека также входит культура, при изучении деятельности пресс-службы правомерно использование *культурологической парадигмы*. Здесь речь идет о формировании информационной культуры, организации медиаобразования и медиавоспитания. В «Концепции государственной информационной политики» [5] особое внимание уделяется массмедиа. Там говорится, что «СМИ есть действенный канал информирования общества о деятельности власти и общества, о жизни общества и его реакции на действие власти. Эти особенности делают СМИ важнейшим социальным институтом и необходимым объектом государственной информационной политики. Современные СМИ не только оперативно отражают мировые события, но в значительной степени занимаются анализом информации, ее предварительной фильтрацией и целенаправленным отбором. Благодаря этому СМИ являются мощным средством воздействия на сознание людей». Сотрудники пресс-службы должны «окультуривать массмедиа» и стараться формировать духовную массовую культуру. В этом заключается *культурно-образовательная функция* пресс-службы. Важность этой функции подчеркивает в своей работе Е.П. Прохоров: «Будучи одним из институтов общественно-политической культуры общества», пресс-служба должна «участвовать в пропаганде и распространении в жизни общества высоких культурных ценностей, воспитывать людей на образцах общемировой культуры, тем самым способствуя всестороннему развитию человека» [6]. Таким образом, пресс-служба берет на себя функцию социализации граждан. В отличие от журналистской практики реализация культурно-образовательной функции в нашем случае приобретает более жесткую прагматическую направленность – сформировать у людей представление о деятельности власти, научить пользоваться демократическими механизмами воздействия на власть.

Для более полного исследования информационной деятельности одного социоинформационного подхода недостаточно, потому что в деятельности пресс-службы важна не только социальная информация сама по

себе, но и каналы передачи этой информации, механизмы взаимодействия субъектов и объектов информационной политики. Раскрыть это помогает *социокоммуникативный подход*. Он нацелен на изучение, в первую очередь, социальной коммуникации и заключается в том, чтобы понять коммуникативную природу института государственной службы России и пресс-службы как ее части. Акцент делается на *коммуникации* власти и народа. Термин «коммуникация» в научной литературе появился в начале XX века. С.В. Бориснев отмечает, что «без коммуникации невозможно конструирование социальных общностей, социальных систем, институтов, организаций и т.д., существование социума как такового. Коммуникация пронизывает все стороны жизни общества, социальных групп и отдельных индивидов» [7].

Под *коммуникацией* понимается:

1) *система связей и отношений* между субъектами, регионами и так далее, предполагающая и обеспечивающая различного рода контакты и *взаимодействия* между ними [8];

2) *процесс обмена или передачи информации, идей, знаний, финансов, технологий, сырьевых и иных ресурсов* от одного субъекта другому [9];

3) *необходимый элемент взаимодействия людей, групп, народов, государств*, в ходе которого осуществляется передача и взаимопередача информации, чувств, оценок, значений, смыслов, ценностей, занимающих ведущее место в *сфере социальных процессов* [10].

Из данных определений выделим ряд существенных черт. Во-первых, *коммуникация – это общение человека с человеком с помощью информации*, посредством обмена информацией. Во-вторых, *коммуникация есть субъект-объектные и субъект-субъектные отношения людей*. В-третьих, *содержательным ядром коммуникации является информация*.

В рамках своей деятельности пресс-службе приходится взаимодействовать с другими субъектами и объектами информационной политики (с муниципалитетами, массмедиа, институтами гражданского общества, политиками и т.д., а главное с населением как основным источником власти по Конституции РФ). В этом заключается политико-коммуникативная природа пресс-службы как одного из субъектов информационной политики. Коммуникативную природу имеют также институты гражданского общества и институты государства, тем более вза-

Рис. 5. Механистическая модель информационного воздействия.

Где:

Субъект – субъекты информационной политики (государство, институты гражданского общества, политики, пресс-служба, массмедиа и т.д.)

Объект – социум (зрители, слушатели, читатели, пользователи Интернета и т.д.).

Информационное пространство –

1) совокупность носителей информации, самой этой информации и образов СМИ в сознании аудитории (штампов и стереотипов массового сознания, связанных со СМИ вообще и с данным СМИ в частности) [12];

2) открытая самоорганизующаяся и организуемая система, включающая в себя огромное разнообразие информационных потоков и информационных полей, находящихся во взаимодействии [13];

3) реальной протяженности территория, население которой подвержено социально-психологическим и психофизиологическим воздействиям информационных полей [14].

Информационный процесс при данной модели одномерный, без обратной связи (принцип «вбивания гвоздей» в массовое сознание). Наиболее ярким примером господствования этой модели является «эпоха сталинизма», хотя многие ее элементы сохранились и позже (речи генеральных секретарей, решения Пленумов ЦК КПСС). Это *однонаправленный тип коммуникации*.

Немарковскую модель информационного воздействия на массовое сознание можно представить как сложную совокупность перекрещивающихся субъект-объектных, объект-субъектных и субъект-субъектных отношений. Схематически это можно представить так:

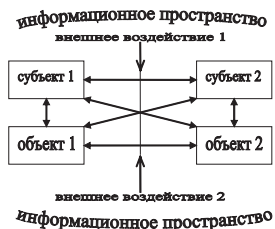

Рис. 6. Немарковская модель информационного воздействия.

Где:

Суб. 1 – субъекты информационной политики 1 – государство (в целом), государственные структуры (институты государственной гражданской службы, в том числе пресс-служба и т.д.), представители государства (государственные деятели, политики), представители институтов гражданского общества (политические партии, движения, общественные объединения, профсоюзы).

Суб. 2 – субъекты информационной политики 2 – массмедиа – многообразие средств массовой информации и коммуникации (в том числе профессиональные медиагруппы; массмедиа передают события, происходящие в обществе, озвучивают их и по-своему интерпретируют).

Об. 1 – носители специализированного сознания и специализированной психики (интеллигенция, государственные служащие и т. п.).

Об. 2 – носители неспециализированного сознания (население, народ), т.е. массового сознания и массовой психики.

Вн. возд. 1 и Вн. возд. 2 – внешние воздействия на информационные процессы.

Информационное пространство – совокупность объект-субъектных, субъект-субъектных отношений.

Учитывая вышесказанное, в системе «власть – пресс-служба – народ» информационное общество – есть тип (вид) открытого общества, которое характеризуется доступностью граждан к информации, где доминируют субъект-субъектные отношения, прямые и обратные связи между властью и обществом, диалоговая дискурсная модель информационной политики. В информационном пространстве открытого общества преобладает *интерактивный тип коммуникации*, он характеризуется активным отношением к информации, организацией эффективного информационного обмена и взаимодействия со всеми субъектами процесса, который подразумевает длящуюся коммуникацию. При организации своей деятельности пресс-службы должны учитывать, что идея интерактивности означает практически полный отказ от понимания коммуникации в терминах отношений субъект (как инициатор сообщения) – объект (как получатель сообщения). При такой коммуникации объект воздействия становится полноправным субъектом, участником коммуникации. Это *диалоговая модель*, которая на сегодняшний день считается самой прогрессив-

ной, демократической и конструктивной. В ее основе лежат равноправные субъект – субъектные отношения или отношения социального партнерства. В налаживании контактов и конструктивного диалога между властью и обществом заключена *коммуникативная функция* пресс-службы. Акцентируем внимание на то, что при диалоговой модели информационное пространство существенно усложняется как в плане восприятия, так и в плане организации материала, статьи. Несмотря на все успехи в диалоге власти и народа, резервов в этой области больше, чем достижений. Диалог властей всех уровней с народом по средствам масс-медиа должен быть постоянным, более открытым и полным.

Сегодня в реальности получатель сообщения в зависимости от стратегии инициатора может рассматриваться и как объект манипулирования. При этом речь идет о *манипулятивной модели информационного воздействия* (субъект-объектные отношения дополняются субъект-субъектными, которые становятся основными). Объектом манипулирования при этом является общественное сознание, а инструментами воздействия на общественное мнение со стороны государства являются пропаганда и цензура. Однако наибольший эффект манипулирования достигается при воздействии и даже не столько на сознание, сколько на психику людей. При манипулировании можно достичь как положительного (конструктивного) эффекта (например, сохранение целостности России, когда цель оправдывает средства информационного воздействия – при освещении первой Чеченской войны), так и отрицательного (разрушительного) эффекта (когда защищаются интересы отдельных политиков, олигархов, кланов, групп и ущемляются интересы граждан и государства). Данная модель доминировала в XX веке в России и продолжала быть актуальной все 90-е годы, т.е. годы демократизации и реформ. Чтобы добиться повышения уровня доверия между обществом и властью, сотрудники пресс-службы в своей деятельности должны использовать по максимуму возможности диалоговой модели (где эффект достигается встречным движением сторон) и стараться по возможности избегать использования манипулятивной модели. При этом, чтобы иметь картину объективной действительности, необходим мониторинг ситуации в социуме. Речь идет о *функции мониторинга*. Пресс-службе це-

лесообразно отслеживать следующие объекты – единицы информационного пространства (групповые и ключевые коммуникаторы масс-медиа; лидеры общественного мнения; эксперты; производители специальной информации и т.д.), каналы коммуникаций (канал масс-медиа; межличностные коммуникации; специализированные коммуникации; элитарные и т.д.), области. Чтобы предоставить субъектам информационной политики актуальную информацию о состоянии общественного сознания (общественного мнения, общественного настроения, социального самочувствия), сотрудникам пресс-службы необходимо производить мониторинг большого количества объектов и вести учет информационных сводок, это дает возможность следить за динамикой изменений. На основании этой информации политики формируют свой образ действительности, в соответствии с которым выстраивает взаимоотношения с различными общественно-политическими субъектами, формулирует новые сообщения. Совместное использование каналов информационных потоков позволяет существенно повысить эффективность управленческой деятельности органов государственной власти РФ. Сотрудники пресс-службы должны не просто мониторить состояние общественного сознания, но и анализировать информацию. В этом заключается *аналитическая функция*. Она выявляет родство деятельности пресс-службы с маркетингом, социологией и связями с общественностью.

Анализ ситуации позволяет сделать как краткосрочные, так и долгосрочные прогнозы. Отсюда вытекает еще одна новая функция пресс-службы – *прогностическая*. Пресс-служба в условиях информационного общества должна решать не только текущие ежедневные задачи, но и заниматься долгосрочным планированием и прогнозированием (то, как те или иные решения власти могут повлиять на состояние общественного сознания).

Не менее значимой функцией является *идеологическая*. В условиях современного информационного общества эту функцию пресс-служба получила от отделов идеологии. Несмотря на то, что формально пресс-служба находится в стороне от идеологических и непосредственно политических дискуссий, она является важным звеном в коммуникативной цепи «власть – народ». Работники пресс-службы в большинстве

лавливая их мутацию и перерождение по сравнению с западными образцами...» [4, с. 15].

Исследования политических практик молодежи в России остаются разрозненными, нерегулярными и нескоординированными, без систематического накопления эмпирических данных и их теоретического осмысления.

Молодежь – социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной и психо-физиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых. Возрастные границы молодежи размыты и подвижны. Как правило, к молодежи причисляют людей в возрасте от 14 до 30 лет. На 1 января 2007 года численность молодых граждан России в возрасте 14–30 лет составила 42, 2 млн человек [11, с. 93]. Эта социально-демографическая группа неоднородна по своему составу. В ней выделяются различные слои по возрасту, по полу, по видам деятельности, по месту жительства и др. Соответственно дифференцируются групповое самосознание и интересы молодежи.

Появление молодежных, по сути субкультурных, практик, объясняется тем, что существовавшие формальные социализационные практики не выполняли важнейших функций, обеспечивающих реализацию потребностей молодежи в новых условиях.

Ресурсы, вложенные в проведение молодежной политики, не оправдывают себя. Это обстоятельство, с одной стороны, приводит к сокращению финансирования молодежных программ, а с другой, – создает представление в массовом сознании о современной молодежи как о «потерянном» поколении, не способном на позитивную социальную активность.

Как уже было отмечено ранее, молодежь составляет почти треть населения России. Значительная часть из них демонстрирует политическую пассивность. Например, при участии в выборах по статистике самая низкая явка на избирательные участки наблюдается у представителей возрастной группы от 18 до 25 лет. Хроническое нежелание участвовать на выборах уже давно распространено явление в молодежной среде. Хотя, может быть, подобная апатичность и является своеобразной формой гражданского участия. Сегодня 55% учащихся и студентов затрудняются ответить на вопрос, кто был прав в августовские дни 1991 года, а

самый частый среди 18–24-летних ответ (как и в остальных возрастных группах) – ни те, ни другие (39%; в родительском поколении 40–50-летних этот показатель составил 53%) [5].

Невысокий интерес молодежи к политике во многом объективно обусловлен. Прежде всего тем, что спектр жизненных интересов, особенно подростков и юношества, локализован на проблеме вхождения во взрослую жизнь, а социальный опыт ограничивается пока межличностными и внутрисемейными коммуникациями. Но по мере увеличения социальных связей (институт, армия, работа и т. д.) происходит перераспределение жизненных интересов в сторону общественного и политического участия.

Снижение интереса к политике сопровождается отчетливо выраженной тенденцией деидеологизации как населения в целом, так и молодежи. С 1997 по 2007 год сократилось число приверженцев всех основных идейно-политических течений современной России – «левых», «правых», «центристов», «национал-патриотов». В наибольшей степени в глазах молодежи обесценилась идеология «центризма», претендующая на нахождение некоего синтеза, вбирающая в себя «все хорошее» и отбрасывающая «все плохое» других идеологических доктрин. И, напротив, с 41 до 58% выросло число тех, кто себя никак идеологически не идентифицирует [9, с. 70].

Утверждать, что апатичность современной молодежи носит тотальный характер, было бы неправильно. Более трети молодых россиян (34%) регулярно смотрят новости по телевидению, а еще 60% – иногда делают это. Каждый десятый (11%) живо интересуется аналитическими программами о современной политической и экономической жизни страны, а еще 51% опрошенных эти программы смотрят эпизодически. Более четверти молодых россиян (28%) постоянно читают печатную периодику (газеты, журналы) [9, с. 71]. Учитывая то, что многие черпают информацию из Интернета, становится очевидным, что современная молодежь «в курсе» того, что происходит как в стране, так и за ее пределами. Другое дело, что у современной молодежи, помимо политики, есть множество других сфер и областей приложения своей энергии и активности. Это и учеба, и создание семьи, и выбор профессии.

До сих пор никто всерьез не рассматривал молодежь как серьезный политический ресурс. Шли битвы за голоса пенсионеров, бюджетников, военных, заключенных.

Опыт провальных агитационных кампаний Союза правых сил всем показал: молодежь настроена «пофигистически» и значительная часть ее на выборы не ходит. Однако череда революционных смен власти в странах СНГ дала совершенно другие примеры. Молодежное движение «Кмара» стало движущей силой уличных акций в Тбилиси, проложив дорогу к власти Михаилу Саакашвили (который сам является относительно молодым человеком). Активисты «Поры», молодые люди без определенных занятий и студенты, дневали и ночевали на Майдане Незалежности в Киеве и вынудили старую власть сдать свои позиции. Стоит отметить, что реальную политическую эффективность в ходе цветных переворотов на просторах СНГ проявили отнюдь не партии, но молодежные и иные непартийные общественные движения.

В России, до недавнего времени, молодежь всерьез интересовалась разве что экстремистские организации типа скинхедов, нацболов и т.д. При федеральных партиях были молодежные организации — комсомол, Молодежное «Единство», «Соколы Жириновского» и т.д., — но заметной роли в российской политике они не играли. Теперь ситуация начинает меняться. Об этом, в частности, свидетельствует стремительный рост популярности «Молодой Гвардии Единой России» и недавно созданного молодежного движения «Наши». По данным инициативного Всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ 6–7 октября 2007 г. [13], «Наших» узнают 9% опрошенных, «Молодая гвардия» — 4%, «Идущих вместе» — 4%, националистов, скинхедов и нацистов в совокупности — 4%. Однако 76% респондентов не смогли назвать ни одного молодежного движения. Это свидетельствует о том, что вхождение молодых в большую политику пока идет достаточно тяжело. Но в данном случае важна тенденция процесса. Видя успех «Наших», федеральные партии начинают уделять большее внимание своим молодежным организациям. Однако соперничать с «Нашими» им не по силам. Об этом говорит соотношение узнаваемости и симпатий к движению. «Наших» знают 17% опрошенных, а симпатизируют им 10%.

У молодежной организации СПС показатели соответственно 10 и 3%, у молодежного «Яблока» — 10 и 2%. «Соколов Жириновского» знают 8% респондентов, а симпатизируют им всего 3% [13]. У молодых коммунистов — 7% узнаваемости и 3% под-

держки. В чем сила «Наших»? Очевидно, что на одном информационном ресурсе при всем желании таких впечатляющих результатов не добьешься. Скорее дело в удачном для движения сочетании целого ряда факторов. Это общественный запрос на перемены, на новые лица, на новую политическую струю в целом. Это — сетевая, а не централизованная, как принято во «взрослых» партиях, структура. Это четкое позиционирование — показательно, что респонденты видят в «Наших» силу, выполняющую оборонительные функции. За последние два месяца с 6 до 10% возросло число тех, кто видит в новом движении барьер для «оранжевой революции». С 12 до 16% возросло количество опрошенных, считающих, что «Наши» поставят заслон фашистской угрозе в России.

Таким образом, молодежные организации начинают приобретать имидж «боевых отрядов», стоящих на страже российских национальных интересов. Таким «защитникам» страны, с точки зрения массового сознания, противостоят «разрушители». Такие движения, как «Оборона» или «Идущие без Путина», декларируют себя в качестве кадрового резерва и проводника для экспорта «оранжевой революции» в Россию.

У молодежных «революционеров» пока слабая ресурсная база. Политическое будущее есть только у тех организаций, которые ставят перед собой задачу защиту национальных интересов. Молодежь менее цинична и более патриотично настроена, чем «взрослые» политики. Опасность состоит скорее в том, что вниманием и симпатиями политизирующейся молодежи завладеют левые популисты-антигосударственники и пещерные националисты, энтузиасты «белого дела».

Направить растущую политическую активность молодежи в созидательное, а не в разрушительное русло, организовать мягкое и органичное вхождение молодежи в политику — вот задача, которая стоит сегодня перед нашим политическим классом.

Увлечение идеологией стало для российской молодежи новой модой. Одни вступают в партии и движения, потому что не хотят мириться с несправедливостью, другие — чтобы пробиться во власть и сделать карьеру. Однако членство в оппозиционных организациях может поставить крест на будущем молодого человека. А в «респектабельных» движениях ребят при столкновении с реальной политикой часто ждет крах юношеских иллюзий, так как они быстро

узнают, «насколько все это прагматично и цинично». Эксперты уверены, что это увлечение преходяще, а потому большинство активистов вне зависимости от идеологии «в будущем превратятся в одних и тех же обывателей».

В целом можно констатировать, что массового «прихода» молодежи в политику не предвидится. Особо драматизировать этот факт не следует, поскольку сегодня в стране есть предпосылки для роста доли молодых россиян, ориентированных, в первую очередь, на реализацию групповых интересов и ценностей форм участия, которые позволят соединить жизненную энергию, направленную на индивидуальную личностную самореализацию с потенциалом общественной и гражданской активности.

Власть признает, что в стране кадровый голод. О необходимости решать проблему президент Д. А. Медведев сказал в своем послании Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года. Новая когорта госслужащих, по замыслу президента, должна оформиться в базу данных и включать три уровня: муниципальный, региональный, федеральный, а лучшие управленцы войдут в кадровую «президентскую тысячу» [10].

— «Нехватка мозгов» станет для России серьезным вызовом в ближайшее время», — прогнозирует директор Института стратегических оценок и анализа В. Гусейнов. В советское время была отстроена четкая система кадрового резерва, управляемая из ЦК КПСС. Но ее отбросили на свалку истории в ельцинскую эпоху, считая, что и в кадровом вопросе, как в экономике, рынок все расставит на места. Но с кадрами в России так пока не получается [6].

Как отмечают специалисты, программа подготовки новых управленцев — своевременная и нужная для России, но вряд ли местные элиты примут «откомандированного Кремлем» нового человека. Наверняка возникнут разногласия со старой когортной элитой. Особенно в регионах, где местные элиты годами выстраивали нужные им взаимоотношения с властями, и вдруг какой-то «инновационно мыслящий мальчик» становится во главе региона и заставляет всех работать эффективно, а главное — прозрачно.

Трансформация политического пространства современной России обусловила снижение актуальности мобилизационных практик, объектом которых оказывается молодежь. Вне зоны контроля остается значительный сегмент социальной жизни молодого поколения — повседневные политические

практики. Это обстоятельство — основание для популярного в политических кругах тезиса о политической апатии нынешней молодежи, отсутствии у нее гражданского и правового сознания. Первое поколение граждан свободной России, по некоторым оценкам, признается потерянным для активной политической жизни. В. Т. Лисовский [8, с. 20] придерживается той точки зрения, что в период трансформационных процессов в России у молодежи возник ценностный вакуум.

На наш взгляд, произошло следующее: молодежь остро ощущает разрыв между словом и делом. Реальные практики «кулуарных, кухонных» разговоров старших, внешняя поддержка партии на собраниях и заседаниях наряду с другими причинами подрывали и углубляли неверие в правоту дела старших.

В качестве значимых условий или средств достижения успеха и карьеры молодые выделяют негативно оцениваемые в массовом сознании явления — блат, использование властных ресурсов, связей, циничный, эгоистический расчет, прагматизм, — есть механизм дисквалификации, понижения ценности успеха, карьеры как социального факта. Такое видение дает молодому человеку как бы оправдание, освобождает от необходимости стремиться к большему, делать карьеру, поскольку существующие средства и способы не годятся для честного человека.

Сегодня молодежь достаточно хорошо осведомлена о теневых экономических практиках и готова их поддерживать. Сама же теневая сторона экономической деятельности рассматривается как неотъемлемый атрибут (нормативный стандарт) рыночной экономики и не вызывает отторжения у молодежи. Неформальная сфера предстает в образе взятки, которая в российском обществе воспринимается уже как своеобразная «культурная норма». На это указывает А. И. Кирпичников [7, с. 257], который обращает внимание на то, что нормативное отношение к взяточничеству в общественном сознании формируется средствами массовой информации.

Президент России Д. А. Медведев объявил о намерении всерьез бороться с коррупцией [3]. Однако уровень коррупции в России только растет. Заголовки газетных статей 2008–2009 гг. только подтверждают этот факт («В качестве взятки милиционер потребовал оплачивать его телефонные разговоры» (Российская газета), «Рассадники коррупции: милиция, вузы, суды и больницы победили в конкурсе на звание самых кор-

рупционных учреждений в России», «Кризисное перемирие с коррупцией» («Независимая газета») [1].

Нынешняя молодежная политика, к сожалению, ориентирована в первую очередь на «телевизионную картинку» и PR, а не на саму молодежь. Да и сами организации борются в основном не за сторонников, а за внимание прессы. Неудивительно, что такая виртуальная деятельность полувиртуальных объединений привлекает малое число молодых людей.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что современная российская молодежь в целом мало интересуется политикой. Большинство представителей поколения 1990-х отдают предпочтение деловой карьере и личному успеху. Лишь немногие видят связь между своей жизнью и политическими процессами, происходящими в государстве и, шире, в обществе. Тем не менее, в последнее время все больше становится прослойка политически и граждански активной молодежи. В ее ряды вовлекаются в основном студенты в крупных городах, а также молодые специалисты и старшеклассники. Массовой политизированности еще нет, но количество и активность различных клубов, групп и молодежных организаций постоянно растет.

В России содержание реальной политики все активнее перемещается из формальных в неформальные институты и практики. Реальная политика по природе вообще пло-

хо поддается формализации. Неспособность формальных лидеров, институтов и ритуалов оказывать реальное влияние ведет лишь к разрастанию «теневой политики». В итоге реальная политика все чаще начинает осуществляться «вне политики». То есть она покидает формальные институты и практики, с которыми ее принято отождествлять (выборы, партии, законодательные органы различных уровней). Ключевые политические решения начинают осуществляться элитами посредством неформальных институтов, например лоббизма и закулисных договоренностей. В то время как институты формальные — такие, как выборы и референдумы, — лишь призваны легитимировать уже принятые элитами решения. С другой стороны, население и оппозиция тоже отказываются от политического действия в рамках формальных политических институтов, посредством которых они не могут повлиять на власть. Отсюда растущая популярность различных концептов сетевой, горизонтальной, прямой и иных нетрадиционных видов демократии, внепартийных общественных инициатив, массовых гражданских акций и т. п.

Естественно, что молодежь зачастую смотрит иначе, чем их родители, как на современную политику, так и на прошлое, особенно недавнее. Молодежь ко всему относится более лояльно. То есть при всех издержках современной жизни молодежь не склонна к ее тотальному отрицанию.

1. Васильев С. В качестве взятки милиционер потребовал оплачивать его телефонные разговоры // Рос. газ. — Кубань—Кавказ. 2008. 4 июня (№ 4676); Товкайло М., Павликова О. Рассадники коррупции: милиция, вузы, суды и больницы победили в конкурсе на звание самых коррупционных учреждений в России // Газета. 2007. 7 дек. (№230); Кризисное перемирие с коррупцией // Независимая газета. 2008. 16 дек.
2. Даугавет А. Б. Неформальные практики российской элиты: апробация когнитивного подхода // Полис. 2003. №4; Заславская Т. И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002; Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия // Социс. 2000. № 12.
3. Дмитрий Медведев лично возглавит Совет по борьбе с коррупцией: URL: <http://medvedev.viperson.ru>
4. Заславская Т. И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик / Т. И. Заславская // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 15.
5. Зоркая Н. А. Поколение живущих как надо: современная молодежь и особенности ее социализации: URL: <http://www.ng.ru/ideas/2008-09-16/12>.
6. Кафтан Л. Как записаться в резерв к Медведеву и Путину?: власть создает «скамейку запасных»: URL: <http://www.kp.ru/daily/24199/404678>.
7. Кирпичников А. И. Российская коррупция. СПб., 2004. С.257.
8. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000. С. 20.
9. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: анализ. докл. / РАН; Ин-т социологии. М., 2007. С. 70—71.
10. Послание президента РФ Федеральному Собранию: URL: <http://base.consultant.ru/cons>.
11. Российский статистический ежегодник. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 93.
12. Скотт Дж. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005. С. 474.
13. Федоров В. Политизация молодежи, омоложение политики. Ч. 2: URL: <http://nashi33.ru/?p=163>; Молодежь и политика URL: <http://wciom.ru/arkhiv>.
14. Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1995. С. 544—545.

«МИССИЯ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ» И «ОСОБЫЙ ПУТЬ»: ДЕРЖАВНИЧЕСКИЕ И ПОЧВЕННИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 32

В.А. ДУБОВЦЕВ

После массового разочарования в либеральных реформах и соответствующем западническом пути появился огромный спрос на альтернативные идеологии, и закономерным образом этот спрос породил широкий спектр предложений.

Согласно референтно-конфликтной концепции формирования идеологий идеология группы (социального слоя и т.д.), как правило, заимствует основные идеи, смыслы, тезисы из источников, ассоциированных с референтным для данной группы социальным субъектом или социально-исторической целостностью (сословием, классом, страной, культурой). Эти смыслы трансформируются, во-первых, в соответствии с политическими интересами группы, осознаваемыми в контексте образа текущей ситуации, во-вторых, как инверсия по отношению к идеям и лозунгам основных политических противников и конкурентов, в-третьих, с ориентацией на привлечение сторонников через приближение лозунгов к известным массовым настроениям.

Если данная концепция верна, то основные смыслы державно-патриотических воззрений должны заимствоваться из источников, ассоциированных с референтными социально-историческими целостностями, в число которых попадают, прежде всего, Российская империя, СССР и Православная Церковь. Отсюда особая популярность политической философии монархиста-государственника И. Ильина, объединяющая Империю и Союз идеология евразийства, а также явная или неявная приверженность сталинизму, оправдание и возвеличивание сталинского и брежневского периодов отечественной истории. Соответствующие предлагаемые идеологии, во-первых, строились по принципу инверсии по А. Ахизеру (если не западный путь, то антизападный), во-вто-

рых, естественным образом использовали как имеющийся идейный арсенал (славянофильство, почвенничество, православие, византийство К. Леонтьева, имперство, русский патриотизм и национализм, коммунизм), так и исторические образы прошлого величия для легитимации собственных идеологических проектов (допетровская Русь, Российская Империя, СССР).

Наиболее яркую крайнюю позицию в аспектах мистического иррационализма и радикализма занимает претендующая на роль народного трибуна русско-советского державничества Наталья Нарочницкая. Вот как она характеризует свой подход к рассмотрению отечественной истории. «История вообще, но русская история допетровского цикла особенно, раскрывается именно через историософскую и богословскую призму» [7]. Она указывает на «привилегированное положение» богослова или «историка, владеющего библейской историей, православно-христианским догматом и основами вероучения» по сравнению с «ученым-позитивистом», поскольку культура ранее была насквозь церковной.

Книги Нарочницкой полны широковещательными заявлениями, превозносящими величие, своеобразие России и ее огромную роль не только во всей мировой политике и мировой истории, но во Вселенной [7]. Общий стиль Нарочницкой — публицистический, направленный на пробуждение гнева и ненависти к западным врагам. Используется простой и эффективный ключ — апелляция к былому имперскому величию, военной славе. Если верить Нарочницкой, Европа всегда, по крайней мере, с XI века, ненавидела Россию из-за «имманентно присущего культурно-историческому самосознанию Запада, заметного у гуманиста Ф. Петрарки и просветителя И.Г. Гердера, философов истории

Гегеля и Ж. де Местра, презрения ко всему западному и неудержимого влечения... к господству и подчинению». Следует отметить, что востребованность образа мыслей, воплощаемого идеологами типа Нарочницкой, весьма высока и продолжает расти.

Вопросом первостепенной важности является цивилизационный статус России. Любопытно, что в данном вопросе державное почвенничество смыкается с большинством западных исследователей в утверждении особого, неевропейского характера российской (русской, евразийской, православной) цивилизации. На эту общность остроумно указал А.Л. Янов: «Для Карла Виттфогеля, например, Россия была продолжением чингисханской евразийской империи, для Альфреда Тойнби — византийской, для Ричарда Пайпса — чем-то вроде эллинистического Египта. Во всех случаях, однако, оставалась Россия для них лишь разновидностью восточного деспотизма» [8, с. 42].

А. Слонов, с одной стороны, утверждает, что «исследование цивилизационной специфики России требует решительного пересмотра ее истории, до сих пор фактически описываемой по западным моделям понимания истории». С другой стороны, он сам берет на вооружение сугубо западную теорию цивилизаций А. Тойнби [8, с. 87].

Если у А. Панарина двойственность российской цивилизации вполне традиционно объясняется насильственностью петровских западнических реформ, то Н. Слонов разрабатывает более оригинальную модель, выражаемую органической метафорой «панциря» и «живой ткани». «Живая ткань» (осмысленная, одухотворенная жизнь и деятельность) со временем превращается в твердый, но мертвый «панцирь» (устойчивые, обычно авторитарные формы политического устройства и идеологических установ), берегущий Россию, но мешающий естественному росту «живой ткани». При достижении предельного уровня напряжений «панцирь» ломается, что выражается в смутах, революциях, дающих новое наращивание «живой ткани», которая опять же рано или поздно затвердевает, омертвляется и превращается в «панцирь».

Разумеется, данная метафора не совсем оригинальна. Она восходит к органическим метафорам Гердера и Гете, к Марксову возрастающему противоречию между живым ростом производительных сил и жестким

обручем производственных, социально-экономических отношений, к противопоставлению Шпенглером живой души — культуры мертвой цивилизации. Слонов решает с помощью своей модели несколько задач: обосновывает внутреннее единство российско-советской цивилизации, охватывающей множественные революционные сломы и отрицания прежних эпох, сочетает негативные [(всегда относящиеся к «панцирю» и позитивные (относящиеся к «живой ткани»)] оценки исторических периодов, объясняет известную цикличность русской истории.

Эта мягко теоретизированная трактовка Н. Слоновым русско-советской истории вполне заслуживает детального анализа, который мы будем перемежать с альтернативными взглядами А.С. Панарина на те же сюжеты.

Н. Слонов сетует на «неполную адаптацию марксизма» в Советской России. Таким образом, «полная адаптация марксизма» позволила бы осознать непрерывное единство советского и досоветского. Такое «осознание» характерно для национально-патриотической идеологии КПРФ и для самого Н. Слонова, который тем самым признается в приверженности не только западному Тойнби, но и западному Марксу, пусть и в «адаптированной» версии.

Более того, Слонов умудряется оправдывать Сталина и сталинизм, утверждая за последним достоинство продолжения «российско-цивилизационного начала» в противовес навязанному извне и «лишь частично адаптированному» интернационально-коммунистическому содержанию [8, с. 89]. Н. Слонов сочувственно цитирует А. Авреха: «Не потому сталинизм победил, что Сталин стал всевластен; Сталин стал всевластен потому, что победил сталинизм» [8, с.89].

По Н. Слонову главная заслуга сталинизма в том, что он в качестве твердого «панциря» усилил и защитил Россию. «Сталинский режим осуществил формирование в советском обществе многослойного защитного «панциря», превратившего СССР в «монолит», управляемый единой волей «вождя партии и народа» [7, с. 89]. Разумеется, следует усомниться в высокой функциональности этой системы, поскольку война стала выигрываться только на третий год ценой жертв, многократно превосходящих потери противника. Зато трудно отрицать, что военно-полицейская система сталинизма была

создана народом, выходцами из народа, народными силами и при поддержке народа. Действительно, если Петр I в массовом порядке импортировал иностранцев для создания своей военизированной дворянско-бюрократической государственной системы, то Сталин вполне обходился отечественными кадрами, причем «бывшие» (дворяне, интеллигенция, «спецы») были в явном меньшинстве по сравнению с выдвиженцами из простого народа.

Далее Слонову нужно показать, что при всех достоинствах сталинизма он почему-то стал деградировать, в конце концов превратился в брежневский застой, который потом и вовсе стал тормозом развития. «В последние десятилетия советская цивилизация все больше проникалась оппозиционными настроениями относительно «коммунистического панциря» [7, с. 89].

Н. Слонов считает, что огромная популярность в постперестроечной России «Старых песен о главном» демонстрирует, «что вовсе не коммунистическое, а именно традиционное, российско-цивилизационное содержание и было «самым главным» в жизни советских людей» [7, с. 89].

Следует сказать, что взгляды Панарина и Слонова, примиряющие дореволюционное и советское прошлое риторически (а иногда и логически), более выигрышны, чем более узкие сугубо ностальгически-советские версии (Нина Андреева) или мифологизированные картины благой «России, которую мы потеряли» (Говорухин, Солженицын).

Непросто выделить концептуальные и мировоззренческие основания изложенных взглядов на русско-советскую цивилизацию. На поверхности лежит апологетика особенности России и ее пути развития, особое внимание к доказательству исторической непрерывности и цивилизационной целостности, риторическое педалирование морально-нравственных критериев. Прошлые споры и даже кровавые распри либо замалчиваются, либо объявляются лишними принципиального содержания, реализующими естественную диалектику развития целого.

Любопытно, что такая широта в отношении к прошлым конфликтам обычно не распространяется представителями державно-почвеннического направления на современный спор. Здесь антиподы — либеральные западники — оказываются вышвырнуты-

ми из лона российской цивилизации и объявляются прямыми пособниками и агентами чуждого Запада. Также обращает на себя внимание поразительное равнодушие нравственно озабоченных авторов к жестокости и массовым жертвам оправдываемых режимов, особенно сталинского. Если об этом и заходит речь, то непременно на сцену выступает война, в которой нужно было победить «любой ценой». За внешней штукатуркой восхваления нравственных начал проступает более глубокая и субстанциональная основа — оборонная и геополитическая. С этой точки зрения оказываются отнюдь не случайными и органицистские метафоры «панциря», «живой ткани», «растущего организма» и прочее. Достаточно вспомнить, что живой организм был главной моделью для основателей геополитики Ф. Ратцеля и Р. Челлена. Впрочем, в русской интеллектуальной традиции также имеются предшественники, прежде всего, биолог по базовой специальности Н.Я. Данилевский, прямо опиравшийся в описании своих «культурно-исторических типов» на закономерности созревания живого организма[1]. Геополитическая и реалистская (в смысле Realpolitik) мировоззренческая основа рассмотренных взглядов подтверждается благосклонностью к прежним славным завоеваниям России. Обращает на себя внимание только стыдливость современных державников, включая даже пламенную г-жу Нарочницкую. Их предшественник Н.Я. Данилевский прямо говорил о выгоде неравновесия и войн в Европе для России и практически прямо призывал отвоевать Царьград для всеславянского союза под российским руководством.

Наша гипотеза ярко подтверждается аргументами державно-почвенных идеологов, касающихся оправдания особой роли власти и государства в России.

Генерал Андрей Николаев говорит об этом без экивоков: «Режим осажденной крепости, который был для России более правилом, чем исключением, требовал отдать в пользу государства и завоевания демократии, и свои вольности, свое вечное устройство, свои возможности самостоятельного развития по пути городов-республик»[4, с. 24]. Народная логика, зафиксированная даже в частушках, «лишь бы не было войны», позволяет оправдывать подавление любых свобод и демократических институ-

тов во имя священных оборонных — геополитических целей.

Философ А.С. Панарин, казалось бы, проводит более тонкую линию аргументации в пользу особой роли государства в России, основанную на нравственности и социальной справедливости. Сакральность государства выводится из нравственной максимы защиты слабых. «Государство Российское есть оружие, стоящее на стороне слабых против сильных и тем самым ломающее «нормальную» земную логику, как и логику либерального «естественного отбора», согласно которой сильные естественным образом торжествуют над слабыми» [4, с. 241].

Панарин не хочет говорить об известной репрессивности большинства форм Российского государства и по-своему толкует боязливое отчуждение российских подданных и граждан от «родного» государства. «Известная российская кротость перед лицом государства — свидетельство не холопского раболепия, а живого ощущения присутствия высших принципов и высших парадоксов, таинственно сопутствующих государевой миссии» [4, с. 243]. Как видим, даже умудренный политический философ не избежал мистической таинственности в разговоре о российской государственности.

Теперь апелляция к власти как ценности уже кажется неприличной. Поэтому Панарин для оправдания особой роли и возвеличивания государства в России прибегает даже к ценностям оппонентов-либералов и толкует о «гражданском обществе». «...Единство гражданского общества гарантируется единством государства точно так же, как и устойчивость государства требует наличия особых — государственных чувств и мотивов у граждан, не сводимых к роли «экономических агентов» [5, с. 92]. Данное, в общем верное, суждение содержит любопытный момент — предпосылку о том, что кто-либо основывает гражданственность и гражданское общество на утилитаризме «экономических агентов». Однако такого не было даже у наиболее откровенных проповедников западного либерализма Хайека и Фукуямы. Здесь мы наблюдаем характерный случай *изобретения* противника с откровенно нелепыми взглядами и последующую героическую расправу над ним — увы, собственным фантазмом.

Н. Слонов сетует, что «не был выработан и научно обоснован важнейший для успеха перестройки *принцип согласования*

механизмов хозяйствования в советском социальном государстве и в рыночной экономике», однако даже не задается вопросами о возможности и необходимости такого научного обоснования, а также о печальных следствиях практики такого «согласования» — предоставлении самостоятельности советским предприятиям и кооперативам, что привело к тотальному вымыванию ресурсов и коллапсу советской экономики в конце 1980-х гг. В том же социалистическом Китае успешные реформы Дэн Сяопина были проведены без какого-либо глубокого научного обоснования.

Ошибаясь в своих обвинениях либеральной идеологии, будто бы сводящей социальную сущность человека к «экономическому агенту», Панарин достаточно справедливо критикует либеральные установки российских «младореформаторов». «Результат превзошел все ожидания: они построили криминальный социум, внутренне ничем не связанный (его связывают только носители «дорыночных пережитков») и не ограниченный никакими цивилизованными нормами» [5, с. 88]. В целом критика либеральных реформ в России выглядит оправданной по той простой причине, что их результаты очевидно не утешительны. Важно, с каких позиций и на каких концептуальных и мировоззренческих основаниях ведется эта критика.

Удивительным образом в позициях Слонова и Панарина, в их понимании существа проведенных реформ обнаруживается прежде всего дирижизм и волюнтаризм. Получилось плохо только потому, что было изначально плохо спланировано и запрограммировано (при недостаточном научном обосновании, недостаточной преемственности с советскими принципами хозяйствования и проч.). Не видно даже следа понимания того, что перестроечный и постперестроечный периоды были, прежде всего, периодами напряженного конфликтного взаимодействия между различными (старыми и складывающимися) заинтересованными социальными группами: старшей и младшей партийной номенклатурой, комсомольцами-коммерсантами, чиновниками и «хозяйственниками» разного уровня, силовыми структурами и проч. Вообще говоря, результаты вполне закономерны: группы, имевшие больше организационных, административных, политических, финансовых,

логистических (близость к распределяемым объектам) и прочих ресурсов, выиграли, тогда как основная масса населения, лишенная этих ресурсов, проиграла. Могло ли произойти иначе, пусть в другом месте, в другое время и с другими борющимися за ресурсы социальными группами? Уровень справедливости/несправедливости в распределении общественных благ – это отнюдь не постоянная величина, а переменная. Низкий получившийся уровень этой переменной в России не означает, что иные варианты невозможны. Те же Польша, Венгрия, Чехия и Словакия дают пусть не идеальные, но гораздо более приемлемые примеры перехода от социалистического хозяйства к рыночному.

Интерпретация провалов либеральных реформ державно-почвеннической мыслью в лице Панарина и Слонова основана не только на конспирологии (теории заговоров), но также на предпосылках дирижизма и волюнтаризма, а более глубоко – на манихейском взгляде об извечной борьбе сил Зла и сил Добра. Так, А. Иванов пишет: «Россия представляет собой уникальный культурно-географический МИР-МАТЕРИК, соборно и ненасильственно единящий различные народы и национальные традиции» [2].

Так геополитические мечты об имперской реставрации принимают духовно-мистическую оболочку. Горечь об утрате имперского величия – один из лейтмотивов державно-почвеннического политического дискурса. Панарин делает акцент на цивилизаторской и даже филантропической роли России-СССР. Подберезкин и Булатов указывают на утерянные возможности «мягкой» реставрации прежнего имперского единства [6].

В современном массовом сознании, судя по всему, сложилось некое синкретичное антизападное русско-имперско-православно-советское единство. Именно к нему апеллируют идеологи державно-почвеннического направления, причем вполне эффективно. Рациональные указания на внутренние противоречия и парадоксы в этом странном единстве могут тешить иронию интеллектуалов, но никак не мешают укреплению и распространению такого синкретичного умонстроения.

Что же является общим знаменателем, утверждающим и укрепляющим такое синкретичное единство? Ответ достаточно очевиден: антизападничество, особенно усилившееся при растущем массовом осознании

(примерно с 1993 г.), неудачи либерально-рыночных реформ и провала надежд на вхождение в группу «развитых стран».

Итак, выявлены следующие концептуальные и мировоззренческие основания державно-почвеннических взглядов на русскую историю и ситуацию современной России:

- метафизика богоизбранности и манихейства (вера в сверхчеловеческое предназначение страны и народа при разделении мироздания на силы добра и силы зла),
- утверждение естественности развития, ценности самостоятельного роста из собственных начал в противопоставлении насильственному, искусственному внешнему вторжению в процесс развития и навязывания чуждых образцов,
- эксклюзивизм (представление об исключительности собственной страны),
- имперский мистический фатализм (история страны видится как судьба империи, имеющая запредельный сверхъестественный смысл),
- патернализм с духовно-эгалитарным прикрытием (народ должен следовать пути, указанному вождями и пастырями, но верить, что все решения принимаются «соборно»),
- тотальный и моральный этатизм (общество не отделяется от государства, служение которому является высшим нравственным долгом каждого),
- экономический дирижизм (все режимы производства, распределения и обмена должны быть подчинены «высшим» государственным целям).

Необходимо учитывать, что многие идеи и положения державно-патриотического толка с начала 2000-х гг. взяты на вооружение официальной идеологией (например в лице В. Суркова), с большим успехом внедряются в массовое сознание и пользуются достаточно большой популярностью (в отличие от противоположного полюса – либерально-западнических идей). С большой долей вероятности такая риторика будет продолжена и в дальнейшем, несмотря на ожидаемый (но отнюдь не очевидный) крен к либерализации при третьем российском президенте. Соответственно, основные характеристики, как достоинства, так и недостатки такого рода доктрин, выявленные в данной работе, будут еще долго накладываться отпечаток на российское общественно-политическое сознание.

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., Книга. 1991.
2. Иванов А. Россия: точки роста [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.patriotica.ru (проверено 21.09.2007).
3. Нарочницкая Н.А. «Россия и русские в мировой истории». Главы из книги. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r350r040202154444> (дата обращения 21.12.2007).
4. Николаев А. Россия на переломе: Мысли о самом важном и наболевшем. М, 1998.
5. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2004.
6. Подберезкин А., Булатов Ю. Что делать? Как России «правильно вписаться» в процессы глобализации? [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.nasledie.ru (проверено 21.12.2007).
7. Слонов Н. Четвертый полюс идеологического поля // Стратегия России. – 2005. – № 10.
8. Янов А. Идеиная война. Эпигоны, либералы, Россия и Европа // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 3.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 321

Е.О. СОНИНА

События, произошедшие на мировой политической сцене за последние 5–10 лет, стали поворотными для политического сообщества. Парад новых независимых республик, получивших самостоятельность в результате частичного признания со стороны отдельных государств, военные вторжения в Косово, Ирак, Южную Осетию, расширение террористических и националистических движений обнажили радикальные противоречия в моделях реализации политических процессов, происходящих на макроуровне. Машина мирового политического развития, приводимая в движение установками демократии и либеральными идеями, забуксовала. Естественно, что сложившаяся ситуация ставит вопрос, а что дальше? Действительно ли демократический путь исторически оправдан и является наиболее оптимальным путем развития для любой политической системы независимо от специфики ее историко-культурной динамики? Где пределы индивидуальной свободы личности и насколько приложимы либеральные идеи к возникшим противоречиям и их разрешению? Каковы пороги взаимопроникновения экономики и политики на современном этапе развития? Возникла потребность в переоценке смыслового содержания политики как таковой, основных факторов становления политических систем и реализации политических процессов. Условия, сложившиеся на мировой политической сцене, подталкивают к переосмыслению функционального назначения и критериев эффективности политической системы, ее ценностного содержания.

Политическая система формирует поле публичного перераспределения властного ресурса. Она поддерживает взаимодействие политических субъектов, согласовывает их установки и интересы, связывает воедино экономическую и правовую системы, организуя тем самым политическую жизнь общества. Действия политических акторов, принятые политические решения, практики властного взаимодействия естественным образом аккумулируют и утверждают ценности и определенные смысловые ориентиры развития общества. Ценности одновременно формируют условия функционирования по-

литической системы и задают параметры оценки ее эффективности.

Аккумуляция ценностных установок в политическом процессе происходит посредством реализации власти. Власть возводит смысловые ориентиры развития общества до статуса юридической нормы, обязательной для исполнения всеми субъектами системы отношений господства-подчинения. Конечным результатом эффективного функционирования политической системы является принятие гражданами утвержденных политических решений и норм в качестве личностных установок и правил поведения. Через оценку личностью перспектив своей гражданской самореализации в условиях существующей политической системы гражданское самосознание формирует ее отношение к политике и целям государства, действиям и решениям политических субъектов. На основе сопоставления действующих практик властного взаимодействия, установок поведения граждан, правовых норм с принятыми смысловыми ориентирами развития общества можно оценить эффективность функционирования политической системы в целом. Более того, принятие аккумулируемых культурных ценностей, власти как центрального момента процесса оформления установок общественного развития в политические решения и нормы, действующих правовых норм и практик властного взаимодействия в качестве критериальных значений может служить основанием для типологизации политических систем. Власть, правовые нормы, практики властного взаимодействия в их соотношении с принятыми установками развития общества организуют саму политическую систему, задавая смысловые ориентиры ее развития.

Проникновение власти во все сферы жизнедеятельности общества приводит к установлению *властно-детерминированной политической системы* (автор формулировки – Е.О. Сонина). В данной политической системе власть носит крайне субъективированный характер, «идет рука об руку с личностью: обе воплощаются в фигуре царя» [5, с. 266]. Это Власть в высшей степени ее проявления, которая становится единственным источником

смысловых ориентиров для общества. Пронизывая все его «ячейки», Власть распределяет и воплощает свои функции в различные формы деятельности и сознания общества посредством символов и нормативных установок. Доминирование Власти над обществом обуславливает утверждение номенклатурных практик властного взаимодействия. Политические решения в этой системе требуют четкого исполнения и контроля за их реализацией, что обеспечивается огромным аппаратом, созданным в соответствии с принятой идеологией. Общество превращается в «социальную машину», поддерживающую «нормальный режим» существования Власти. Оно просто воспроизводит во всех процессах своей жизнедеятельности властные установки.

Естественно, что в таких условиях политические субъекты насколько возможно противодействуют включению в социальную систему внешних ценностных установок, культурных новшеств, отличных образцов и форм личностного поведения. Власть всячески препятствует различным проявлениям личностного начала в политике. Властно-детерминированные политические системы всегда закрыты для взаимодействия с внешней средой. Отношения с внешней средой оказываются просто губительными для политической системы данного типа. Поэтому основными функциями властно-детерминированной политической системы являются регулирующая и функция политической социализации. Власть аккумулирует определенные ценностные установки, являя и внедряя их в сознание общества через различные формы его деятельности. В процессе своего гражданского становления личность приобретает знания и ценности не столько политические, сколько устанавливаемые и диктуемые самой властью. Происходит не политическая социализация, а «властеизация» личности. Личность становится гражданской по мере сопричастности процессу воспроизводства и утверждения Власти.

Смещение акцента с Власти на ценности как основные регулирующие компоненты системы отношений господства-подчинения приводит к установлению *ценностно-детерминированной политической системы*. В политической системе данного типа ценности, оформленные в традиции, задают динамику всех социальных процессов и, в первую очередь, — процесса политического. Ценности организуют политическую жизнь граждан, являясь доступными и понятными для каждого

из них. Они принимаются как единственно возможная, исторически оправданная норма существования и функционирования системы отношений господства-подчинения. Ценности-традиции настолько неоспоримы, что они обретают форму правовой нормы. Обычно, будучи возведенным в ранг закона, обладает особым качеством — он становится символическим действием, выражающим связь личности с политической системой.

Историческая неоспоримость, объективность ценностей снимает потребность в их осмыслении на уровне индивидуального сознания граждан. Личность настолько гражданственна, насколько она остается во всех своих проявлениях в рамках ценностного поля, утвержденного обществом. В ценностно-детерминированной политической системе гражданственное «Я» подчиненно синергетическому гражданственному «Мы».

Препятствуя личностному самоутверждению гражданина, ценностная обусловленность всех форм взаимодействия политических субъектов в ценностно-детерминированной политической системе выступает в качестве сдерживающего фактора самой власти. Она утрачивает свои субъективированные характеристики. Посредством применения власти происходит ретрансляция выработанных в процессе исторического становления общества ценностей и обычаев. Критерием эффективности политической системы является ценностная оправданность всех практик властного взаимодействия. В зависимости от формы государства они носят либо номенклатурный, либо бюрократический характер. Все практики властного взаимодействия направлены на передачу и агрегирование ценностей-традиций.

Ценностная детерминированность политической жизни общества не препятствует полностью взаимодействию политической системы с внешней средой. Ценностно-детерминированная политическая система открыта, но до тех пор, пока внешние установки не вступают в конфликт с установками ее внутренней среды. Поэтому политическое противостояние арабского Востока и Западной Европы на современном этапе есть ценностное противостояние разных типов политических систем, задающее соответствующие ориентиры для их развития.

«Приоткрытый» характер ценностно-детерминированной политической системы препятствует реализации функций адаптации и реагирования. Ориентация на внутреннюю среду активизирует преимущественно

но функцию политической социализации, распределяющую (дистрибутивную) и регулирующую. В результате функционирования политической системы происходит не постепенная трансформация общепринятых ориентиров развития в установки личностного развития граждан. В ходе реализации политического процесса агрегируются объективированные формы ценностей – ценности-символы. Обновления смыслового содержания политической системы, а соответственно и социальной системы, в целом не происходит.

Наиболее эффективен процесс конвертирования общепринятых ориентиров развития в правовые нормы и практики властного взаимодействия реализуется в условиях *согласованной политической системы*. Действия политических акторов, принимаемые политические решения направлены на аккумуляцию актуальных ценностных установок общества. В согласованной политической системе все нормы принимаются и действуют исключительно в соответствии с общепринятыми ориентирами развития. Они задают границы для распределения власти, являются единственно возможными установками ее существования и функционирования. Гражданское становление личности реализуется через осознание своих интересов, соотносенных с интересами общества и государства как основных субъектов властного взаимодействия. Ценности субъектов принятия политических решений и общества абсолютно согласованы. Рожденные в результате общего согласования личных интересов, они воспринимаются индивидуальным сознанием гражданина как собственные, не чуждые и не противоречащие ему. Все государственные преобразования реализуются в условиях развитых механизмов социального контроля за порядком распределения властного ресурса. Поэтому и практики властного взаимодействия носят либо бюрократический, либо сервисный характер. Они направлены на обеспечение аккумуляемых и получивших в результате функционирования политической системы нормативное закрепление общепринятых смысловых ориентиров развития в политической жизни общества.

Обеспечивая распределение благ на основе взаимообусловленных интересов общества и политических субъектов, согласованная политическая система достаточно открыта для внешней среды. Существуют многообразные формы взаимодействия и обмена с внешней средой через участие го-

сударства в работе различных международных организаций. Согласованная политическая система адаптивна к требованиям внешней и внутренней среды. Внешние и внутренние изменения являются для нее не угрозами, а дополнительными стимулами для обновления смысловых ориентиров развития. Политические процессы на различных уровнях политической системы реализуются в полной мере.

Властно-детерминированная, ценностно-детерминированная, согласованная политическая система, несмотря на существенные различия, достаточно устойчивы. Они организуют социум и поддерживают относительно справедливый социальный порядок на определенном историческом этапе развития общества. Но в условиях исторического перехода, исторического «перерасчета маршрута» [1] возникает опасность утверждения политической системы конфликтного типа. В такой политической системе общепринятые смысловые ориентиры получают свое нормативное закрепление в основных законах, национальных доктринах, национальных проектах, концепциях реформирования. Форма правления, территориальная организация власти отвечают ценностным установкам общества. Но ни общество, ни политические субъекты не принимают закрепленные смысловые ориентиры в качестве собственных установок поведения и регулирующих компонентов политической жизни. Их признают, но им не следуют. На реализацию политического процесса всегда оказывают влияние ценностные ориентации отдельных политических субъектов, которые подвергают субъективированной интерпретации общепринятые ориентиры развития. В результате возникает конфликт ценностных установок общества и субъектов принятия политических решений, что обуславливает конфликт в политической системе на уровне символов и практик властного взаимодействия. Их номенклатурная и бюрократическая формы попеременно сменяют друг друга, зачастую вступая в противоречие со смысловым содержанием основных законов и концепций государственных преобразований. Власть стремится сохранить или обрести статус ценностно-утверждающего субъекта. При этом она пытается принять облик, отвечающий ценностным установкам общества. Такие стремления только усугубляют конфликтные тенденции.

Постоянно возникающие ценностные противоречия в конфликтной политической

системе концентрируют все ресурсы для их преодоления. Политическая система при кажущейся открытости для внешней среды оказывается фактически закрытой для принятия новых образцов и установок развития. Но при этом она достаточно остро реагирует на различные внешние воздействия. Политическая система конфликтного типа развивается по мере возникновения внешних угроз. Но ответ на них не означает обновления самой системы. Реального перераспределения благ, политической социализации личности, агрегирования политических процессов не происходит из-за глубинного ценностного противоречия общества и власти. Все политические изменения в условиях конфликтной политической системы, могущие стать основой политического развития, оборачиваются вспять. И выходом из подобной ситуации может быть только обновление культуры через принятие гражданина в качестве идеальной и функциональной ценности политической системы и системы социальных отношений в целом. А это процесс достаточно длительный и не всегда отвечает интересам Власти.

Для России переломными были 1980–1990-е годы. Горбачевская перестройка не смогла «вывести огромную евроазиатскую страну из тупика [6, с. 116]. Кризис коммунистического режима и обозначившееся одновременно отставание в экономическом развитии от передовых государств мира угрожали целостности российского общества. Появилось понимание необходимости демократизации политического строя страны. Выбор на переломе 1980–1990-х годов демократического пути развития политической системы в России был ознаменован сменой смысловых ориентиров становления российского социума. Гражданин, его права и свободы были приняты в качестве высших ценностей системы отношений господства-подчинения. Справедливость стала интерпретироваться как политологическая категория, задающая параметры оценки эффективности существующего порядка распределения между политическими акторами властного ресурса. Данные ценности нашли свое нормативное закрепление в Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 года [3, ст. 2, 7, 15; гл. 2]. Подтверждают их действительность в качестве смысловых ориентиров развития российского общества и ежегодные послания президента РФ. Он неоднократно заявлял, что «главный конкурентный капитал, главный источник развития страны» [9] составляют граждане Российской Федерации.

В том же тоне выдержано и содержание послания нового президента РФ Д. А. Медведева. Более того, он предложил определенную ценностную матрицу, на основе которой должны быть выстроены все концепции государственных преобразований. Узловыми точками данной матрицы являются справедливость, личная, индивидуальная свобода, жизнь человека, его благосостояние и достоинство [7]. Власть приняла новый ценностный облик в соответствии с выбранными смысловыми ориентирами политической системы в России. Однако этот облик не обеспечил Власти легитимное признание. Российское общественное сознание сохранило настороженное отношение к эффективности функционирования ее институтов, практически проявившееся в снижении показателей явки на выборах.

Причина возникшей коллизии в процессе легитимации Власти кроется в существенных противоречиях, проявившихся на разных уровнях ее реализации. Демократизация всегда предполагает принятие Властью общества в качестве полноценного субъекта системы отношений господства-подчинения. И она достаточно активно оперировала понятиями «гражданское самоопределение», «гражданская свобода», «властное самоутверждение личности». Но в практике эти понятия применения не находили. В своем послании Федеральному Собранию РФ в 2007 году президент РФ определяет «формирование дееспособного гражданского общества» в качестве одного из стратегических направлений государственной политики [8]. А в 2008 году новый президент РФ Д.А. Медведев утверждает, что последние мировые политические события (Цхинвал, мировой экономический кризис) «наглядно проявили зрелость гражданского общества и политическое единство государства» в России [7]. Получается, что гражданское общество в России существует, но в представлениях Власти о самой себе, а не на уровне реальных практик ее взаимодействия с обществом.

Неоднозначность смысловой интерпретации категорий гражданского общества, гражданского самоопределения личности подкрепляется противоречием на символическом уровне политической системы. Политические символы предметно являют социуму компромиссные установки общества и Власти. Они зрительно воспринимаемые смысловые точки, ориентирующие общество в процессе его жизненного выбора. В российской

политической системе имеют место столкновения смыслового содержания ценностей и их предметного воплощения в символической форме. В условиях, когда самая реакционная и авторитарная политическая организация называет себя Либерально-демократической партией Россией, а истинными носителями либеральных ценностей оказываются представители Коммунистической партии РФ [2, с. 148–149], гражданское становление общества, пожалуй, практически невозможно.

Наконец, самое главное противоречие скрыто на уровне практики реализации Власти. Правоприменительная практика обеспечивает функциональное включение ценностей в политическую систему [10, Р. 193]. И здесь исключительную роль играет государственное управление. Идеиное воплощение Власти в технологиях социального менеджизма не получает должного практического подкрепления. Выбор новой парадигмы государственного управления (New Public Management – NPM) в качестве модели его функционирования не отменял бюрократические методы реализации Власти. Установить новую модель предполагалось через

«совершенствование действующей системы контроля и надзора», детальной регламентации административно-управленческих процессов, изменения требований к порядку набора кадров и т.д. [4]. В результате произошло столкновение двух ценностных моделей практической реализации Власти.

Итогом возникших ценностных противоречий в ходе осуществления политического процесса в России стало утверждение политической системы конфликтного типа. Власть и общество существуют в параллельных, непересекающихся плоскостях. Они не отчуждены друг от друга. Власть принимается обществом как данность, с которой следует считаться, но следовать ее нормам не обязательно. Она даже в своем содержательном наполнении отвечает установкам общества. Но ценностный облик Власти, воплощенный в ее объективированных формах и практике взаимодействия с обществом, скорее настораживает, нежели вызывает доверие. Существование ценностного конфликта на различных уровнях политической системы неизбежно препятствует процессу ее обновления и обновления системы социальных отношений в целом.

1. Аузан А. Национальные ценности и российская модернизация: перерасчет маршрута [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2008/10/22/auzan.html> (проверено 20.11.2008 г.).
2. Биллингтон Д. Россия в поисках себя. [Текст] – М.: РОССПЭН, 2006. – 287 с.
3. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года [Текст]. – М., 1996.
4. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2005–2008 годах: Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации № 1789-р от 25.10.2005 г. [Текст]// Собрание законодательства РФ. 2005 г. № 46. Ст. 4720.
5. Мэмфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества [Текст]. Пер. с англ. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
6. Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего [Текст]/ И.К. Пантин // Полис. – 2007. – № 4. – С. 113–136.
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [Текст]/ Российская газета. 2008. 06 ноября.
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ [Текст]// Российская газета. 2007. 27 апреля.
9. Президент РФ. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [Текст] // Российская газета. 2004. 27 мая; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [Текст]// Российская газета. 2005. 25 апреля; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [Текст]// Российская газета. 2006. 11 мая.
10. Gabriel A. Almond. A developmental approach to political systems. World Politics. Vol. 17, Issue 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.democ.uci.edu/democ/papers/almond.htm>. (проверено 25 мая 2008 г.).

ЭЛИТОГЕНЕЗ ЮЖНОГО УРАЛА (ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

УДК 325.45

С.В. НЕЧАЕВА

Социально-экономические проблемы, связанные с влиянием мирового финансового кризиса, вызвали новую волну исследований, посвященных осмыслению истории российской государственности, поиску формул эффективного управления страной и ее регионами. У автора данной статьи есть и дополнительные поводы для обращения к проблематике региональной элитологии, так как 2009 год является особенным — юбилейным для Челябинской области. Во-первых, исполнилось 75 лет со дня разукрупнения Уральской области на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую 17 января 1934 г., во-вторых, на 2009 г. приходится 90-летие со дня образования Челябинской губернии в 1919 году, а также 275-летие с момента организации Оренбургской экспедиции, которая и положила начало планомерному освоению Южного Урала.

Сегодня Южный Урал идентифицируется с территорией двух федеральных округов — Приволжского и Уральского и трех субъектов федерации: Башкортостана, Оренбургской и Челябинской областей. Учитывая, что процессы элитогенеза на Южном Урале имеют как общероссийские закономерности, так и массу региональных особенностей, то исследование мы разделили на три хронологических отрезка: становление элиты в XVII—XVIII вв., XIX век — 1917 г. и XX—XXI века, первый из которых и предлагается в данной статье.

В интерпретации термина «элита» автор разделяет позицию известного российского социолога О. Крыштановской, которая определяет элиту как социальную группу, отличающуюся от других вовсе «не достоинствами, а функциями», они и «наделяют ее особым статусом, властными ресурсами», в нашем случае — на региональном уровне [9]. Поскольку элиты исторически формировались в процессе кристаллизации социальной структуры, они представляют собой «многоликий феномен, имевший очевидную специфику в различных национальных контекстах и претерпевших существенные изменения в ходе исторической эволюции». В качестве правящих групп выступали социальные образования различного ге-

незиса [4] (военная верхушка, аристократия, финансовая олигархия и т.п.) и «историко-политологические исследования позволяют выявить общие закономерности элитогенеза в национальных полигиях» [5].

Южный Урал издревле привлекал людей благоприятными для обитания условиями. Свидетельство тому — открытые археологами многочисленные стоянки человека каменного века, селения бронзового и железного веков. В средневековье по Южному Уралу проходило пограничье Золотой, Синей и Белой орд, Казанского, Сибирского и Ногайского ханств. Основное население Южного Урала и Зауралья вплоть до XVII в. составляли башкиры, южнее (в степях северного Казахстана) кочевала киргиз-кайсацкая орда. Постоянные непрекращающиеся набеги этих народов друг на друга с уведом скота и пленных не давали возможности спокойного освоения этого региона и обеспечения развития торговли со странами Востока.

Типология включения регионов и народов в состав Российской империи разнородна: от присоединения с помощью военной силы — до добровольного вхождения в состав страны. Башкирия присоединялась к России поэтапно, начиная с разгрома Казанского ханства в 1552 г. и до 1598 г. — времени ликвидации Сибирского ханства. Создание отдельных укрепленных опорных пунктов на реке Белой и закладка Уфы в 1574 г. позволили начать заселение и освоение края русским населением, но процесс этот шёл крайне медленно и сложно.

Управленческая элита Башкирии в XVII веке не представляла системной целостности и распадалась на элиту центра — начальники (судьи) и их «товарищи» приказов Казанского дворца и Сибирского, обладавшие широкими полномочиями в решении административных, финансовых и судебных вопросов; региональных руководителей — воевод, получавших «наказ» при назначении и систему «кормления» — сбор части подати в свою пользу; и местную этническую элиту. Воеводская система управления стала показателем превращения Башкирии в составную

часть Русского государства, но с другой стороны, – введение общероссийской формы управления с делопроизводством на русском языке и отсутствие специального учреждения по управлению башкирами свидетельствовало об игнорировании национальных особенностей населения края.

Если говорить о местной элите, то это в первую очередь этническая элита коренного башкирского народа, к которой можно отнести старост, возглавлявших волости в «верхнеуфимских» башкирских землях, или сотников в Белокатайской волости [11]. Уфимский уезд, образованный еще в XVI веке, делился на четыре административно-территориальные единицы – Казанскую, Осинскую, Ногайскую и Сибирскую дороги. Каждая дорога делилась на волости, образованные на основе традиционных племенных и родовых организаций башкир. После присоединения Башкирии к Русскому государству правительство стало рассматривать башкирский род, или башкирское племя и занимаемую ими территорию как административно-территориальную единицу – волость.

Старосты и сотники, на которых опиралась воеводская администрация, пользовались в своих волостях огромным влиянием и властью. Они оказывали содействие воеводской избе при ясачных, таможенных и других сборах с населения волости, играли решающую роль при распределении земельных угодий, раскладке феодальных повинностей внутри общины, припуске пришлое население на общинные земли, участвовали в третейских (шариатских) судах, которые рассматривали земельные, имущественные и бракоразводные дела. Власть башкирских сотников и старост служила основанием для злоупотреблений и обогащения их за счет рядовых общинников.

Численность башкирских волостей в Уфимском уезде, а следовательно, и количество местной управленческой элиты, составляла в начале XVIII в. примерно 70–75 волостей: 30 – на территории Ногайской дороги, 23–25 – Сибирской, 15–17 – Казанской и 4–5 волостей на Осинской дороге [2].

В период петровских преобразований аппарат местного управления подвергся серьезной модернизации, которая включала рационализацию административно-территориального деления и разграничения компетенций, центральных и местных органов власти, унификацию структуры управления, ограничение возможностей для произвола властей. При этом, несмотря на несомнен-

ные успехи в деле унификации системы управления на уровне центральных институтов, местное управление сохранило определенные региональные и локальные особенности. Практически не затронутыми реформами остались традиционные структуры низового (общинного) управления.

В начале XVIII в. приказная и воеводская системы управления в стране были заменены губернской. По именному, объявленному из Ближней канцелярии указу от 18 декабря 1708 г., в России было образовано 8 губерний. Уфимский уезд был переименован в Уфимскую провинцию и включен в состав Казанской губернии. В 1728 г. Уфимская провинция была передана в ведение Сената; Зауральская часть Башкирии оставалась по-прежнему в составе Тобольского уезда Сибирской губернии. Губернии возглавляли губернаторы, назначаемые императором, провинциями и уездами руководили воеводы.

Геополитические и экономические интересы России на её юго-восточных окраинах, необходимость расширения границ, укрепления обороноспособности и освоения природных богатств привели к расширению в XVIII веке Российского государства на восток, в частности, вхождения в состав империи юго-восточной части Урала. Поводом к этому послужило обращение в 1731 г. в Петербург хана Младшего жуза Абулхаира о принятии его «со всеми владениями (казахов Малой и Средней орды и каракалпаков) в подданство Российской империи и постройке русской крепости на казахской земле» [1].

В результате в 1734 г. формируется команда, а позже и особый административный орган под названием Оренбургская экспедиция (с 1737 г. – Оренбургская комиссия), подчиненная непосредственно Сенату. Начальниками Оренбургской экспедиции (комиссии) были последовательно: статский советник И.К. Кирилов (1734–1737 гг.), подполковник П.С. Бахметев (и.о. апрель–май 1737 г.), тайный советник В.Н. Татищев (1737–1739 гг.), князь, генерал-лейтенант В.А. Урусов (1739–1741 гг.), а также тайный советник И.И. Неплюев (1742–1744 гг.) [15]. Во вновь присоединяемых землях начальники экспедиции выполняли как гражданские, так и военные функции. Фактически начинает формироваться местная управленческая элита, которая пытается коррелировать интересы как Российского государства, так и коренного населения.

С закладкой крепости в устье реки Орь

начинается настоящая война коренного населения за свои интересы. Одно дело – платить ясак, который башкирские племена признавали и до вступления в российское подданство (платили казанскому ханству), другое – видеть прямой захват территорий под русские города и селения.

Именным указом от 11 февраля 1736 г. в восставших волостях была проведена перестройка местного самоуправления, во-первых, прежде наследственные старосты заменились выборными старшинами, а во-вторых, было ограничено право башкир собираться на йыйыны – народные собрания до одного дня в году [16].

На деле старшины не избирались, а назначались, так как воеводы сами определяли старшину из числа кандидатов, представленных волостью. Старшины управляли волостью 1 год. В 1739 г. старшинские должности были введены во всех волостях. Помощниками старшины назначались сотники и писари. С 1741 г. на каждую дорогу определялся главный старшина, которому подчинялись волостные старшины. Обязанности старшин и их помощников были изложены в ряде инструкций, составленных И. К. Кириловым (руководителем Оренбургской экспедиции) и его преемниками совместно с уфимскими воеводами. Старшины и их помощники в присутствии воеводы приносили присягу верности властям. Они обязаны были следить за исполнением всех указов и повелений администрации, содержать население в послушании и ежемесячно доносить в провинциальную канцелярию об обстановке в волости. Помимо полицейского надзора, старшины отвечали за своевременную выплату налогов и несение натуральных повинностей.

В начале 40-х гг. XVIII века в Башкирии насчитывалось свыше 100 старшин. В результате перестройки существенно изменилась роль и место правителя башкирской волости. Если прежние старосты обладали некоторой независимостью в решении волостных дел, то функции старшин были в значительной мере ограничены. Особенно это сказалось на правах в области судопроизводства. Старшины могли разбирать только незначительные преступления. Вместе со своими помощниками, сотниками и писарями старшины составили низовое звено местной царской администрации. Вводя институт старшинства, власти получили возможность контролировать положение дел во всех башкирских волостях. А ущемление администрацией прав

старшин последние компенсировали за счет эксплуатации рядовых общинников.

В 1735–1741 гг. часть функций по управлению краем, наряду с Оренбургской экспедицией, выполняла Башкирская комиссия, которую возглавил опытный военачальник, генерал-лейтенант А.И. Румянцев. Она была создана в августе 1735 г. для содействия властям в подавлении башкирского восстания. В функции начальника также входил контроль над выполнением населением различных государственных повинностей.

Воздвигавшийся экспедицией город Оренбург предназначался быть не только укреплением, но и административным центром. Город получал самоуправление: всеми делами, касающимися суда, финансов и полиции, должен был заведовать магистрат из девяти выборных членов – трех бургомистров и шести ратсгеров. Всякий гражданин, какого бы вероисповедания он ни был, мог быть выбран в члены магистрата с одним ограничением, что таких выборных не могло быть более половины числа выборных русских и они не могли «первенствовать у главных дел» [10]. Таким образом, явно проследживается тенденция к русификации местной элиты и паритета интересов Российского государства, колонистов и коренного населения.

В военно-торговых целях участники экспедиции вынуждены были основать ряд крепостей, среди которых – Верхне-Яицкая (1735), Чебаркульская, Миасская, Челябинская (1736) и т.д. По представлению В.Н. Татищева 13 августа 1737 года была образована Исетская провинция (на современной карте – северная часть Челябинской области и Курганская область), которая административно подчинялась Оренбургской комиссии. Первоначально в состав ее вошли три уезда (Исетский, Шадринский, Окуневский) и Чебаркульское воеводство. Провинция вытянулась на 300 верст в длину и считалась самой плодородной местностью на Урале. Административным центром ее была сначала Теченская слобода, а с 1743 г. – Челябинская крепость вплоть до 1781 года.

За время существования данной административной единицы ее возглавляли воеводы, среди которых четверо военных: подполковники (И.Н. Татищев, П.С. Бахметев, И.Г. Лазарев) и майор Н.Хрущев и четверо статских: ассессор Писарев и три советника (статский – А.П. Веревкин, надворный – Н.М. Хвостов, титулярный – Н. Филиппов) [12]. Дольше других – 19 лет, провинцией

гах была дополнена особым наименованием рангов для служащих горного ведомства [17].

Другой Указ императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г., изданный во время башкирского восстания, фактически отменял вотчинное право башкир на землю, провозглашенное Иваном Грозным как условие присоединения Башкирии к России. В результате казна получила право распоряжаться башкирскими землями, что фактически способствовало активному формированию горнозаводской зоны Южного Урала во второй половине XVIII века. Закладываются горные заводы – будущие города: Назеппетровск, Касли (1747), Златоуст (1754), Катав-Ивановск (1758), Кыштым (1757), Сатка, Юрюзаны, Усть-Катав (1758), Миасс (1773). На Южном Урале становление крупной уральской горнометаллургической промышленности осуществлялось в основном через строительство частных заводов и к 1773 г. в данном регионе действовало 73 завода. Крупными заводчиками на Южном Урале стали симбирские купцы И.Твердышев и И.Мясников, а также представители «тульской диаспоры» кузнец Н.Демидов и купец Я.Коробков, которых можно отнести к нарождающейся бизнес-элите.

Зона подчинения учреждений горного управления не являлась сплошной административной территорией, скорее представляла собой хозяйственное пространство. Однако заводчики, являясь одновременно крупными землевладельцами, осуществляли управленческие функции применительно к местному крестьянству, приписанному к их металлургическим предприятиям для выполнения заводских повинностей, – наряд их на работы, сбор налогов, рекрутирование в мастерские и работные. С 1753 г. на Южном Урале началось массовое прикрепление крестьян к частным заводам и к 1797 г. было приписано 16096 душ (мужского пола) государственных крестьян [13], для которых хозяин завода был «вершителем судеб».

Бунт под предводительством Е.Пугачева привел к значительным изменениям в территориально-административном устройстве и перестройке местного аппарата управления, которые были связаны с реализацией областной реформы Екатерины II. В соответствии с «Учреждением для управления губерний» в 1775 г. государство было поделено на наместничества (губернии), большинство из которых объединялось в генерал-губернаторства (по 2–3 наместничества в каждом). На Южном Урале 23 декабря

1781 г. было создано Уфимское наместничество, которое делилось на две области – Уфимскую (восемь уездов) и Оренбургскую (пять уездов). Наместники напрямую подчинялись Сенату и императрице, также им передавались многие из функций упраздненных в это время коллегий. В ходе данных реформ появляются первые города нынешней Челябинской области, преобразованные из крепостей, – Челябинск, Верхнеуральск (1781) и Троицк (1784).

Уфимское наместничество было включено в Симбирское и Уфимское генерал-губернаторство, образованное именным указом от 13 июня 1781 г. До 1796 г. данным генерал-губернаторством руководили 5 человек: 4 генерал-поручика (И.В. Якоби, А.И. Апухтин, А.А. фон Пеутлинг, С.К. Вязмитинов) и генерал от инфантерии О.А. Игельстром [15].

В конце XVIII века уфимский наместник Осип Андреевич Игельстром предпринял ряд административных реформ местного значения. Целью реформ являлось усиление эффективности внутренней и внешней политики феодального государства на юго-восточной окраине страны. Вводя новую систему управления, правительство рассчитывало окончательно «умиротворить» башкирский край. Вместе с тем, оно стремилось переложить на плечи местного населения охрану восточных границ Российской империи, в случае необходимости привлекать его к военным действиям на западе, создать в крае плацдарм для завершения присоединения Казахстана и Средней Азии.

Итак, О.А. Игельстром, не уничтожая волостные учреждения, разделил башкир по юртам и командам без учета их родовой принадлежности. 20 908 башкирских дворов были распределены между 103 юртами, что соответствовало приблизительно количеству башкирских волостей. Тем не менее, юрта и волость не совпадали ни территориально, ни по составу населения. Во главе юрты был поставлен старшина. С 1789 г. башкиры имели 103 юртовых старшины. Судьба прежних волостных старшин неизвестна. Поскольку башкирские волости сохранялись, очевидно, оставались при своих должностях и волостные старшины. К юртовым старшинам были определены 52 старшинных помощника, 63 походных старшины и 213 сотников.

Мишари и служилые татары имели собственное общинное самоуправление. Однако реформой Игельстрома мишарские дворы были приписаны к башкирским юртам. В 1797 г. генерал-губернатор «по службе взял»

башкирское и мишарское население в управление военного ведомства. Проект был узаконен именованным указом Павла I от 10 апреля 1798 г. о переводе башкир и мишарей в военное сословие и образовании 11 башкирских и 5 мишарских кантонов. Одновременно было объявлено о создании 5 кантонов оренбургских и 2 кантонов уральских казаков. «По домостроительству и тяжёлым делам» это население оставалось в ведении губернского гражданского ведомства [7].

Таким образом, в процессе осуществления реформы местного управления Екатерины II все территориально-административные образования, созданные на Урале, приобрели уральский характер и их центры были расположены в пределах региона. Обновленный административный каркас более четко соответствовал естественному делению Урала на Средний (Пермское наместничество) и Южный (Уфимское наместничество). А региональная власть в лице генерал-губернатора О.А. Игельстрома задолго до Аракчеева учредила на Южном Урале «военные поселения» и, удвоив местную элиту, переложила на плечи юртовых старшин задачи по охране восточных границ Российской империи.

Павел I сразу же по воцарении вернулся к принципам централизации государственного управления, и должности слишком самостоятельных, по его мнению, наместников были упразднены. 12 декабря 1796 года Уфимское наместничество было реорганизовано в Оренбургскую губернию и обнародованы новые штаты. В Оренбургской губернии, состоявшей из 10 уездов, учреждались: губернское правление, палаты суда гражданская, уголовная и казенная, приказ общественного призрения, шесть городовничих правлений и десять уездных судов [6, с. 11]. Персоны, занимавшие данные должности, и составляли фактически региональную политико-административную элиту Южного Урала, края, насчитывавшего (по пятой ревизии 1795 г.) 749 338 жителей.

Что касается церковного управления краем, то все изменения в нем были связаны с переменами в центре. До середины XVII века территория Уфимского уезда формально подчинялась Казанской епархии, а в 1657 г. патриарх Никон учредил Вятскую и Великопермскую епархию.

В XVIII веке православное духовенство было вне Табели о рангах, но примыкало к гражданским чиновникам, так как фактически несло государственную службу. К духов-

ной элите в среде православного духовенства этого периода современные элитологи относят три сана епископского звания — митрополит, архиепископ, епископ (черное духовенство) [14], но, учитывая конфессиональное многообразие населения Южного Урала и региональный характер системы управления данной территорией, речь пойдет о более широком формате духовной элиты.

Вместо скончавшегося в октябре 1700 г. патриарха Адриана Петр I назначает «руководителем» церкви митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского с титулом: экзарх, блюститель и администратор патриаршего стола. Светский характер назначения подчеркивался и бюрократическим термином «администратор», и тем, что титул экзарха Стефан получил из рук царя, и тем, что Петр повелел вести все церковное делопроизводство на бумаге с царскими гербами.

В 1702 г. происходит образование Сибирской и Тобольской епархии, которую возглавил митрополит Филофей Лещинский (бывший архиепископ Брянского Свенского монастыря). О положении урало-сибирской епархии можно судить по следующему факту. Создавая совместно с Феофаном Прокоповичем Регламент будущей духовной коллегии, царь повелел подполковнику Семену Давыдову и златоустовскому архимандриту Антонию собрать со всех русских архиереев подписи в поддержку реформы. Только к тобольскому епископу «за дальностью расстояния» Давыдову было разрешено не ездить [5].

В 1722 году в связи с учреждением Святого Синода на местах создаются духовные консистории — особые учреждения при архиереях, ведавшие судом и управлением в епархиях. В их состав входили представители сначала черного, а потом и белого духовенства.

На смену округам-десятинам XVII века приходят духовные заказы, на которые делились епархии. В XVIII веке на Урале были следующие заказы: Верхотурский, Туринский, Краснослободский, Пelyмский, Рафайловский, Воскресенский, Далматовский, Челябинский, Троицкий, Ирбитский, Камышловский, Шадринский, Екатеринбургский, Невьянский (Демидовский), Алапаевский, Нижнетагильский и др. Возглавляли их духовные заказчики, назначавшиеся обычно из числа священников, служивших в главных соборных храмах уездов, т.к. нередко и сама территория заказа, за некоторым исключением, совпадала с территорией уезда.

Что касается отношения правительства к религии коренного населения — оно было

негативным. С началом деятельности Оренбургской экспедиции политика по укреплению идеологических позиций правительства с помощью Православной Церкви постепенно охватывает Башкирию. Прежде всего под контроль была взята деятельность мусульманского духовенства.

По указу от 11 февраля 1736 г. численность представителей высшего мусульманского духовенства в Башкирии — ахунов — сокращалась до 4 — по 1 на каждую дорогу. Ахуны обязаны были сообщать местной администрации «о всяких худых делах» верующих и «никого из других вер в свою веру не приводить». Серьезным ударом по мусульманской религии и духовенству было решение «без указов мечетей и школ не строить». В 1744 г. указом Сената запрещалось строительство мечетей в Уфимской провинции [7, С. 228].

В 1764 году была проведена секуляризационная реформа, в соответствии с которой монастыри и архиерейские дома лишились большей части своих земельных владений, что пагубно отразилось на церковной самостоятельности. В 1768 году, после отстранения от должности митрополита Павла Конюсевича, Сибирская и Тобольская епархия была переименована в Тобольскую и Сибирскую и понижена в ранге (новые архиереи ставились теперь не митрополитами, а епископами, а с 1792 года — архиепископами). Из архиереев дольше других епархию возглавлял епископ, позже архиепископ Варлаам (Петров), но был и другой случай. Один из духовных лидеров — митрополит Никодим (Сребницкий), назначенный 29 мая 1740 г., — в Сибирь не поехал [15, с. 1098].

С 1799 года были внесены новые кардинальные изменения в связи с попыткой властей привести границы епархий в соответствие с границами губерний. На Южном Урале были учреждены Оренбургская и Уфимская епархия с кафедрой в Уфе.

Таким образом, имперская политика на Южном Урале в XVIII веке не отличалась оригинальностью — ущемление свободы совести коренного населения, секуляризация церковных земель, сокращение православной и местной мусульманской духовной

элиты, попытки властей привести границы епархий в соответствие с границами губерний для еще большей подконтрольности местного населения административной власти.

Южный Урал, активное освоение которого началось лишь с 1730-х гг., на протяжении XVIII в. сохранял очевидную специфику в своем развитии, обусловленную пограничным положением, пестрым этно-сословным составом населения, географическим размещением на стыке Европы и Азии, оседлого и кочевого миров. К характерным особенностям его социальной структуры можно отнести наличие значительного контингента служилого населения (регулярные и иррегулярные вооруженные силы). В городах, входящих в Оренбургскую оборонительную линию, к началу XIX в. большинство населения составляли казаки и солдаты: в Оренбурге — 76,6 %, в Челябинске — 60%, в Уфе — 52,3%, но в то же время горожане в Уральском регионе составляли только 3,3% от всего населения края [8].

Местной управленческой элите приходилось выполнять функции, не свойственные аппарату управления «тыловых» административных единиц, — а именно: обеспечение безопасности пограничной линии от набегов казахов, содержание в подчинении башкирского населения, осуществление внешнеполитических задач.

Учитывая, что к концу XVIII века все территориально-административные образования, созданные на Урале, приобрели уральский характер и их центры были расположены в пределах региона, то оформилась и южно-уральская элита, которая состояла из субэлит: региональной чиновничьей, военной (периодически данные функции соединялись в руках одной персоны), духовной, а также лидеров самоуправления коренных народов и горнозаводской элиты.

Но в условиях абсолютной монархии и унитарного государства региональная элита, обладающая огромными ресурсами, фактически не участвовала в принятии важнейших стратегических решений в жизни региона и была подчинена элитам общегосударственным.

1. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1730—1731 гг. Д. 6/н. Л. 45.

2. Акманов И.Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI в. — первой половине XVIII в. / И.Г. Акманов. — Уфа, 1981. С. 12.

3. Гаман-Голутвина О.В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. / О.В. Гаман-Голутвина // Полис. № 6 (108), 2008. С.67.

4. Генезис (греч. — genesis) — происхождение, становление и развитие, результатом которого является определенное состояние изучаемого объекта. // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. — Мн.: Книжный Дом. 2003. с. 12.

5. Головатенко А. Эпизоды истории русской церкви XIII – XVIII столетия. / А. Головатенко. – М.: АРКТИ, 1997. С. 150.
6. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. С. 46–102.
7. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа, 1996. С. 342.
8. История Урала: учебное пособие (региональный компонент). – Челябинск: – Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002. С. 59.
9. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. / О. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005. С. 73–75.
10. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. / М.К. Любавский – М., 1996. С. 305.
11. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 69, 71.
12. ОГАЧО. Ф.Р-519. Оп. 1. Д. 77.
13. Очерки истории Челябинской области. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1991. С. 34.
14. Понеделков А.В. Политико-административные элиты России. / А.В. Понеделков. – Ростов-н/Д.: Изд-во СКАГС, 2005. С.124.
15. Приложения. Челябинск: Энциклопедия [Текст] / Челябинск: Каменный пояс, 2001. С. 1095.
16. ПСЗ. Т. 9, № 6870.
17. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. / Л.Е. Шепелев. – Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2001. С. 156.

О МАССОВИЗАЦИИ ЭЛИТ

УДК 1

Г.Ю. ЧЕРНОВ

Среди существующих подходов к определению элиты можно выделить два основополагающих.

Первый восходит к древней традиции, идеям Конфуция, Платона о «благородных мужах», «философах» — правителях и получает свое современное развитие в трудах Х. Ортеги-и-Гассета. В основе такого подхода — идеал, мечта о сочетании в одном лице (правителя, представителя правящего слоя) компетентности, формального (должностного) и *морального* лидерства. Основными критериями элитарности выступают, по Х. Ортеге-и-Гассету, осознанное *служение* высшему абсолюту, требовательность к себе, самосовершенствование, компетентность, цивилизационный кругозор, способность и стремление к творчеству.

Второй, прагматический, «реалистический», коренится в трудах Н. Макиавелли, разработанную форму приобретает в трудах итальянских социологов конца XIX — начала XX веков, в особенности в работах В. Парето. Элита у Парето — это элита успеха, элита «де-факто»: лица, добившиеся наивысших позиций в своей сфере деятельности, в том числе занимающие высшие позиции в политическом руководстве безотносительно их моральных качеств.

Первый подход тяготеет к сфере социального идеала, второй «двумя ногами» стоит на грешной земле.

Стоит разобраться: в каком направлении и почему эволюционирует элита современного общества, достойна ли она сегодня всерьез именоваться этим красивым словом французского происхождения? Кроме того, в основе идей настоящей статьи лежат две гипотезы относительно структурной эволюции современного общества, которое, помимо таких характеристик, как «постиндустриальное», «информационное», «экономическое» (есть мнения, что уже и с фрагментами «постэкономического»), имеет и еще одну, весьма существенную — «массовое». Гипотеза *первая*: в массовом обществе его элита сама «массовизирована»*, она продукт про-

цесса, названного Х. Ортегой-и-Гассетом «вертикальным вторжением варварства», посему большая ее часть является скорее технически более совершенным «слепком» с массового человека, нежели эталоном в духе «благородных мужей» Конфуция. Гипотеза *вторая*: представители массы становятся более образованными, осведомленными, сокращается культурная дистанция, отделяющая массу от элиты, а значит можно говорить об *элитаризации масс*** (в обществе «золотого миллиарда», отчасти и в российском социуме); по крайней мере, такой процесс представляется в исторической перспективе весьма желательным.

В сословных обществах границы между элитой и массой, представленной «простецами» из низших каст и корпораций, были более явными, нежели в наши дни (селектирующую функцию выполняли образовательный, сословный цензы). Либерализация и демократизация общества, вертикальная мобильность, обеспечивающая пополнение элиты представителями самых разных общественных слоев, — всё это атрибуты современности. При этом сталкиваются и переплетаются несовместимые, казалось бы, тенденции — меритократическая и «вертикального вторжения варварства».

Вряд ли кто-то стал бы возражать против меритократии как власти достойнейших, одареннейших, против «элиты заслуг», независимой от происхождения ее представителей.

Однако уже на рубеже 20–30-х годов XX века испанский философ Х. Ортега-и-Гассет начинает бить тревогу по поводу «восстания масс» и «вертикального вторжения варварства». Раскрепощенный в ходе либеральных реформ, переполненный жаждой обладания все новыми материальными благами, которые открывает перед ним цивилизация, но не прикладывающий усилий в направлении своего культурного роста, заурядный человек становится более амбициозным, чем в прежние эпохи, полагает, что больше не нуждается в руководстве со стороны высококвалифицированных и высокоморальных элит. «Вуль-

* По-другому, *омассовлена*, т. е. подобна массе, имеет качества, свойственные человеку массы; *плебейзирована*, т. е. ее ценностно-целевые и этико-эстетические стандарты низведены до уровня плебейских «Хлеба и зрелищ!» (квазиэлитарный вариант: «Порш», осетрина и дорогие девочки в *vip-saune!*).

** Т. е. приобщение, приближение к элитарной культуре, интериоризация последней.

действия, формирования гомогенных в культурном отношении индивидов, причем фактически *вне зависимости от их социального статуса*. Как итог функционирования масскульта, возникает следующая социальная картина, описанная В. Ф. Шаповаловым: «Всюду господствуют стандартизация и усредненность: богатые и почти бедные имеют одни и те же вкусы, руководствуются одними и теми же стереотипами» [9, с. 35].

При определении нравственного облика и интенции современного правящего класса (по Г. Моске) может быть полезным анализ концептов «сенсуалистическая (чувственная) ментальность» П. А. Сорокина и «западоид» А. А. Зиновьева.

Рассматривая процесс социального и культурного развития Запада не как эволюционный, а как циклический, П. А. Сорокин рисует картину диахронной смены трех типов суперсистем, ментальности и соответствующих систем морали: идеациональной, идеалистической и чувственной.

Идеациональная этика может быть охарактеризована как система абсолютных норм. В области моральных ценностей идеациональная ментальность ассоциируется с абсолютными, нетленными ценностями, а соответствующие системы морали отмечены безразличием и даже презрением к внешнему эмпирическому миру с его материальными ценностями, низкой оценкой последних [7, с. 57]. Переход к подобному типу культуры — ментальности — этики, характерному для греческой архаики, а затем для средневековья, стоит, по П. А. Сорокину, и на «повестке дня» современности, ибо «самая насущная потребность нашего времени — это человек, способный контролировать себя и свои желания, с сочувствием относящийся к своим ближним, понимающий и ищущий вечные ценности культуры и общества, глубоко осознающий свою ответственность в мире» [7, с. 727]. Представляется, что духовная элита, как раз и живущая в служении высшему абсолюту, идеациональна по своей сути вне зависимости от исторической конъюнктуры.

Цель *идеалистической* морали одновременно и земная, и трансцендентальная: служить Богу (абсолютной этической ценности), что приводит идущих по этому пути и к земному счастью, понимаемому в духе эвдемонизма. Основные нормы абсолютны, вторичные исходят от требований разума и людей [7, с. 479].

Особое внимание П. А. Сорокин уделяет анализу *чувственной* ментальности и сис-

теме морали, проявившим себя в истории Запада, по крайней мере, дважды: вначале в эллинистически-римскую эпоху, а затем в новое и новейшее время; в агонизирующем виде — это и атрибут современности. Чувственная ментальность почитает за реальность, подлинную ценность только то, что дано органам чувств, эмпирические, материальные ценности. «Эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм, сенсуализм, мораль под девизом «Carpe diem» [«Лови день!»], «Вино, женщины, песня», — вот формы, основанные на чувственной ментальности. Черта новой чувственной эпохи — *денежный фетишизм*, помешательство на деньгах: «Главная страсть, стремление, мечта наших современников — разбогатеть и иметь «все, что можно купить за деньги». И неважно, как заработаны деньги, удачливые финансисты автоматически превращаются в кумиров: им, обладающим начатками знаний, присваиваются научные степени, они — спонсоры всего, чего угодно, политические лидеры [7, с. 490–491]. Наиболее актуальной оказывается разновидность чувственной ментальности, которую П. А. Сорокин именует «циничная чувственная ментальность». Она проявляется в попеременном надевании человеком, придерживающимся откровенно чувственной шкалы ценностей, идеациональных масок, сулящих принести материальную выгоду, в поведении людей, привыкших менять свой «психосоциальный цвет» и ценности соответственно обстоятельствам [7, см.: с. 49–50].

Важнейшая характерная особенность чувственной этики — *релятивизм, изменчивость, ситуативность*. Нормы подобной этики всегда могут быть изменены, т. к. не имеют никаких священных, неизменных императивов. Однако ценностный и этический релятивизм в перспективе ведет к моральной анархии и нравственному атомизму, порождает аномию, положение, когда роль высшего нравственного арбитра играет сила, а не нравственный принцип. Возрастающие же роли силы может свести на нет саму перспективу общественной жизни.

Собственный выбор и нравственное предпочтение П. А. Сорокина явно оказываются на стороне идеациональной культуры и этики. Он справедливо полагает, что социальное существование человека требует значительной доли жертвенности и альтруизма в его поведении и, соответственно, общего преобладания «этики норм» над «этикой счастья», поскольку именно первая стимулирует эти социальные качества людей. Одна-

ко, реалии социума и культуры таковы, что ментальность и потребности правящего класса неотличимы от массовых: «Удачливые стяжатели составляют нашу аристократию», — с горечью пишет П. А. Сорокин [8, с. 503].

Применительно к характеристике правящего слоя общества представляется еще более точным и актуальным социальный портрет т. н. «западоида», ярко и убедительно нарисованный А. А. Зиновьевым в его антиутопии «Глобальный Человейник». В обществе будущего мечты гуманистов о прогрессе, сочетающемся с эволюцией человеческих способностей и качеств, «осуществились» специфическим образом: прежде всего в отношении тех способностей, на которые есть спрос и реализация которых служит источником жизненных благ (в том числе в отношении способностей притворяться, развратничать, воровать, делать карьеру) [4, с. 78]. Формирование сверхчеловека пошло не по пути усложнения внутреннего мира личности, а напротив, по пути его предельного упрощения, результатом чего стало формирование человеческого, а точнее (постчеловеческого существа) «западоида». Западоиды суть существа не моральные, но и не аморальные, действующие не по правилам морали, а по правилам «социального расчета» [4, с. 297]. Моральный человек, руководствующийся абсолютными императивами, зачастую действует в ущерб себе. Для западоида же действует принцип: если он может совершить в своих интересах порицаемый или наказуемый поступок, будучи уверен в том, что ему удастся избежать порицания или наказания, он совершает его. А. А. Зиновьев замечает, что западный человек «морален» в мелочах, без риска, с комфортом и расчетом на то, что это видно, внутренне же нравственные западоиды существуют лишь как исключение; они различаются лишь степенью притворства в нравственности [4, см.: с. 411–412]. В итоге «морально чистые и содержательные души оказались еще большей редкостью, чем хорошие фильмы и книги в клоаке современной культуры» [4, с. 34]. Такой тип поведения дает западоидам преимущества в их взаимодействии с внешним миром, с западоидами, которыми они манипулируют и которых подчиняют своим целям. Важнейшие типологические черты западоида: 1) сверхрационализация сознания и поведения, реализуемого не на основании моральных принципов, а по правилам «социального расчета»; атрофия подлинной эмоцио-

нальной жизни, редуцированной к «принципу удовольствия»; 2) высокоразвитая культура имитации чувств и эмоций, т. е. одевания полезных «социальных масок»; 3) предельно упрощенная внутренняя структура личности, обедненная, стереотипизированная структура потребностей, что позволяет властным элитам легко манипулировать западоидами (людьми управляют путем гипертрофии стремления к жизненным благам) [4, см.: с. 310]. Это суть существа, мотивируемая сексом и непомерной жадной обладания благами и удовольствиями. Следует добавить, что, по нашему мнению, во-первых, эти черты оказываются присущи как манипулируемому («массе»), так и самим манипуляторам (правлящей квазиэлите); во-вторых, «западнизация» российского общества и его элиты оказалась столь лавинообразной, что формулы А. А. Зиновьева уже вполне приложимы к новейшим российским реалиям.

Еще один аспект современности должен быть принят во внимание: наше общество есть «общество потребления», и универсальным способом маркировки социальных групп все более становится т. н. «код стэндинга» (т. е. жизненного уровня, уровня позволительных комфорта и роскоши, в переводе с французского). Жан Бодрийяр указывает, что ныне потребление является активным модусом отношения — не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру, — что в нем осуществляется универсальный отклик на внешние воздействия, на нем зиждется вся система нашей культуры [2, с. 164]. Барьеры морали, этикета и языка рушатся, зато *в сфере вещей* возникают новые барьеры, новые исключительные правила, новая классовая или кастовая мораль. Разумеется, отмечает Ж. Бодрийяр, вещи всегда составляли систему социальных опознавательных знаков, но лишь параллельную и *вспомогательную* по отношению к другим системам (жесты, ритуалы, церемонии, язык, родовое происхождение, кодекс нравственных ценностей и т. д.). Для нашего же общества характерно то, что другие системы опознавания все более поглощаются одним-единственным кодом «стэндинга». Он удовлетворяет насущную потребность знать, с кем имеешь дело, тем самым выполняя важнейшую социальную функцию. Однако такая универсализация и эффективность достигаются ценой крайнего упрощения, обеднения, когда язык социального достоинства регрессирует чуть ли не до предела: «Человека характеризуют его вещи» [2, с. 161–163].

Тогда, если под элитарностью в обществе потребления понимать — в духе В. Парето — высшие позиции, занимаемые индивидом на пирамиде этого самого потребления, Р. Абрамович и другие столпы сверхпотребления немедленно должны быть объявлены элитой и солью земли названного общества.

С позиций же конфуцианско-ортегианского подхода, не богатство и роскошь, а способность к служению высшему, к духовной и телесной аскезе, сознательный альтруизм есть признаки личностной элитарности. Материальное положение не определяет принадлежность к элите, ибо самый богатый и влиятельный человек может оставаться культурным ничтожеством, а носитель самобытной высокой культуры — жить на грани нищеты [9, с. 35]. Духовная аристократия, духовная элита выходит из какой-либо среды, рождается (формируется) в порядке «индивидуальной благодати» [1, см.: с. 136].

Значение этого хрупкого «озонового» слоя трудно переоценить: от наличия духовной элиты и ее качеств зависит судьба народа и человечества. Через нее в другие слои проникают духовность и гражданственность. В. Ф. Шаповалов указывает на ряд признаков этого слоя, помимо черт, уже выделенных Х. Ортегой-и-Гассетом:

- духовная элита есть носительница высокой культуры, не связывающая свое бытие с претензиями на высокое материальное вознаграждение;

- ее существование основывается, прежде всего, на осознании самоценности культуры, которая является «наградой самой по себе»;

- в ней нет и не должно быть идолопоклонства — ни перед властью, ни перед народом. Только такая элита может рассчитывать на соответствующую общественную оценку, свободную от подозрений в корыстолюбии и благодаря этому способна реально оказывать воздействие, в том числе и нравственное, на жизнь общества [9, см.: 35–38].

Означает ли массовизация элит их деградацию или же возникновение иного типа элиты, более соответствующего реалиям общества потребления? Элита не теряет функции быть образцом, референтной группой. Меняется «лишь» содержание образца: этико-эстетические аспекты, конфуцианские добродетели, творческий дух почти сплошь вытесняются аспектами апофеоза богатства-власти, атрибутами «стэндинга». Для чело-

века-массы такие представления об «элитарности» вполне близки, если не имманентны: они не требуют духовного самосовершенствования, аскезы, культурного роста, «выдавливания из себя раба». Вся «революционность» такого перехода из массы в элиту состоит в выходе на новый, более «высокий» — рублевско-куршавельский — уровень потребления-обладания.

Коснемся темы потенциальной элитаризации масс. Насколько заинтересованы правящие элиты общества потребления в стимулировании этого процесса?

Для этого обратимся к существу нынешней политики и (квази-) культуры (масс-культы). Его можно выразить коротко: воспроизводство масс. Если говорить о современной России, то ни одна область знаний о социально-массовом не развивается сегодня так активно, как комплекс знаний о манипулировании массами самого разного рода — потребительской, зрительской, политической, в меньшей мере — аффективной, агрессивной. Огромное количество учебной и научной литературы (маркетинг, менеджмент, социология), часть которой представляется калькой с трудов зарубежных авторов, нацелено фактически на выращивание массы как объекта потребления индустриальных или постиндустриальных — информационных, виртуальных — продуктов и услуг конкурирующих экономических, политических, фаст-поп-культурных корпораций.

Доминирование социальных практик в сфере управления массовыми явлениями над научными изысканиями очевидно, а ряд открытий становится родом эзотерического знания. На специфические причины подобного феномена, проявившего себя уже на рубеже XIX — XX веков, указывал С. Московичи: «любые партии, средства массовой информации так же, как и специалисты в области рекламы или пропаганды, используют его [Ле Бона] принципы... Однако никто не собирается в этом признаваться, поскольку весь пропагандистский инструментарий разных партий, дефиле руководителей на телевизионных экранах, зондирование общественного мнения предстанут тем, что они есть на самом деле: элементами массовой стратегии, базирующейся на иррациональности. О массах охотно рассуждали бы как о неразумных, но нельзя: ведь им внушают как раз обратное» [5, с. 100]. Ведь и «большая» политика, и — добавим — рекламные политики бизнес- и поп-культурных корпораций есть не что иное, как тщательно ка-

муфлируемая «рациональная форма использования иррациональной сущности масс» [5, с. 63].

Массовый человек («человек-масса»), довольствующийся упрощающими мифами, суррогатами истины, жаждущий, по Ж. Бодрийяру, не смысла, а зрелища, — это и есть главная база монопольного положения нынешних квазиэлит: и политической, и (поп-)культурной. И в этом случае не беда, а прибыль в том, что «рушится человек», что он низводится до уровня «простого рефлекторного механизма, примитивного существа, мотивируемого сексом, полумеханического-полуфизиологического организма, лишённого малейшей божественной искры, какой бы то ни было абсолютной ценности, всего возвышенного и святого» [7, с. 727].

Возникает и ещё одно допущение: если элита массовизируется (а в ценностном отношении — плебейзируется), а масса частично элитизируется (хотя бы в плане растущей образованности), то где-то на стыке этих процессов происходит стирание граней между стратами, формируется некая новая метаобщность — уже и не элита, но масса нового типа (масса в том смысле, что существенных дифференцирующих различий между членами новоявленной метаобщности нет — разница лишь в том, что одни жаждут обладать знаковыми вещами, другие ими уже обладают). Это то, что С. Московичи называет *массификацией*, то есть смешением и стиранием *социальных групп*. Под влиянием средств массовой коммуникации и мимесиса из «разных, совершенно разнородных элементов образуется однородное человеческое тело: масса состоит из людей-массы» [5, с. 50].

Итак, мы наблюдаем встречное движение двух потоков — нисходящего (элиты) и восходящего (масса). В итоге, если социальная стратификация в определенной мере сохраняется, то культурная все более стирается. С точки зрения направленности социально-массовых процессов и миссии, в этом отношении, высших страт, следует выделить два альтернативных образа элит: 1) образ первый: корыстолюбивые аморальные квазиэлиты, стимулирующие плебейзацию масс (вульгаризацию их вкусов, потребностей, образов реальности) ради монополизации власти и снижения издержек на управление; 2) высокоморальные творческие элиты, стимулирующие, в том числе и собственным примером, элитаризацию масс. Наши предпочтения и реальность здесь, с очевидностью, диссонировать.

Анализ предпосылок феномена массовизации элит позволяет выделить две их группы, два «потока»: 1) «восходящий» (эффект «восстания масс», «вертикального вторжения варварства», когда жаждущие максимума благ, лишённые критической самооценки заурядные представители массы устремляются на вершину социальной пирамиды к управлению обществом без посредства высокообразованных и высокодуховных элит; 2) «нисходящий», предполагающий демонстративно-имиджевые «опрошения», вульгаризацию стиля и содержания коммуникации части элиты с массой, расчетливо построенной по законам политико-культурного маркетинга (аналогом такого стиля в области художественной культуры является коммерческий китч). В этом случае элита не «ведет» массу, не «поучает, развлекает», а зондирует ее и цинично эксплуатирует ее наивность, инфантилизм и прочие слабости.

Экспансия потребительско-плебейской системы ценностей ведет к «порче души» не только массового человека, но и слоя, гордо именовавшегося прежде «элитой», к появлению феномена «массовизированной» элиты. В качестве важнейших доминант нравственного сознания современного «человека массы» следует выделить гипертрофированный гедонизм и утилитаризм, этический релятивизм и развитую способность к социальной мимикрии, повышенную амбициозность при отсутствии способности к самокритике и самоограничению. Среднестатистический представитель современной социальной элиты, правящего класса (политэлиты, бюро-, милито-, — медиакратии, артистической богемы) может быть охарактеризован как: а) носитель «циничной чувственной ментальности» (по П. А. Сорокину); б) «западоид» (по А. А. Зиновьеву), причём манипулятор и манипулируемый («код стэндинга», VIP-реклама) в одном лице; в) продукт «восстания масс», массовизации общества и культуры (масскульты), повышенно амбициозная личность, избавленная от критической самооценки, преисполненная жажды социального возвышения и достижения потребительского «максимума» любой ценой. То есть черты массового человека и представителя социальных «верхов» в главном совпадают, различия в основном количественные (более высокие «стэндинг», образование; эзотеричность). Критерии культуры, творчества, альтруистичности для элиты «нового призыва» не существенны. Способом ее самовыражения, самоутверждения является показное, демонстративное сверхпотребление.

Наиболее логичным политическим воплощением такой квазиэлиты является, по всей видимости, клептократия.

Завершая, перефразируя Маркса, отметим: дело заключается не в том, чтобы лишь описывать процессы, сетовать на косность массы и упадок элиты, а в том, чтобы «изменить мир», совершенствовать массового че-

ловека, расширяя внутри него сектор элитарности. Политикой элиты должна бы стать трансформация массы в элитарном направлении (элитаризация масс). Но этому должен предшествовать процесс элитаризации самой нынешней квазиэлиты (воспитатель сам должен быть воспитан).

-
1. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1995.
  2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 164.
  3. Грушин Б.А. Процессы массовизации в современных обществах // Рабочий класс и современный мир. 1986. № 5.
  4. Зиновьев А.А. Глобальный Человейник. М., 1997.
  5. Московичи С. Век толп. М., 1996.
  6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3.
  7. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.
  8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
  9. Шаповалов В.Ф. «Восстание масс» по-русски // Свободная мысль. 1993. № 12.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЗЕРВА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ — ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КАДРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 35.084.3

Л.Л. ИВАНОВА

Субъекты федерации в настоящее время находятся в ситуации, когда назрела необходимость в полной мере нести ответственность за перспективы собственного развития, взвешивая и оценивая свои возможности и ресурсы, а не надеяться на бесконечную помощь из федерального центра. Ясно, что сложности, с которыми сталкиваются регионы, могут и должны быть решены с помощью внутренних ресурсов. В качестве надежного ресурса воспроизводства и развития регионов могут выступать только собственные возможности организовывать свою жизнедеятельность.

Работа с перспективными кадрами управления представляется сегодня весьма важной, т. к. от уровня взвешенности, предусмотрительности и зрелости управленческих решений зависит будущее любой системы. Развитие страны, ее субъектов, их конкурентоспособность во многом определяются кадровым потенциалом.

В ходе совещания с руководством Администрации Президента РФ, полпредами президента РФ в федеральных округах, правительством России и Российской Общественной палатой 23 июля 2008 года президент России обратил особое внимание на необходимость создания целостной системы воспроизводства и обновления профессиональной элиты в нашей стране. Очевидно, что реализация стратегии до 2020 года, предусматривающей фундаментальные изменения экономической и социальной структуры нашего общества, требует высококвалифицированных, инициативных, перспективных управленцев.

Инструментом создания такой системы должно стать формирование резерва кадров управления в общероссийском масштабе. В основу своей концепции развития России президент Дмитрий Медведев положил пять «И» — инвестиции, инфраструктура, институты, инновации и интеллект. Можно с уверенностью включить сюда и шестую «И» — инновационный кадровый резерв.

В настоящее время, как на федеральном, так и на региональном уровнях государственного управления активно проводится работа по разработке и внедрению программ формирования резерва управленческих кадров, ключевая цель которых — выявить, привлечь и оказать поддержку в развитии гражданам, по своему потенциалу способным сформировать профессионально-культурное ядро системы государственного и муниципального управления и выступить в роли кадровой опоры высшего политического руководства страны в реализации концепции долгосрочного развития России. Разрабатываемые концепции акцентируют внимание на проблемных направлениях, связанных как с динамикой развития экономики, культуры и обеспечивающей системы управления на уровне регионов, так и количественных и качественных характеристиках управленческих кадров. Ясно, что разработка концептуальных подходов к формированию резерва управленческих кадров — дело не одного дня. Ведущие ученые, практики, вузы и научные центры страны вовлечены в процесс внедрения инновационных систем отбора и подготовки кадров для государственной службы. Профессионализация чиновничества требует целенаправленной системы подготовки и переподготовки специалистов госслужбы. Особое внимание — обучению молодых и впервые приходящих на госслужбу молодых людей, которые еще не выросли в систему. Именно они могут стать «агентами перемен» [9].

Следует отметить, что проблема кадрового резерва не возникла вдруг в июле 2008 года. Проблема «кадрового голода» не нова, и исследования, направленные на ее преодоление, велись и раньше. Учеными Северо-Кавказской академии государственной службы совместно с высококвалифицированными работниками администрации Ростовской области, занимающимися проблемами реформирования государственной службы, уделяется постоянное внимание

вопросам кадровой политики. Разрабатываются учебно-методические комплексы, проводится обучение государственных гражданских служащих на факультете переподготовки кадров управления и в Центре повышения квалификации СКАГС; проводится активный поиск путей профессионального развития кадров госслужбы, вырабатываются технологии формирования и развития кадрового состава госслужбы.

Мероприятия по совершенствованию качества государственного управления, проводимые в рамках реформ, несомненно положительно влияют на увеличение регионального коэффициента человеческого потенциала. Но в то же время эксперты выделяют ряд проблем, перевешивающих эту положительную динамику. Ведущие управленцы, политологи, экономисты ведут поиск путей преодоления указанных проблем. Все чаще в публицистических материалах можно встретить мнения о необходимости конкуренции государства и частного бизнеса.

По мнению директора Центра политической конъюнктуры России В. Федорова, частному бизнесу легче привлечь грамотных специалистов, и дело не только в материальных стимулах, но и в динамизме передовых групп делового сообщества, которые предоставляют необходимое пространство и ресурсы для инноваций, в перспективе обещающих конкурентные преимущества. Возможность отбросить окостеневшие аппаратные ритуалы высвобождает свободную игру творческого интеллекта, которую молодые, честолюбивые и энергичные менеджеры превращают в профессиональную деятельность [7].

Становится явной необходимость создания (либо преобразования) системы подбора высокопрофессиональных управленческих кадров.

Здесь отметим, что процесс формирования кадрового резерва требует мобилизации многих компонентов, среди которых и большой объем финансовых ресурсов, и привлечение широкого круга экспертов, в составе которых ученые и практики, и необходимость материальных, финансовых и интеллектуальных инвестиций. Государство «не должно скупиться при мобилизации лучших кадров... Эти инвестиции всегда окупаются, так как это инвестиции в людей» [5].

Еще в середине XX в. русский философ И. Ильин отмечал, что политическое дело требует особых знаний, изучения, подготов-

ки, опыта и таланта, которыми «все» никогда не обладали и обладать не будут; политическое строительство всегда было и всегда будет делом компетентного меньшинства [4]. Несомненно мысли И. Ильина актуальны и сейчас. Преобразовательные процессы в государственной службе в настоящее время, как никогда, требуют подбора высокопрофессиональных, мобильных и ответственных управленческих кадров.

Для решения стратегических задач, постоянно возникающих перед государством, необходим не только действующий аппарат, но и кадровый резерв нового поколения.

Для начала необходимо определить приоритетные области экономики, государственного и муниципального управления, социальной сферы, в которых наблюдается дефицит управленческих кадров. Здесь важно оценить и выделить остро нуждающиеся ведомства, структурные подразделения, которые требуют оперативного обновления штата. На наш взгляд, это местное самоуправление, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт и энергетика, агропромышленный комплекс, образование, здравоохранение, спорт, культура и другие социально значимые направления.

Резерв управленческих кадров необходимо формировать на всех трех уровнях власти (муниципальной, региональной и федеральной). Естественно, что на первоначальном этапе будет сформирован резерв кадров на муниципальном и региональном уровнях. Наиболее подготовленные специалисты после проведения оценки их знаний, умений и конкретных результатов деятельности будут включены в федеральный резерв, а лучшие из них — в «президентский резерв» управленческих кадров. Иными словами, речь идет о формировании многоуровневого резерва.

Как справедливо отмечает профессор В.М. Попов, при формировании кадрового резерва кадровым службам целесообразно использовать различные его виды — потенциальный, предварительный и окончательный.

Потенциальный резерв образуют руководители, специалисты министерств, ведомств, работники администраций, удовлетворяющие основным требованиям по образованию, специальности, возрасту либо способные их удовлетворить в ближайшее время. Он весьма неоднороден и представляет собой контингент перспективных работников, которые могут быть в будущем назна-

ченны на руководящие должности. Данная категория может стать источником создания *предварительного резерва*. Его состав устанавливается по сравнительным оценкам управленческих качеств кандидатов. В *окончательный резерв* включаются только те работники, которые в наибольшей мере соответствуют всем критериям формирования и использования кадрового резерва государственной службы. Здесь определяющим показателем являются результаты выполнения поставленных перед государственным служащим задач [2, с. 245].

Но в то же время следует согласиться с профессором В.А. Сулемовым, который не видит необходимости подбирать кандидатов на все государственные должности. Поскольку в системе органов государственной власти России работает около 700 тыс. чел., то даже, включая в состав резерва по два кандидата на каждую должность, придется дополнительно задействовать еще около 1,4 млн чел., что, следует согласиться, выглядит на грани с абсурдом и неизбежно вырождается в формализованный «списочный подход» [6, с. 217].

Для исключения подобной ситуации целесообразно было бы учитывать коэффициент резерва [2, с. 246], а именно число кандидатур, включенных в резерв в расчете на каждую должность. Этот коэффициент должен определяться с учетом конкретных условий и возможностей организации. В этом случае в составе резервистов будет только необходимое количество человек, способных замещать ту или иную должность государственной службы. При этом нужно заложить правильные критерии отбора специалистов в резервную квоту, чтобы присутствие в ней было для работодателей «реальным знаком качества» профессионала, достойного работать не только на государственной службе, но и в других местах.

Вопрос о формировании кадрового резерва несомненно тесно связан с ротацией кадров, низкий ее уровень был также отмечен президентом РФ. Интенсивное применение ротации благотворно влияет на конечный результат. Перемещение специалистов по «горизонтали» необходимо для повышения трудовой мотивации, так как длительное пребывание в одной должности ограничивает кругозор рамками одного участка, перестает обогащать деятельность новыми методами и формами. Быстрее адаптироваться к новым условиям позволяет смена места работы. Профессор А.М. Старостин видит расширение круга и возможностей ротации в регио-

не в поддержке со стороны регионального бюджета для выделения служебного жилья, «подъемных» и других ресурсов. Это может делаться по опыту организации работы Госдумы, ее депутатского корпуса и аппарата. Данная мера носит затратный характер (например, построить современную гостиницу служебного типа), но может себя быстро окупить за счет значительного роста динамики обновления руководящих кадров.

Отмечается и недостаточная мобильность кадрового состава. Целесообразно видится постоянный «обмен» профессионалами между центром и регионами. Зачастую кадровые службы ведут поиск кандидатур на замещение вакантных должностей государственной службы внутри своей структуры. Несмотря на так называемую информационную открытость, редкий случай — привлечение на службу в госструктуру постороннего. Чаще всего (и эта ситуация наблюдается по всей стране) назначение на ведущие должности осуществляется с использованием личных связей. Выход из такой ситуации видится в выработке специальной методики, которая позволила бы привлекать в органы государственной власти настоящих специалистов. Первоочередной задачей на ближайшее время является пересмотр подхода к кадровой политике, создание целостной системы воспроизводства и обновления профессиональной элиты [5].

Здесь, на наш взгляд, уместно отметить, что комплектование государственного аппарата может быть произведено с использованием двух способов — «системой добычи» и «системой заслуг» [3, с. 195–207]. Суть первой в том, что руководитель единственно возможным и правильным способом формирования государственного аппарата видит назначение своих сторонников без учета их профессиональных качеств. Суть системы заслуг напротив предполагает проведение открытых, независимых конкурсов по подбору специалистов, победители которых и комплектуют государственный аппарат. Ясно, что система добычи не может быть долговечной и полностью дееспособной из-за отсутствия возможности создания оптимального функционирования государства. Следовательно, эффективной может быть только система заслуг, в рамках которой существует реальная возможность привлечения на государственные должности наиболее способных и квалифицированных кандидатов. По сути система заслуг (*merit system*) есть закон Пэндлтона, принятый в

США в 1883 году и перевернувший представление о способах формирования чиновничьего аппарата [8]. Можно с уверенностью утверждать, что формирование резерва кадров станет эффективным механизмом восполнения «кадровых дыр» в государственном аппарате, и использование системы заслуг позволит сформировать высокопрофессиональную команду управленцев.

Ростовская область является своеобразным полигоном для реализации пилотных проектов, где постановлением губернатора В.Ф.Чуба от 4 августа 2008 года № 388 учрежден институт стажерства при администрации Ростовской области, с помощью которого появилась возможность привлекать как кандидатов, уже имеющих опыт управленческой работы, так и готовящихся к этой работе из числа действующих специалистов, проходящих обучение в вузах и аспирантуре, которым, в свою очередь, крайне полезно будет освоить опыт практической ориентации в той или иной госструктуре. Цель данного направления работы заключается в выявлении и усиленном развитии обладающих потенциалом управленцев для занятия ими в будущем руководящих должностей.

При формировании кадрового резерва следует применять те же методы изучения кандидатов, их оценки и отбора, которые применяются при организации приема на государственную службу: биографический, анализ результатов предыдущей деятельности, сбор отзывов, характеристик и рекомендаций, собеседование, диагностика личных качеств с помощью тестирования и т.д. В ходе этих мероприятий необходимо учитывать интеллект (умение видеть проблему в комплексе), активную жизненную позицию, развитость (кругозор, глобальное мировоззрение) и кругоптентность каждого из претендентов на включение в кадровый резерв. Уже на этом этапе происходит «отсев» лиц, неспособных к административной, распорядительной и исполнительной деятельности, что освобождает пространство для достойных кандидатов.

Важным является соблюдение принципа открытости, который, по нашему мнению, предполагает в том числе и прозрачность в проведении кадровой политики. Следует при реализации программы задействовать доступные информационные ресурсы, в том числе и Internet, где возможно создание специализированного портала (база данных о кандидатах, желающих войти в резерв управленческих кадров), который позволит

кандидатам пройти оценочное тестирование с учетом интеллектуального и мотивационного их уровня, а кадровым службам расширить круг реальных кандидатов на включение в кадровый резерв.

Важно отметить, что реализация разработанных регионами программ рассчитана на несколько лет, поэтому целесообразно разбить процесс формирования резерва на несколько этапов.

На первом этапе необходимо разработать нормативную правовую базу, создать организационную структуру формирования действующего резерва, создать банк данных.

Второй этап предусматривает проведение профессионального обучения действующего резерва в соответствии с общим и индивидуальными планами, в которых предусматриваются конкретные мероприятия по приобретению необходимых теоретических, правовых, управленческих, экономических и других знаний, необходимых для будущей управленческой работы; постоянное ведение банка данных с проведением мониторинга формирования, подготовки и использования резерва. Результаты мониторинга резерва послужат «информационным фундаментом» для ведения электронного банка кандидатов на управленческие должности.

На третьем этапе необходимо подвести и обобщить итоги реализации программы, провести корректировку тех положений, которые не в полной мере оправдали себя в ходе реализации программы, внедрение положительных результатов в практику кадровой политики своего региона и других субъектов РФ. Положительный опыт каждой территории важно учитывать и обобщать централизованно.

Определение признаков зарождения характеристик будущего позволит задавать параметры необходимого управленческого воздействия, целенаправленная инновационная подготовка, благотворно скажется на формировании государственных служащих нового типа [1]. Однако, по экспертным оценкам, формирование реального резерва требует значительных затрат по изучению и отбору кандидатов, их стажированию, мотивированию, защите, что не всегда дает ожидаемый эффект. Нужно быть готовым к определенным издержкам в этой работе. Работа по созданию реального резерва потребует создания так называемых штатных и внештатных «инкубаторов» кадров госуправления, что вызовет определенный рост общей численности кадров госаппарата и

и иностранным юридическим лицам. Подобная неопределенность может быть устранена только принятием соответствующих нормативных актов.

Кроме того, имеется проблема оформления прав органов местного самоуправления на земельные участки в пределах границ соответствующего муниципального образования, связанная с отсутствием денежных средств в местных бюджетах, высокой стоимостью указанных работ и масштабами неформальных территорий.

До момента проведения соответствующих работ по установлению границ на местности земельный участок ни как объект недвижимости, ни как объект прав еще не существует, поскольку недвижимостью признается лишь индивидуально-определенная вещь, то есть вещь, индивидуализированная до степени невозможности смешения со сходной вещью. Проведение данных работ является обязательным при предоставлении земельных участков. Специфика земельного участка в том, что он является частью поверхности земли, границы которой должны быть описаны и удостоверены в установленном порядке полномочным государственным органом.

Решить данную проблему может принятие дополнения в статью 69 Земельного кодекса Российской Федерации пунктом 1.1, предусматривающим финансирование за счет средств федерального бюджета и бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации работ по установлению границ на местности земельных участков, отнесенных к собственности муниципальных образований и в отношении которых не были проведены вышеуказанные работы.

Решение поставленной проблемы позволит ускорить предоставление земельных участков, находящихся в собственности муниципальных образований, в собственность либо аренду, а проведение аукционов по продаже земельных участков или права на заключение договоров аренды таких земельных участков будет способствовать предоставлению земельных участков по наилучшей для органов местного самоуправления цене. Следовательно возрастет объем поступающих от земельного налога денежных средств в местный бюджет, а также объем уплачиваемой государственной пошлины за

регистрацию прав на недвижимое имущество.

Так же необходимо обратить внимание на вопросы защиты прав граждан и юридических лиц, заинтересованных в получении земельного участка под строительство, за счет которых в соответствии с п. 1 ст.32 Земельного кодекса осуществляется установление границ такого земельного участка и его государственный кадастровый учет.

Проблема в том, что до того как будет принято решение о предоставлении земельного участка гражданину или юридическому лицу, данный земельный участок остается в собственности муниципального образования. А решение о предварительном согласовании места размещения объекта является основанием для принятия решения о предоставлении земельного участка, но не обязанностью. Следовательно, в случае наступления указанных в пункте 4 статьи 28 Земельного кодекса обстоятельств (изъятие земельных участков из оборота; установление федеральным законом запрета на приватизацию земельных участков) заявитель фактически остается без каких-либо прав на оформляемый земельный участок при понесенных им расходах.

В качестве решения предлагается дополнить пункт 2 статьи 32 Земельного кодекса Российской Федерации абзацем следующего содержания: «В случае принятия решения об отказе в предоставлении земельного участка для строительства по основаниям, не связанным с нарушениями действующего законодательства, расходы на проведение работ по установлению границ такого земельного участка и его государственному кадастровому учету, понесенные заявителем, подлежат возмещению за счет средств соответствующего органа, принявшего такое решение».

Указанные предложения и рекомендации направлены на совершенствование правового регулирования полномочий органов местного самоуправления в сфере земельных отношений, связанных с управлением и распоряжением земельными участками, находящимися в муниципальной собственности, и устранение имеющихся проблем в практической деятельности органов местного самоуправления.

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М., 1993. С.15.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г.

- № 51-ФЗ (в ред. от 26 июня 2007 г. № 118-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2007. № 27. Ст. 3213.
3. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 13 мая 2008 г. № 68-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; 2008. № 20. Ст. 2251.
4. О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ (в ред. от 01 декабря 2007 г. № 310-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4148; 2007. № 49. Ст. 6071.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2002 г. № 808 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4587.
6. О порядке определения нормативной цены земли: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 марта 1997 г. № 319 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 13. Ст. 1539.
7. Постановление ФАС Центрального округа от 3 августа 2006 г. по делу № А14-6835-2005/253/14 // Документ опубликован не был.
8. Постановление ФАС Уральского округа от 24 марта 2008 г. № Ф09-1800/08-С6 по делу № А50-12077/2007 // Документ опубликован не был.
9. Постановление ФАС Уральского округа от 1 ноября 2006 г. № Ф09-9544/06-С6 по делу № А50-9384/2006 // Документ опубликован не был.
10. Муниципальное право: Учебник для вузов / Н.А. Игнатьев, А.А. Замотаев, А.В. Павлушкин; под ред. Н.А. Игнатьева. М., 2005. С.174.
11. Урсу А.В. Земля и местное самоуправление // Российская юстиция. 2007. № 2. С. 11 – 12.

ИНВЕСТИЦИИ И ИННОВАЦИИ ИНТЕНСИВНОГО И ЭКСТЕНСИВНОГО ТИПА: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД

УДК 330.35.01

К.В. ПАВЛОВ

В последнее время всё больше внимания уделяется вопросам формирования в России инновационной экономики, что совершенно справедливо, т.к. это позволит уменьшить зависимость уровня и темпов социально-экономического развития страны от получаемых доходов вследствие экспорта сырьевых ресурсов. Важно также и то, что в результате этого улучшится имидж России, которую пока ещё нередко отождествляют с сырьевым придатком капиталистического мира. Таким образом, в целом мировой опыт действительно свидетельствует о том, что рост инвестиций в инновационные сферы экономики способствует ускоренному развитию народнохозяйственного комплекса страны и повышению среднего уровня жизни.

Однако это только в целом, а в каждом конкретном случае вложение инвестиций в инновационные сектора далеко не всегда способствует росту прибыли и доходов — так, в фундаментальной науке известно немало случаев, когда вложение средств не только не окупалось, но и приводило к негативным результатам. Кстати, руководство России в последнее время нередко критикует различные ведомства и организации в связи с тем, что существенные инвестиции в создание нанотехнологий пока ещё не дают ожидаемого результата. В этой связи совершенно справедлива постановка вопроса о том, насколько эффективны те или иные инвестиции и инновации.

Однако, на наш взгляд, в современных условиях этого недостаточно и, кроме осуществления социально-экономической оценки эффективности инвестиций и инноваций, необходимо осуществлять оценку последствий внедрения инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на усиление процессов интенсификации общественного воспроизводства. В этой связи нами предлагается выделять инвестиции и инновации интенсивного или экстенсивного типов в

зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации. Важно также в общей структуре инвестиций и инноваций выделять удельный вес, долю каждой из этих двух групп. Целесообразность осуществления такого рода классификации инвестиций и инноваций во многом объясняется тем обстоятельством, что в последнее время существенно возросла актуальность использования интенсивных методов хозяйствования. Прежде всего, это связано с демографическим кризисом последних лет — как известно, на 1000 жителей России умерших сейчас приходится в 1,5 раза больше, чем родившихся (приблизительно 15 человек против 10). В этой связи осуществление мероприятий трудосберегающего направления интенсификации представляется весьма своевременным и эффективным.

В других странах могут быть актуальными и иные направления интенсификации. Так, например, в среднеазиатских странах СНГ — Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии — исключительно важным является водосберегающее направление интенсификации общественного производства. В Японии, где сравнительно немного крупных месторождений природных ресурсов, весьма актуально материалосберегающее направление интенсификации, здесь же в связи с крайне ограниченным характером земельных ресурсов большое значение имеет также землесберегающее направление интенсификации. В большинстве стран мира весьма актуальны энерго- и фондосберегающие направления.

Более того, даже в разных регионах одной и той же страны актуальными могут быть разные направления интенсификации: на Дальнем Востоке и на Севере России большое значение по-прежнему (т.е. как и во времена социалистической экономики) имеет трудосберегающее направление, в старопромышленных регионах Урала — в

Свердловской области, Удмуртской Республике, Челябинской области – крайне актуально фондосберегающее направление интенсификации. В Белгородской области, где высоко развиты металлургическая и горнодобывающая отрасли промышленности, очень эффективно осуществление мероприятий материалосберегающего направления. Таким образом, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации или экстенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько подгрупп, соответствующих разным направлениям интенсификации – трудо-, фондо-, материалосберегающему и т.д. в соответствии с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики той или иной страны. Напомним, что, говоря о процессах экстенсификации и интенсификации, имеются в виду два принципиально различающихся способа достижения производственной цели. При одном происходит количественное увеличение использования ресурса, при втором на единицу выпуска продукции при решении производственной задачи экономится ресурс. Целесообразно определять поэтому интенсификацию производства как реализацию мероприятий, имеющих своим результатом экономию стоимости совокупности применяемых ресурсов. Ресурсосберегающим направлением интенсификации производства является реализация мероприятий, в результате которых экономится ресурс, например живой труд. Таким образом, предложенный подход понимания процесса интенсификации позволяет говорить и об интенсификации производства, и об интенсификации использования отдельных факторов производства, не отождествляя эти понятия [5].

Таким образом, если существующую функциональную зависимость между экономическим результатом (обозначим его Э) от использования какого-либо ресурса (обозначим Р) представить в виде $\mathcal{E} = f(P)$, то в случае экстенсивного использования ресурса его увеличение приведёт к пропорциональному росту экономического эффекта, тогда как при интенсивном использовании ресурса его увеличение приведёт к большему росту эффекта. Иначе говоря, если имеем два значения ресурса P_1 и P_2 , причём $P_2 = n \times P_1$ (n – коэффициент пропорциональности), то в случае экстенсивного использования ресурса $\mathcal{E}_2 = n \times \mathcal{E}_1$, а в случае интенсивного использования $\mathcal{E}_2 > n \times \mathcal{E}_1$. Как можно видеть, интенсивное использование ресурса

(труда, фондов, материалов, воды и пр.) обусловлено ростом ресурсоотдачи (производительности труда, фондоотдачи, материалотдачи и т.д.), правда, в вышеозначенной функциональной зависимости следует учитывать также временной лаг.

Оценить, относится ли тот или иной инвестиционный ресурс к экстенсивному и интенсивному типу, также можно на основе использования таких показателей, как капиталотдача (капиталоёмкость) и фондоотдача (фондоёмкость), но не только с их помощью. Для этого, в частности, можно также использовать мультипликатор. В этой связи напомним, что в соответствии с макроэкономическим подходом объём национального дохода страны находится в определённой количественной зависимости от общей суммы инвестиций, и эту связь выражает особый коэффициент – мультипликатор, причём увеличение национального дохода равно приращению общей суммы инвестиций, помноженному на мультипликатор (обычно мультипликатор обозначают буквой К).

Для количественной оценки экстенсивных и интенсивных инвестиций мультипликатор следует представить в виде суммы двух слагаемых:

$$K = K_{\text{эксст}} + K_{\text{инт}}, \text{ где}$$

$K_{\text{эксст}}$ – характеризует влияние экстенсивных, а

$K_{\text{инт}}$ – интенсивных инвестиций на национальный доход.

Обычно в реальной хозяйственной практике используют как экстенсивные, так и интенсивные инвестиции, поэтому, как правило, и $\frac{K_{\text{эксст}}}{K}$, и $\frac{K_{\text{инт}}}{K}$ больше нуля, но меньше единицы. В маргинальных случаях, когда имеет место использование либо только экстенсивных, либо только интенсивных инвестиций (что соответствует классическому экстенсивному или интенсивному способам общественного воспроизводства), $\frac{K_{\text{эксст}}}{K}$ либо $\frac{K_{\text{инт}}}{K}$ соответственно равны единице, тогда как второе соотношение равно нулю.

Учитывая, что в соответствии с макроэкономической теорией величина мультипликатора связана с предельной склонностью к потреблению и сбережению, выделение в мультипликаторе двух вышеозначенных слагаемых позволит также количественно оценить влияние экстенсивных и интенсивных

инвестиций на показатели предельной склонности к потреблению и сбережению, а соответственно и определению оптимальных параметров доли потребления и сбережения в национальном доходе, что имеет большое значение при разработке эффективной стратегии социально-экономического развития, т.к. от этого зависят и средний уровень жизни населения, и темпы технического перевооружения экономики.

Целесообразно, на наш взгляд, кроме общего показателя мультипликатора, характеризующего связь объёма национального дохода с общей суммой инвестиций, выделять и так называемые частные показатели мультипликатора в соответствии с различными направлениями интенсификации общественного воспроизводства. Иначе говоря, это означает, что в общем объёме инвестиций следует выделять те, реализация которых приведёт к более интенсивному использованию определённого вида ресурсов – энергетических, материальных, водных, трудовых и т.д., причём в частных показателях мультипликатора также необходимо выделять два слагаемых, т.е.

$$K_{pi} = K_{pi \text{ экст}} + K_{pi \text{ инт}}, \text{ где}$$

- K_{pi} – частный мультипликатор для i -го вида ресурсов;
- $K_{pi \text{ экст}}$ – показатель, характеризующий влияние на национальный доход инвестиций, реализующих экстенсивный вариант использования i -го вида ресурсов;
- $K_{pi \text{ инт}}$ – показатель, характеризующий влияние на национальный доход инвестиций, реализующих интенсивный вариант использования i -го вида ресурсов.

Как и в случае общего мультипликатора, для частных показателей мультипликатора величины $\frac{K_{pi \text{ экст}}}{K_{pi}}$ и $\frac{K_{pi \text{ инт}}}{K_{pi}}$ могут принимать любые значения в интервале от нуля до единицы, причём крайние значения этого интервала (т.е. ноль или единицу) они принимают также, как и для общего мультипликатора, лишь в случае исключительно экстенсивного (т.е. когда используются только экстенсивные инвестиции) либо исключительно интенсивного (т.е. когда используются только интенсивные инвестиции) способа воспроизводства. Для смешанного же способа воспроизводства (т.е. когда используются как экстенсивные, так и интенсивные инвестиции – случая, наиболее часто встре-

чающегося в хозяйственной практике) рассмотренные выше соотношения обязательно будут принимать значения больше нуля, но меньше единицы.

Говоря о смешанном способе воспроизводства, следует уточнять, идёт ли речь о преимущественно экстенсивном (т.е. когда преобладают экстенсивные инвестиции) или же о преимущественно интенсивном (т.е. когда преобладают интенсивные инвестиции) способе воспроизводства [1]. Важно учитывать также то, что, говоря об экстенсивном, интенсивном и смешанном типах воспроизводства, всегда следует уточнять, идёт ли речь о воспроизводстве с учётом использования всех ресурсов в целом (и лишь только в этом случае, на наш взгляд, имеет смысл использовать термин «общественное воспроизводство») либо же речь идёт об экстенсивном, интенсивном и смешанном типах воспроизводства, основанных на использовании лишь определённого вида ресурсов (или же совокупности некоторых, но не всех видов ресурсов). Например, рассматривают же в специальной литературе только воспроизводство населения или воспроизводство основного капитала – всё это подтверждает справедливость предложенного нами подхода. Таким образом, учитывая, что инвестиционные ресурсы – особый вид ресурсов, которые используются в процессе воспроизводства любого другого вида ресурсов – трудовых, капитальных, материальных, водных, энергетических, природных и т.д., для определения экстенсивных и интенсивных инвестиций наряду с показателями фондоотдачи и капиталотдачи целесообразно использовать также показатель мультипликатора и его две составляющих. Что касается инноваций, то и здесь, на наш взгляд, целесообразно учитывать те социально-экономические последствия, к которым приводит их внедрение в реальную хозяйственную практику и поэтому, подобно инвестициям, выделять инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации. Кроме этого, целесообразно выделить несколько групп инноваций, соответствующих разным направлениям интенсификации общественного воспроизводства.

Выделять разные виды и типы инноваций особенно важно в связи с тем обстоятельством, что инновации считаются фор-

мой реализации НТП, тогда как сам НТП считается важнейшим фактором интенсификации общественного воспроизводства. Поэтому получается, что инновации вроде как всегда соответствуют процессу интенсификации производства, что, однако, не соответствует действительности — на самом деле инновации могут способствовать как усилению интенсивного характера общественного воспроизводства, так и процессу экстенсификации (например, когда внедряются недостаточно новые инновации или инновации, внедрение которых не способствует экономии какого-либо ресурса).

Выделение инвестиций и инноваций экстенсивного и интенсивного типов важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Дело в том, что процесс интенсификации является важнейшим условием повышения конкурентоспособности национальной экономики, причём в обозримом будущем роль и значение этого процесса в связи с исчерпанием и усложнением условий добычи и эксплуатации ряда важных природных ресурсов ещё более возрастут. В связи с этим внедрение инвестиций и инноваций интенсивного типа будет способствовать также повышению экономической безопасности страны.

Рассматривая различные формы и направления инвестиций с точки зрения их влияния на процесс интенсификации общественного производства в России, следует отметить, что доля интенсивных инвестиций в общей структуре иностранных инвестиций существенно меньше, по сравнению с аналогичным показателем в структуре внутренних инвестиций, что, на наш взгляд, в значительной степени объясняется нежеланием Запада технологически усиливать российскую экономику. Сравнивая прямые и портфельные инвестиции, можно констатировать, что в первом случае возможности реализации интенсивных инвестиций существенно выше, чем во втором.

Как известно, в зависимости от выбранной инвестиционной стратегии субъекта хозяйствования выделяют несколько различных портфелей инвестиций и, в частности, консервативный портфель, когда предполагается инвестирование в малоодоходные, но стабильные объекты; доходный портфель, в соответствии с которым инвестиции осуществляются в объекты, гарантированно приносящие высокие доходы, и рискованный портфель, формирование которого связано с осуществлением инвестирования в объекты,

приносящие наибольший, но не гарантированный доход. Целесообразность выбора конкретного портфеля инвестиций с точки зрения максимального использования имеющихся потенциальных возможностей в отношении внедрения интенсивных инвестиций в значительной мере определяется отраслевой и региональной спецификой, однако можно констатировать, что в будущем в связи с усложнением условий осуществления общественного воспроизводства значение рискованного портфеля как предпосылки роста доли интенсивных инвестиций существенно возрастет. Таким образом, можно видеть, что лишь создание системы эффективных и взаимосвязанных мер и условий хозяйствования на разных уровнях иерархии — макро-, мезо- и микроуровне позволит существенно увеличить использование в обозримом будущем в российской экономике интенсивных инноваций и инвестиций, однако наибольшее значение в этой системе всё же имеет использование комплекса мер государственного регулирования развития народнохозяйственного комплекса страны.

Интенсификация общественного производства является одной из важнейших тенденций развития мировой экономики [2]. Особенно эта тенденция проявляется в развитых капиталистических странах. Это объясняется тем обстоятельством, что интенсификация, важнейшим фактором которой является научно-технический прогресс, является обязательным условием и материально-технической основой существенного повышения социально-экономической эффективности и ускорения темпов развития народнохозяйственного комплекса страны. Интенсификация производства является также одним из важнейших факторов повышения конкурентоспособности отечественной продукции.

Действительно, в современных условиях именно наукоемкие технологии — роботизация, биотехнология, электронно-вычислительная техника позволяют достигать высоких стандартов, уровня и качества жизни. Достаточно сказать, что Япония, не имеющая сколь-нибудь серьезных запасов природных ресурсов, стала одной из ведущих держав мира благодаря, прежде всего, эффективному использованию научно-технического потенциала, причем далеко не только своего (как известно, Япония является крупнейшим импортером лицензий). То же самое можно сказать и про другую быстро развивающуюся страну — Южную Корею.

Значение процесса интенсификации в связи со все более возрастающей дефицитностью невозпроизводимых природных ресурсов в обозримой перспективе еще более возрастет. Вместе с тем во многих постсоциалистических странах в последнее время темпы и уровень интенсификации производства все еще недостаточно высоки. Все это справедливо и для стран СНГ, в том числе для России и Украины. И это при том, что в советский период о необходимости всемерной интенсификации говорилось на всех уровнях общественной иерархии, в том числе и на самом высоком.

Развитие российской экономики до последнего времени преимущественно было связано с использованием экстенсивных факторов (недозагруженными мощностями и незанятой рабочей силой, а также внешней конъюнктурой). Однако ускорение социально-экономического развития, намечаемое на ближайшее десятилетие, не может основываться на весьма ограниченных по своим возможностям экстенсивных факторах. Необходимо использовать качественно новый физический и человеческий капитал, а также результаты благоприятных условий хозяйствования. Чтобы ускорить экономический рост, необходимы поиск новых, устойчивых источников развития и активизация процесса интенсификации производства.

Актуальность перехода на интенсивный способ хозяйствования определяется также и тем, что в трудные годы экономического спада проблемам интенсификации не придавалось должного значения. В настоящее время, когда возникли благоприятные предпосылки развития, интенсификация предполагает вовлечение в общественное производство всего имеющегося потенциала страны и все более рационального его использования.

Раньше, в условиях плановой экономики, в России о необходимости всемерной интенсификации экономики постоянно говорили руководители всех уровней. Много в этом направлении делалось: внедрялись новые технологии на предприятиях, ускоренными темпами развивались фундаментальная и прикладная наука, в стране были широко развиты изобретательство и рационализация, причем в этой деятельности наша страна занимала одно из первых мест в мире. Другое дело, что новинки у нас не всегда оперативно внедрялись, в то время как в передовых странах за любое усовершенствование на производстве специалисты получают хорошее вознаграждение. В Япо-

нии, к примеру, в фирмах существуют кружки качества, деятельность которых стимулирует проявление инновационной активности трудящихся этих фирм как с материальной, так и с моральной точек зрения.

Необходимость в стране перехода к рыночным отношениям многие специалисты объясняли также и обстоятельством, что рынок должен был еще более повысить уровень интенсификации общественного производства, главным фактором которой является НТП. Однако результат получился прямо противоположным. В последнее время не только не произошло усиления интенсивного характера производства, существенного повышения темпов его роста, но и значительно снизился уровень интенсификации. На это указывают следующие факты. Такой важный показатель интенсификации, каким является производительность труда, существенно снизился (в сельскохозяйственных предприятиях, например, за десятилетний период рыночных реформ этот показатель снизился более чем на 20%, соответственно затраты труда на производство центнера зерна за это же время возросли с 1,6 человеко-часов до 2,4). О снижении уровня интенсификации российской экономики в переходный к рыночным отношениям период свидетельствуют и другие показатели. В последнее время почти во всех отраслях существенно уменьшились коэффициенты обновления основных фондов. Это привело к тому, что на многих предприятиях степень их износа приближается к 100% [6].

Тенденция снижения темпов интенсификации производства в условиях рыночной реформы проявляется в разных регионах страны. В итоге средний уровень технооснащенности и конкурентоспособности российской экономики еще более отдалился от мировых стандартов. В целом темпы внедрения новых технологий в промышленности России в 1990-х годах и начале XXI века резко снизились: если удельный вес предприятий и организаций, осуществляющих разработку и использование нововведений, в начале рыночных реформ превышал 16%, то сейчас этот показатель составляет около 5%. Особенно низка инновационная активность в сельскохозяйственном машиностроении и промышленности строительных материалов. А общая доля новой и усовершенствованной продукции составляла в последнее время лишь около 12% от всего объема отгруженной продукции инновационно-активных предприятий [4].

В последнее время многие руководители об интенсификации экономики вспоминают редко, хотя именно интенсификация является по-прежнему важнейшим фактором роста социально-экономической эффективности производства и конкурентоспособности продукции. В этой связи нелишне напомнить, что основу экономического потенциала развитых стран составляют новейшие наукоемкие производства: роботизация, геновая инженерия, биотехнология и т.п. Поэтому чтобы в обозримой перспективе существенно повысить уровень и качество жизни россиян, необходимо принять срочные меры для повышения эффективности и темпов роста интенсификации производства.

Особенно это актуально для регионов с высоким инновационным потенциалом, к которым относятся, например, регионы Урала, традиционно являющиеся флагманами российского ВПК. Инновационные процессы в такого рода регионах в последнее время существенно затормозились. На предприятиях машиностроительного комплекса снизился удельный вес новых изделий в общей структуре выпускаемой ими продукции, слабо идет внедрение новых технологий, научно-исследовательских, опытно-конструкторских разработок.

Произошедшее за последнее десятилетие снижение темпов интенсификации вполне объяснимо: финансовых ресурсов часто не хватало не только на техническое обновление производства, но и на выплату заработной платы. Поскольку в последнее время

ситуация в российской экономике несколько улучшилась (прежде всего, за счет благоприятной внешней конъюнктуры в отношении энергоносителей, традиционно составляющих основу российского экспорта), появившиеся резервы целесообразно использовать на повышение интенсификации производства, а следовательно, и роста конкурентоспособности продукции. Без этого невозможно обеспечить устойчивое развитие общества, тем более, что Россия, как известно, в ближайшее время, скорее всего, вступит в ВТО, в связи с чем средний уровень конкурентоспособности российских товаров должен соответствовать мировым стандартам. Важнейшим условием ускорения процесса интенсификации является государственное регулирование экономики, осуществляемое в двух основных формах. Возможно прямое государственное финансирование или же создание льготных условий для тех предприятий, которые расширяют научно-исследовательскую деятельность, внедряют прогрессивную технику и технологию. Шире следует использовать и методы ускоренной амортизации фондов. Имеет смысл также разработать комплексно-целевую программу «Интенсификация экономики России и ее различных регионов при рыночных отношениях», в которой следует учесть отраслевые и территориальные особенности инновационного развития производства.

(Продолжение следует)

1. Александров Г.А. Курсом интенсификации. М.: Экономика, 1998. 158 с.
2. Андреев В.А., Павлов К.В. Интенсификация общественного производства в свете институциональной теории / Общество и экономика. 2006. № 6. С. 152–162.
3. Виленский М. Интенсификация экономики и ускорения технического прогресса / Вопросы экономики. 1985. № 7. С. 15–25.
4. Дынкин А. Мировой кризис – импульс для развития инноваций / Проблемы теории и практики управления. 2009. № 4. С. 5–14.
5. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. М.: Магистр, 2007. 271 с.
6. Черковец В. Особенности нового этапа инновационного развития России / Экономист. 2008. № 12. С. 38–55.

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ? ИЛИ ПРОПЕДЕВТИКА КО ВСЯКОЙ ПРОШЛОЙ И БУДУЩЕЙ МЕТАФИЗИКЕ...

УДК 101

С.В. БОРИСОВ

О философии сказано много и большей частью много лишнего, не имеющего отношения к сути ее предмета. Представленный вашему вниманию текст не «о философии», это сама философия. Если мы любим жизнь, если мы любим мудрость, если мы ценим разумное и доброе человеческое общение, если мы заботимся об этих чистых чувствах, значит, мы настоящие философы. Философия всегда где-то рядом, философия живет в нас, следовательно, искать ничего не нужно, достаточно внимательно приглядеться и прислушаться к тому, что уже есть, познать огромный и неповторимый мир нашего Я. Перед вами философский диалог – самый лучший способ философствования. Разговор ведут: *Ignorant* (профан), *Doctor* (ученый) и *Мыслители* прошлого и современности, оставившие наиболее заметный след в философии.

Специфика философского мировоззрения

Doctor: Скажи, любезный, считаешь ли ты, что можно хоть в чем-то быть абсолютно уверенным?

Ignorant: А почему ты спрашиваешь? А-а, знаю. Ты хочешь опять выставить меня профаном, не так ли? Но у тебя ничего не получится. Да поможет мне его величество здравый смысл! Например, я абсолютно уверен (да и ты тоже), что завтра опять взойдет Солнце.

Doctor: А на чем основывается твое утверждение?

Ignorant: На простом ежедневном наблюдении. Изю дня в день, примерно в одно и то же время происходит одно и то же событие – восход Солнца. Природа единообразна.

Doctor: Однако из того, что раньше было так, логически не следует, что потом все повторится. В том, что Солнце завтра не взойдет, нет логического противоречия.

Ignorant: Я не понимаю тебя. Что ты хочешь этим сказать?

Doctor: Только то, что восход Солнца нельзя обосновать дедуктивно, а только

индуктивно. Однако индукция всегда опирается на неоправданное допущение.

Ignorant: Почему же мое допущение о том, что «так было и будет всегда, ибо природа единообразна», неоправданное?

Doctor: Потому что данное допущение о единообразии природы ты можешь полагать только независимо от опыта, так как ты ведь не можешь наблюдать всю природу в ее прошлом и будущем. Однако, пытаясь оправдать предположение о единообразии природы, ты опять будешь ссылаться на свой опыт, а потом опять будешь утверждать, что так было везде и всегда. Ты попадаешь в порочный круг. Например, барон Мюнхгаузен рассказывал небылицы, а в подтверждение своих слов приводил «аргумент», что всегда говорит только правду.

Ignorant: Значит, ты хочешь сказать, что моя уверенность в восходе Солнца столь же неоправданна, как уверенность барона Мюнхгаузена в том, что он поднял себя за волосы?

Дэвид Юм (шотландский философ XVIII века): Наше мышление устроено таким образом, что, когда нам удается обнаружить некоторую регулярность, мы *вынуждены верить* в то, что эта регулярность сохранится в будущем. Каузально (индуктивно) эту веру обосновать невозможно, она у нас просто есть [10, 319].

Иммануил Кант (немецкий философ XVIII века): Да, нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать *лишь на веру* существование вещей вне нас и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению [3, 101].

Ignorant: Нет, господа философы, вы меня несколько не убедили, и я продолжаю настаивать на том, что могу быть уверенным в восходе Солнца! А что ты делаешь?

Doctor: Бросаю монету. Орел или решка?

Ignorant: Орел.

Doctor: Так и есть. Означает ли это, что ты знал, какой стороной упадет монета?

Ignorant: Нет, я просто угадал.

Doctor: Но ты же верил в это, и твоя вера оказалась истинной.

Ignorant: Да, но этого мало.

Doctor: А что еще требуется для знания?

Ignorant: Нужно хотя бы какое-то объяснение, обоснование. А вот обоснованная истинная вера и будет знанием.

Doctor: Однако обоснованность бывает разной степени. Например, я вижу своего приятеля в дорогом костюме за рулем шикарного автомобиля. На основе этого я делаю вывод, что он обзавелся деньгами. Когда же он мне говорит, что у него есть еще вертолет и дом в Майами, мои основания подтверждаются. Однако проблема в том, что мой приятель солгал. Костюм и автомобиль он одолжил, чтобы произвести впечатление на свою знакомую, а вертолет и дом он просто приплел для большего эффекта.

Ignorant: Значит, наши основания нуждаются в проверке.

Doctor: Но тут мы сталкиваемся с проблемой репресса оснований.

Ignorant: Я тебя не понимаю, опять ты хочешь меня запутать?!

Doctor: Совсем нет, я только хочу внести ясность. Смотри, моя вера базируется на определенных основаниях, эти основания явились следствием другой веры, которую тоже нужно обосновать и так до бесконечности.

Ignorant: Вот именно! Поэтому должны существовать хотя бы некоторые утверждения, которые можно принять на веру и считать знанием без обоснования. Иначе все можно подвергнуть сомнению, в том числе и то, что для нас свято — наши принципы, ценности, убеждения. Это недопустимо!

Doctor: А ты считаешь, что мировоззрение человека и общества не подвержено изменениям и не нуждается в обосновании? Человек всегда создает себя, собирает по крупицам. Поэтому он всегда будет задумываться над вопросом: зачем все это? Зачем этот мир и я в нем? Что происходит вокруг нас? Что делают эти люди, которые нас окружают? Куда они бегут? О чем они разговаривают? О чем думают? Куда бегу я вслед за ними? Чего я хочу от жизни, что я могу знать, на что я смею надеяться, что я должен делать?

Ignorant: Стоп, хватит! Уверен, вопросов будет больше, чем ответов. Такие рефлексивные остановки небезопасны. Ведь, как знать, ответов на большинство этих вопросов у нас может так и не появиться.

Doctor: А что тогда? Бежать дальше? А зачем?

Хосе Ортега-и-Гассет (испанский философ XX века): Все мы представители *массового общества*, а значит, у нас не должно быть подобных вопросов. Но они возникают и никуда от них не деться. Это говорит том, что у нас нет определенного духовного стержня, а, следовательно, в современном массовом обществе растет степень отчужденности человека. Из творца общественных отношений человек превращается в массового потребителя.

Doctor: Получается интересная картина: внешне общество необычайно интегрировано, монолитно, но внутренне индивидуалистично, рассогласованно. Сознание человека отпускается в свободный полет по информационному пространству, но при этом оно не в состоянии определить свои истоки. В условиях ожидания случайной информации сознание человека отвыкает трудиться над созданием личности, перестает быть направленным на восприятие внутренних переживаний. Главным состоянием человека становится «праздность души».

Хосе Ортега-и-Гассет: Данное состояние порождает иллюзию доступности жизни во всех проявлениях; все дается мне только по праву моего рождения без каких-либо душевных усилий с моей стороны. Но, превращаясь в простого потребителя, я лишюсь того «собственно человеческого», что поддерживает и воспроизводит культуру, что придает ей ценность [9, 72–73].

Готфрид Вильгельм Лейбниц (немецкий философ XVII–XVIII веков): Однако дело не только в том, чтобы ясно мыслить и всегда совершать рациональный выбор; дело в том, что для такого выбора нужна *энергия воли*, а ее-то и может перебивать беспокойство повседневных желаний. В зазоры нашего мышления мгновенно внедряется мощный поток иррациональных мотивов и желаний, и мы подчиняемся ему, засыпая наяву и уносясь на крыльях грез. Внимание рассеивается, воля сменяется слепым желанием. Мы не хотим мыслить. Так обнаруживается «ленивый разум» [4, 54–62].

Ignorant: А что такое «ленивый разум» и каковы его проявления?

Готфрид Вильгельм Лейбниц: Во-первых, это наше нежелание мыслить. Во-вторых, это наше притворство (ведь мы осознаем, что спим наяву). В-третьих, это наша привычка не мыслить, мы не в состоянии побороть собственную лень.

Doctor: Но как бороться с «ленивым разумом»?

Готфрид Вильгельм Лейбниц: Нужно мыслить до конца. Если мы мыслим до конца, мы получаем особое наслаждение от процесса мышления, которое сохраняется в памяти. Поэтому, помня об этой радости, мы вновь обращаемся к мышлению. Эта радость позволяет преодолевать естественный сон интеллекта, просыпаться в своем повседневном существовании, преодолевать зазоры, в которые вклиниваются наши повседневные иррациональные желания, и сохранять непрерывность существования. Именно память о том, как душа радовалась, когда мыслила, и склоняет нашу волю в пользу интеллекта, а не спонтанных желаний.

Ignorant: Хорошо, господа философы, все это верно, но если мы придем к утверждению, что единственным действенным противоядием от «массовизации» духовной жизни будет занятие философией, то современные практичные люди нас не поймут. Современная культура не может в равной степени поддерживать все стороны человеческой жизни, в своих построениях она ищет более надежные опоры, чем «отвлеченные» конструкции философской мысли.

Николай Александрович Бердяев (русский философ XIX–XX веков): Да, друзья, положение философа в современном мире поистине трагично, философа почти никто не любит. На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии, и притом с самых разнообразных сторон. Поэтому философия есть самая незащищенная сторона культуры. Постоянно подвергается сомнениям сама возможность философии, и каждый философ принужден начинать свое дело с защиты философии и оправдания ее возможности и плодотворности. Философия подвергается нападению сверху и снизу, ей враждебна религия и ей враждебна наука. Она совсем не пользуется тем, что называется общественным престижем. Философ совсем не производит впечатления человека, исполняющего социальный заказ [1, 230].

Doctor: Чего же не могут простить философам?

Николай Александрович Бердяев: Прежде всего того, что философия кажется людям ненужной, неоправданной, существующей лишь для немногих, пустой игрой мысли.

Doctor: Но все-таки непонятно, почему «ненужная» и «неоправданная» игра мысли

самой незначительной кучки людей вызывает такое недоброжелательство и почти негодование?

Ignorant: Дело в том, что современный человек относится к философии как к самой неопределенной и отвлеченной области знания наиболее удаленной от повседневной жизни.

Doctor: Но это же заблуждение! Во-первых, каждый из нас, отдаем ли мы себе в этом отчет или нет, имеет какие-то философские воззрения. А во-вторых, даже в обыденной речи современные люди активно пользуются такими терминами, как «философия», «философски», «философствовать» и т.п. Может быть все-таки, причина непонимания заключается в нас самих, а за философию мы зачастую принимаем совсем не то, чем она является на самом деле? *Философия, в переводе с древнегреческого, означает «любовь к мудрости».* Но в том-то и дело, что любви нельзя научить, как и нельзя заставить любить. Любовь — это чувство, которое возникает однажды. Это чувство нужно в себе развивать, о нем нужно заботиться.

Ignorant: Действительно, в процессе повседневного общения очень многие толкуют о философии. Например, мы слышим: «Мне нравится твоя жизненная философия». Значит, философия в этом смысле — это образ жизни, деятельности, мысли, способ поведения и т.п. Или: «Не переживай, относись к этому философски». В таком понимании философия — это принятие жизни такой, какая она есть, отстраненное, перспективное рассмотрение жизни. Или (с негативным оттенком): «Хватит философствовать, пора дело делать». То есть здесь философия — это абстрактное, оторванное от жизни рассуждение, неумение четко и логично выразить свои мысли и чувства.

Doctor: Ты прав. Образчик здравого смысла — «Словарь русского языка» С.И. Ожегова — дает следующие определения понятиям «философия», «философски», «философствовать». Например, «философ — это специалист по философии, а также вообще — мыслитель, занятый разработкой вопросов мировоззрения». Или другое определение, на этот раз в переносном смысле: «Философ — это человек, который разумно, рассудительно и спокойно относится ко всем явлениям жизни, ко всем невзгодам». Ну а понятие «философствовать» употребляется, как правило, с негативным контекстом: «философствовать — это мудрено или беспочвенно

рассуждать, умствовать, рассуждать на отвлеченные темы» [7, 850].

Ignorant: Обыденное представление о философе столь же противоречиво. В обыденном представлении философ фигурирует либо как мыслитель-теоретик, посвятивший себя созерцанию мировых проблем и созданию отвлеченных теоретических систем, либо как мыслитель-пророк, который способен предвидеть будущее, способен давать рецепты счастья и благоденствия для всего человечества или предвещать беды и лишения. Потому он должен нести ответственность за все хорошее и плохое, что происходит в жизни.

Фридрих Ницше (немецкий философ XIX века): В самом деле, толпа долгое время не узнавала философа и смешивала его то с человеком науки и идеальным ученым, то с религиозно-вдохновенным, умертвившим в себе все плотское, «отрекшимся от мира» фанатиком и пьянчужой Божьим. И если даже в наши дни доводится услышать, что кого-нибудь хвалят за то, что он живет «мудро», или «как философ», то это означает не более как «умно и в стороне» [6, 326–327].

Ignorant: Так кто же это — «философ»?

Doctor: Характерный для философа вид связи с миром и манера познания вновь и вновь проявляются во все времена и у всех философски одаренных людей. *Философ — это тип человека, стремящегося к окончательной, всеобъемлющей ясности и истинности.* Поэтому занятие философией предстает, как правило, не как необходимость, а как то, что надлежит реализовать с помощью нашей собственной деятельности. По отношению к нашей свободе философия выступает в качестве задачи, которую предстоит решить, но не потому, что есть такое принуждение или необходимость, а потому, что философия может считаться за благо. Конечно же, можно жить не философствуя. Но жизнь, не знающая радости и свободы мышления, жизнь, когда человек не стремится стать хозяином своей судьбы, — такая жизнь не является хорошей жизнью. Если для жизни, как таковой, философия есть излишество, то для подлинно человеческой жизни она как нельзя более необходима.

Ignorant: Философия, как уже говорилось ранее, — это «любовь к мудрости». Следовательно, философ любит не знания, а мудрость.

Doctor: И это верно. Мудрость применима к различным аспектам нашей жизнедеятельности, характеризует наше отноше-

ние к знанию, к его применению и использованию на практике, а также к конечной цели наших усилий. Вместо простого накопления массы разрозненных мнений и сведений все это должно быть, во-первых, проверено на состоятельность, во-вторых, тщательно и всесторонне рассмотрено и, в-третьих, организовано в стройную логически непротиворечивую систему воззрений и жизненного опыта. *Философия, по сути, формирует мировоззрение.*

Ignorant: А что такое мировоззрение? Мне кажется, настало время разобраться с этим понятием.

Doctor: Говоря о мировоззрении, как правилу, имеют в виду, во-первых, систему взглядов (воззрений) на объективный мир; во-вторых, совокупность взглядов не только на роль и место человека в окружающем мире, но и отношение человека к нему и к самому себе; в-третьих, обусловленные вышесказанным основные жизненно важные позиции людей и социальных общностей; их убеждения, ценностные ориентации, идеалы, а также принципы познания и деятельности. Последнее обстоятельство — свидетельство огромного практического смысла и значения мировоззрения для жизни человека.

Вильгельм Дильтей (немецкий философ XIX века): Я бы выделил *три основных типа мировоззренческих систем: натурализм* (человек понимается как биологическое существо, рассчитанное на удовлетворение влечений и подчиненное материальным условиям своего существования), *волюнтаризм* (свободная творческая самореализация, независимость человека), *холизм* (достижение гармонии человека и мира как целого). Однако ни одно из мировоззрений не обладает всей полнотой истины, а лишь выражает один ее аспект. Мировоззрения коренятся в природе универсума и в отношении к ней духа, познающего в конечных формах. И каждое из них выражает в рамках нашего мышления лишь одну сторону универсума. В этих пределах каждое истинно. Но каждое в то же время односторонне. Нам не дано увидеть единство всех этих сторон. Чистый свет истины доступен нам лишь в разложенном виде [2, 222–231].

Хосе Ортега-и-Гассет: Любой мировоззренческой позиции присущ *рационализм*.

Ignorant: А что это такое?

Хосе Ортега-и-Гассет: Ratio (разум) + vita (жизнь). Трудно дать точное определение понятию «жизнь». Жизнь — это проявление витальной силы, которая сродни косми-

ческой, это вечное движение, становление, изменение. А потому «жизнь есть время». Время как сущность жизни — это время необратимое, ограниченное, конкретно-историческое, неразрывно связанное с содержанием человеческой деятельности, а потому это — сама история. В истории же действуют люди как существа разумные, мыслящие, стремящиеся к достижению определенных целей. Бесцельность отрицает жизнь, она хуже смерти. Ибо жить — значит делать что-то определенное, выполнять задание. Выбор же цели, ее определение — это задача разума, который таким образом становится *витальным разумом* [8, 246–247].

Doctor: Таким образом, рациовитализм — это учение о жизни как истории, которая нерасторжима с разумом. Функция витального разума — *самоистолкование жизни*, что выражается в созидании мировоззрений, определяющих ценностные координаты человеческой деятельности. Система ценностных ориентаций определяет человеческую деятельность, ее ориентиры, придает ей смысл и цель, активность, направленность. Жизнь как история с ее самоистолкованием и конструированием мировоззренческих систем — *единственная реальность*, в которую погружен человек.

Ignorant: Уважаемые философы, а в чем же тогда специфика философского мировоззрения?

Doctor: Философия как тип мировоззрения характеризуется в первую очередь традиционной приверженностью Логосу, т.е. понятию, мысли, разуму, идее. Философское мировоззрение *рационально* в самой своей основе, хотя в истории философии имели место и иррациональные, нигилистические течения. В философии понятия, суждения и умозаключения выстраиваются в логическую цепь аргументов и доказательств. Философское мировоззрение, однако, не просто сумма отдельных знаний об объективной реальности. Они (знания) представляют собой определенную целостную систему и отличаются иерархией, высокой степенью упорядоченности основных теоретических обобщений и выводов.

Ignorant: В таком случае для большинства людей подлинная философия недоступна, это дело избранных. Научить философии невозможно!

Doctor: Может ты и прав, однако учти, что философию легче понять и объяснить, непосредственно занимаясь ею, т.е. философствуя, нежели описывая ее со стороны.

Например, существует сравнение обучения философии с обучением танго. Действительно, что будет эффективнее: или прослушать лекцию по теории и истории танго, о достижениях выдающихся танцоров, или обучать приемам танго в процессе танца, когда наставник сам показывает, корректирует движения ученика и потом ученик схватывает саму суть танца и вносит в танец свою индивидуальную манеру исполнения? Ответ ясен.

Мераб Константинович Мамардашвили (советский философ): Мы философствуем в той мере, в какой пытаемся выяснить условия, при которых мысль может состояться как состояние живого сознания.

Ignorant: Чересчур мудрено, я не понимаю!

Мераб Константинович Мамардашвили: Например, есть какая-то мысль Платона или Канта, но главное не то, что она просто есть, а мыслима ли она как возможность моего собственного мышления, т.е., иными словами, могу ли я ее помыслить как реально выполненную, не как вербально существующую, а как реально выполненное состояние моего мышления?

Doctor: Действительно, некоторые вербальные записи мыслеподобных состояний такого испытания не выдерживают, показывая тем самым, что хотя и есть мыслеподобие, но, строго говоря, это не мысли, потому что я не могу их исполнять. Ведь мысль существует только в исполнении, как и всякое явление сознания, как и всякое духовное явление.

Мераб Константинович Мамардашвили: Вот именно. Мысль существует только в момент и внутри своего собственного вновь-исполнения. Так же, как, скажем, симфония, нотная запись которой, конечно же, еще не является музыкой. Чтобы была музыка, ее надо исполнить. Бытие симфонии, как и бытие книги, — это бытие смысла внутри существ, способных выполнить смысл [5, 21].

Doctor: Таким образом, философия — это форма духовной деятельности, направленная на постановку, анализ и решение конкретных мировоззренческих вопросов, связанных с выработкой целостного взгляда на мир и место в нем человека. Философствование базируется главным образом на теоретических методах постижения действительности с использованием особых логических и гносеологических критериев для обоснования своих положений. Темы философствования имеют предельный, самоценный, смыслополагающий, конструктивный,

экстраординарный, «возвышенный», «эталонный», всечеловеческий характер. Философские проблемы характеризуются предельностью, фундаментальностью, универсальностью.

Ignorant: А что философия может дать мне, простому, не искушенному в учености человеку?

Карл Ясперс (немецкий философ XX века): Уникальность философского познания связана с проявлением *лично-экзистенциального характера решения философских проблем*, поэтому познание в форме философствования — это всегда обретение действительности в ситуации, в которой в тот или иной момент оказывается человек. В процессе философствования человек определяет себя посредством своего осуществления. *Философствование — это то, посредством чего человек становится самим собой, в то время как он становится сопричастным действительности* [11, 228].

Doctor: Философия специфична не сво-

им предметом, а способом отношения человека к бытию. Сущность философии образует не какой-то особый специфический предмет рассмотрения, а само философское мышление, философствование. Понятно?

Ignorant: Не совсем. Если философия доступна каждому, если это просто способ самовыражения, самореализации, «осуществления», значит, ее нельзя назвать наукой.

Doctor: Правильно. *Философия — это не наука в строгом смысле этого слова, а духовно-практическая форма освоения действительности*. В отличие от науки она представляет собой не просто теоретическое знание, интеллектуальную конструкцию, а является выражением основных убеждений человека, его нравственной позиции. Философствование — это духовный акт, в котором действует не только интеллект, но вся совокупность духовных сил человека, включая эмоциональные и волевые качества. В основе философии лежит опыт человеческого существования во всей его полноте.

1. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.

2. Дильтей В. Типология мировоззрений и философия // Дильтей В. Введение в науки о духе. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.

3. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.

4. Лейбниц Г.В. Опыт теодицеи о благодати Божьей, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4.

5. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992.

6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов. М.: Русский язык, 1989.

8. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Издательство «Весь Мир», 2000.

9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Издательство «Весь Мир», 2000.

10. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 1.

11. Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.

ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

УДК 1 (091)

А.С. ЧУПРОВ

Русская философия, несомненно, — часть мировой философии. С самого своего возникновения она имела ряд особенностей, о которых речь пойдет ниже. Пока отметим только то, что эти особенности обусловлены многими как внутренними, так и внешними обстоятельствами.

Говоря об истоках русской философской мысли, как правило, в первую очередь называют кризис язычества и принятие в 988 г. православия, которое на столетия вперед определило многие черты русской как религиозной, так, разумеется, и атеистической философии. Но бесспорно и то, что русское православие (особенно на бытовом, неофициальном уровне) и русская философская мысль всегда несли на себе печать культуры дохристианской, то есть языческой, и не только русской, но и языческой культуры других народов, входивших в состав Российского государства.

Не будем забывать и о том, какую роль в становлении, существовании и развитии российской государственности играл германский этнос (достаточно вспомнить Рюрика, а также немецкую национальность российских императоров и императриц после Петра I, да и в жилах Ленина текла существенная доля немецкой крови). С другой стороны, — 240 лет так называемого «монголо-татарского ига» (хотя, как показал Л.Н. Гумилев, все было не так однозначно, как это представлялось в советских учебниках истории) и многовековая колонизация Сибири, Среднего и Дальнего Востока. Недаром славянофил А.С. Хомяков отнес русскую культуру к «иранскому» типу, а Александр Блок вообще восклицал: «Да, скифы, да азиаты мы // с раскосыми и жадными очами!». Синтез западноевропейского и азиатского начал на базе славянского этноса, конечно, не мог не определять многие особенности российского менталитета и, как следствие, русской философии.

Философия возникает во времена кризисные, переломные для судьбы того или иного народа. Философия — это всегда по-

пытка найти выход из кризиса или, по меньшей мере, осознать его сущность, осмыслить те противоречия бытия человека, с которыми он сталкивается и во внешнем (природном и политическом) мире, и в своем государстве, и в отношениях с другими людьми, и в своей душе. В этом смысле главным источником философии является сама жизнь, а точнее, — те самые противоречия, антагонизмы, коллизии, которыми она проникнута и которые ранят душу всякого мыслящего и остро чувствующего проблемы бытия человека. В этом отношении не является исключением и русская философская мысль. Более того, может быть, именно в ней обнаруживаем мы самое наглядное подтверждение этой закономерности.

Как уже отмечалось, философия всегда была осмыслением объективных и субъективных противоречий бытия. Именно поэтому с момента своего возникновения и до сегодняшнего дня в русской философии не прекращалась ожесточенная полемика, страстные споры о путях к всеобщему единству. Все мыслители — и в своей писательско-теоретической, и общественно-подвижнической деятельности — искренне, по совести, нередко ценой своей жизни — искали Благо. Но всегда расходились в выборе средств и путей его обретения, хотя практическое воплощение в жизнь того или иного благого намерения порой приводило к трагическим для России результатам.

Наглядным примером полемичности и даже поляризации русской философии является уже сочинение митрополита Иллариона «Слово о законе и благодати» (X в.), в котором противопоставляются закон и благодать: закон трактуется как то, что погружено в суету земных страстей и чуждо высшему Благу. О проблемах бытия говорят нам и «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве». За формой чисто богословских споров между нестяжателями (Нил Сорский) и иосифлянами (Иосиф Волоцкий) в XV в. также скрывались противоположные социально-политические и нравственно-духов-

ные установки. Аналогично тому — спор между «латинянами» (Симеон Полоцкий) и «грекофилами» в XVII веке; спор, в котором нетрудно усмотреть истоки будущей полемики между западниками и славянофилами. XVII век стал для России и веком смуты, и городских восстаний 40 — 60-х гг., и зарождения капитализма, и церковного раскола, и кануном петровских преобразований. Все это, разумеется, сопровождалось ожесточенными спорами мировоззренческого, религиозного и философского характера. Не стал исключением и XVIII век — век Просвещения, когда столкнулись два подхода к решению социальных проблем России: «вольтерьянство» (Феофан Прокопович) и национально-гуманистическая концепция образованности (М.В. Ломоносов, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев). Вместе с тем век Просвещения стал для России веком «пугачевщины» — самой крупной в ее истории крестьянской войны, единственно реальным результатом которой, увы, стало ужесточение крепостного права.

Еще более сложную картину философских споров явили нам XIX и XX века. Западники и славянофилы. Народники и марксисты. Неокантианцы и неославянофилы. «Рационалисты» и «логисты». Правовые идеалисты и правовые нигилисты. Государственники и анархисты. Богоборцы и религиозные философы. Бунтари и сторонники принципа «непротивления злу насилием». Монархисты и республиканцы. Большевики и меньшевики. Революционеры и реформаторы. Белые и красные. Сталинисты и антисталинисты. Коммунисты и антикоммунисты. Либералы и консерваторы. Рыночники и сторонники тотального государственного регулирования экономики. У каждого из названных политических и идеологических движений — своя система ценностей, своя философия, своя правда, своя вера.

Однако при всем «многоцветии» русской философской мысли и ожесточенных философских спорах все же самобытность русской философии состоит не в этом. Еще в XIX столетии П.Л. Лавров (1823—1900), сравнивая русскую философию с немецкой и французской, подчеркивал, что, с одной стороны, со словом *философия* наше общество связывает представление о чем-то весьма темном, трудном, доступном лишь немногим специалистам. С другой стороны, «философия есть нечто весьма обыденное, нечто до такой степени нераздельное с нашим существом, что мы философствуем не учась,

при каждом произносимом слове, при каждом осмысленном действии, философствуем хорошо или дурно, но постоянно и неудержимо» [2, с. 90]. Отсюда — и определение П.Л. Лавровым философии как «понимания всего сущего как единого и воплощение этого понимания в художественный образ и в нравственное действие. Она есть процесс отождествления мысли, образа и действия» [2, с. 91]. В сущности, в этом же ключе характеризует главную особенность русской философской мысли и современный ее исследователь Б.В. Емельянов: «Русская философия на всем пути своего развития демонстрировала неизменное предпочтение «практической», а не «теоретической» науке и прежде всего выделяла проблемы сущности и существования человека, что делало ее философией жизни» [1, с. 11].

Сильный отпечаток на содержание и форму русской философской мысли накладывало, мягко говоря, настороженно-подозрительное, а то и откровенно запретительно-репрессивное отношение к ней со стороны государства, дореволюционной церкви (достаточно вспомнить отлучение от церкви глубоко верующего Л.Н. Толстого), позже — коммунистической партократии. Неслучайно Н.А. Бердяев называл философию самой незащищенной стороной культуры. Поэтому именно художественная литература становилась основным «прибежищем» и носителем философских идей. «Редкая литература в кругу литератур мирового значения, — писал В.Ф. Асмус, — представляет пример тяги к философскому осознанию жизни, искусства, творческого труда, какой характеризуется именно русская литература» [1, с. 8]. Кроме того, русская философская мысль нередко облекалась в форму театрального, изобразительного, кинематографического и даже музыкального произведения.

Русский философ меньше всего похож на благополучного кабинетного ученого, ведущего размеренную жизнь и работающего строго по часам, как это делал И. Кант. Чаще всего это — публицист, мечтатель, романтик, подвижник, проповедник, борец. Он всегда в гуще самой жизни. Он не сторонний и равнодушный наблюдатель, а человек, глубоко сопереживающий драматическим и трагическим событиям в жизни народа и отечества. Поэтому и судьбы многих и многих русских философов столь драматичны, а то и трагичны. Мало кто из них создал свою строго рационалистическую философскую систему или собственную школу. Выдающи-

еся русские мыслители — это в большинстве своем уникальные личности, для которых характерны жертвенность и мессианство. Многие из них, имея в жизни практически всё необходимое (по меркам обывателя), из-за сострадания к «простому народу» (хотя «простого народа» в природе не бывает), во имя собственных идеалов жертвовали своим благополучием, завидным положением в высшем обществе, служебной карьерой, а порой и собственной жизнью.

Российские условия деятельности мыслителей во многом обусловили не только жизненно-практическую направленность их учений, но и содержание философствования, а также его методы. Отсюда — *онтологизм* (погружение в реальную жизнь своего народа и государства) и *антропологизм*, т.е. «человековедческий» характер этих учений, а также *интуитивизм* и *художественная образность* в качестве главных методов философствования, что, однако, не исключало элементов рационализма, систематизации и внимания к проблемам познания.

Русскую философскую мысль нередко упрекают в «ученичестве», школярскому следованию то Шеллингу, то Гегелю, то Фейербаху, то Шопенгауэру, то Марксу, то Ницше или позитивизму. В этих упреках, несомненно, есть доля истины. Однако было бы неверным видеть в этом лишь отсталость и несамостоятельность русской философской мысли. Скорее, это проявление прежде всего открытости, присущей русской культуре вообще, которая, как губка, всегда впитывала достижения мировой культуры. Ведь и древние греки, создавая свои философские учения, во многом черпали мудрость, накопленную тысячелетиями восточными цивилизациями. Кроме того, русские философы никогда не копировали, что называется «вслепую», зарубежные философские системы. Напротив, эти системы всегда творчески перерабатывались, трансформировались применительно к условиям жизни в России, особенностям российского менталитета с характерной для него мечтательностью, устремленностью в светлое будущее, в космос. Наверное, только на русской почве могло возникнуть такое уникальное философское течение, как русский космизм. Причем в самых разных его вариантах: естественно-научном, религиозном, художественном.

Говоря об истории русской философии XIX–XX вв., нельзя не сказать о таком важном событии, как Октябрьская революция 1917 г., в результате которой на семь десятилетий в России установилась Советская

власть. Влияние этого события на развитие философии в России огромно и неоднозначно. Было бы грубым упрощением трактовать это влияние как полный разгром или перерыв в истории русской философской мысли, хотя, бесспорно, что революция и последовавшая за нею гражданская война были национальной трагедией, в том числе и для русской философии.

Во-первых, революция и гражданская война — это всегда национальная трагедия. Россия тут не исключение. Кроме того, необходимо учитывать и то обстоятельство, что революция (именно революция, а не государственный переворот и узурпация власти большевиками) была следствием целой цепи трагических событий дореволюционной русской истории.

На наш взгляд, истоки этой революции — запоздалый и антидемократический характер отмены крепостного права в 1861 г. Недаром незадолго до смерти в 1856 г. страстный критик самодержавия и крепостничества П.Я. Чаадаев предрекал страшные трагедии, которые будут сотрясать Россию в результате отмены крепостного права. Как писал Н. Некрасов, эта реформа как цепь «ударил одним концом по барину, другим по мужику». Манифест 19 февраля 1861 г. отнюдь не даровал мужику свободу. Власть бессовестно заставила мужика выкупать ее. В течение десятилетий русские крестьяне — вплоть до революции 1905 г. — считались «временнообязанными», выкупавшими свою свободу.

Ходынская трагедия 1896 года, когда во время гуляний 18 мая по случаю коронации Николая II произошла трагедия, в результате которой в давке погибло по официальной версии 1389 человек, ещё 1500 человек получили тяжёлые увечья (по неофициальным — около 4000); «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., трагедия проигранной русско-японской войны 1904–1905 гг., расстрелы детских демонстраций в Польше, крестьянские восстания начала XX столетия, столыпинские «галстуки» (виселицы) и его же скорые на смертный приговор военно-полевые суды, Ленский расстрел 1912 года, провалы на фронтах Первой мировой войны, распутищина, отречение царя и затем его брата от престола, неспособность Временного правительства справиться с разрухой в тылу и проблемами на фронтах, массовый расстрел 3 июня 1917 г., корниловщина, «белый террор» и ответный «красный террор», международная интервенция — вот цепь истинных причин гражданской войны 1918 — 1922 гг.

Расплодившиеся в последнее время разговоры о том, что «Россию погубили» декабристы, народники, интеллигенты и большевики-евреи — не более чем малограмотное, недобросовестное и опасное политиканство. Читая современных критиков марксизма, невольно вспоминаешь дедушку Крылова:

*Ай, Моська! Знать она сильна,
Коль лает на Слона.*

Как писал Н.А. Бердяев, которого никак не заподозришь в симпатиях к большевикам, «русский коммунизм — явление более русское, чем принято считать», и большевики победили не потому, что были правы, а потому что «еще более неправы были их противники». Покаяния требуется не только от Советской власти (о чем все уши прожужжали некоторые вчерашние партактивисты), но и от царской власти, вся ответственность которой за кровавые трагедии в России XX века лежит в первую очередь на ней, потому что первоначально именно она была властью, которая не справилась ни с одной серьезной проблемой русской жизни того периода. Большевизм был не причиной, а следствием трагедий России конца XIX — начала XX века. Большевики лишь «подобрали» власть, которая осенью 1917 г., как говорится, «валялась на дороге». И сделать это они могли лишь при условии массовой поддержки со стороны народа. Другой вопрос: как и для чего они ею воспользовались?

Развитие философской мысли в России XIX—XX вв. нельзя рассматривать до 1917 г. как исключительно успешное, а после 1917 г. как совершенно провальное, делая исключение только для философов русского зарубежья. Такая схема также ложна, как и та, что господствовала в годы Советской власти, когда в дореволюционной философии официально признавалось только революционно-демократическое направление, а все остальные подвергались огульной критике. Такие схемы — это разрыв «связи времен», без учета которой не может быть полноценного понимания развития культуры вообще и русской философии, в частности. И без того, как заметил Г. Флоровский, «история русской культуры вся в перебоях, в приступах, в отречениях, разочарованиях, изменах, разрывах... Русская историческая ткань так странно спутана и вся точно перемята и оборвана» [3, с. 530]. Однако, как писал А.С. Пушкин в стихотворении 1828 г. «Воспоминание»:

*И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу, и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,—
Но строк печальных не смываю.*

Не будем и мы смывать «печальные строки» нашей истории. Что было, то было. Это наша история.

20-е годы XX столетия явили нам многочисленные примеры порой ожесточенных философских дискуссий о путях развития страны, которые, правда, в 30-е гг. превратились в кровавые политические расправы И.В. Сталина со старыми большевиками (не говоря уже о расправах с дореволюционной немарксистской интеллигенцией), а сама марксистско-ленинская философия в «Кратком курсе ВКП(б)» 1938 г. была низведена до уровня примитивных догматических положений, влияние которых не изжито и до сегодняшнего дня. Но, говоря о репрессиях 30-х годов, полезно помнить гениальную фразу Анны Ахматовой: «Репрессированы были миллионы, но и репрессировали миллионы». Коллективизация и репрессии 30-х годов, в сущности, были продолжением трагедии гражданской войны.

В советскую эпоху русская философия не умерла. Именно в советское время появилась философия диалога М.М. Бахтина (это-то в условиях господства сталинской концепции о дальнейшем обострении классовой борьбы), учение о ноосфере В.И. Вернадского. Развился русский космизм К.Э. Циолковского и А.Л. Чижевского. Были разработаны философия имени и мифа А.Ф. Loseва, теория этногенеза и пассионарности Л.Н. Гумилева. Появились философско-психологические труды Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. Написаны историко-философские труды Г.Ф. Александрова и работы по эстетике В.Ф. Асмуса. Систематизированы диалектико-материалистические понятия и принципы М.Н. Руткевичем. Разработана диалектическая концепция идеального Э.В. Ильенкова. Появились оригинальные исследования в области теории познания В.П. Копнина и В.А. Лекторского, написаны блестящие историко-философские работы А.В. Гулыги. Разработана концепция субъектно-объектных отношений К.Н. Любутина. Появились работы о природе мышления М. Мамардашвили. Получила свое развитие философия естествознания в работах Б.М. Кедрова и И.Т. Фролова. Конечно, невозможно в кратком очерке отметить всех достойных упоминания ушедших из жизни или ныне здравствующих отечественных фи-

лософов. Одно можно с уверенностью утверждать, что советская школа внесла весомый вклад в историю не только русской, но и мировой философской мысли.

Россия, пережившая в начале XX века три революции, затем гражданскую войну и международную интервенцию, сталинские репрессии, нашествие немецких фашистов и одержавшая Победу в Великой Отечественной войне, запустившая в 1957 г. первый околоземный спутник и в 1961 г. отправившая первого землянина, Юрия Гагарина, в космос, в конце столетия пережила новые потрясения. Хотя все начиналось с радужных надежд гласности и перестройки середины 80-х гг., расширения демократических прав и свобод личности, падения Берлинской стены и окончания пресловутой «холодной войны» между Советским Союзом и Западом.

Правда, цена этого — потеря почти всех бывших политических союзников России (многие из них забыли, что именно советский народ спас их от фашистского геноцида, а столицы этих государств — от тотального разрушения, когда Варшава и Прага внешне ничем бы не отличались от разрушенного Сталинграда), преступно «сданный» американцам Афганистан и бесплатно отданная Соединенным Штатам Америки русская Аляска.

Горбачевская перестройка и еще более последовавшая за этим эпоха реформ Б.Н. Ельцина существенно расширили информационную свободу граждан России, реабилитировали жертвы сталинских репрессий и депортированные народы, возродили казачество, восстановили значение в жизни общества и человека религии и церкви, дали возможность развитию частного предпринимательства, покончили с пресловутым «дефицитом» и ликвидировали очереди в магазинах. Реформы благотворно повлияли и на философскую жизнь в России: широкому читателю стали доступными сочинения религиозных мыслителей дореволюционной России и русского зарубежья, начался процесс освобождения от догматизированного марксизма-ленинизма, появились новые оригинальные философские концепции.

Однако эти реформы сопровождалась «строительством криминально-олигархического капитализма», гиперинфляцией и созданием финансовых пирамид, криминальным разделом и переделом государственной собственности, когда лозунг «Грабь награбленное!» сменился молчаливой, почти стеснительной (экая деликатность!) «приватизацией того, что создано не

тобою!»; региональными военными конфликтами, невиданным ростом бытового воровства и организованной преступности, коррумпированностью «властей предержащих», обнищанием большинства населения страны, резким имущественным расслоением общества, катастрофическим сокращением народонаселения страны, одичанием и «вандализацией» значительной части выживших, разорением тысяч деревень и сел, которые по недомыслию стали рассматриваться как предприятия, тогда как это — форма жизни нации, ростом алкоголизма, падением культурного и образовательного уровня молодежи, распространением среди нее наркомании и всплеском ее агрессивности, массовой детской беспризорностью и, как следствием, детской преступностью. Реформирование экономической и политико-правовой системы страны дало некоторым возможность бывать, жить и получать образование за рубежом, но только тем, у кого для этого имеются достаточные средства, большая же часть жителей Дальнего Востока и Сибири вообще утратила финансовую возможность бывать даже в европейской части России. Такого во времена якобы «застоя» и близко не было. По собственному опыту знаю, что любой студент на свою стипендию мог побывать во всех уголках «шестой части земли».

Распад Советского Союза повлек за собой экономический ущерб, сопоставимый с тем, который страна пережила в годы Великой Отечественной войны. Образовавшийся идеологический вакуум начал заполняться средствами массовой информации идеологемами, весьма сомнительного содержания, в основе которого — нажива, насилие, страх и секс. Патриотизм был объявлен «последним пристанищем негодяев». Позже первую половину 90-х гг. стали называть смутной, сродни той, что была в начале XVII века. Как сказал русский философ А. Зиновьев, «метили в коммунизм, а попали в Россию». Однако сегодня стало уже совершенно ясным то, что многие лишь делали вид, что «метили в коммунизм»: для них истинной мишенью была именно Россия.

В начале третьего тысячелетия с приходом к власти В.В. Путина положение в России стало стабилизироваться. Россия вернула себе, хотя и в усеченном варианте, статус великой державы. Однако до полного разрешения множества проблем, в том числе и тех, которые носят глобальный характер (международный терроризм, экономические

потрясения, международный финансовый кризис, природные катаклизмы и другие), еще очень далеко. Как писал великий русский философ В.С. Соловьев:

*Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь, и как еще далеко,
Далеко все, что грезилось мне.*

И сегодня перед отечественной философией вновь встает задача осмысления новой социальной реальности и поиска достойного ответа на самые острые вопросы жизни России, в том числе на «вечные» вопросы русской интеллигенции «Кто виноват?» и «Что делать?».

-
1. Емельянов В.Б. Три века русской философии (XVIII–XX вв.). Учебное пособие. – Екатеринбург – Нижневартовск, 1995.
  2. Лавров П.Л. Три беседы о современном значении философии. – Мир философии. Книга для чтения. Часть 1. – М., 1991.
  3. Шугуров М.В. Философия в «пейзаже» российских обстоятельств // Апология русской философии. Сборник статей. – Екатеринбург, 2005.

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО УРАЛА: СОЦИАЛЬНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 351. 85

С.В. МОШКИН

Чуть более десяти лет назад, в 1998 году, в шведском Стокгольме под эгидой ЮНЕСКО собрались представители 140 государств на Межправительственную конференцию по вопросам политики в области культуры в интересах развития. На конференции присутствовала и делегация Российской Федерации. Итогом форума стал План действий, рекомендованный к реализации государствам-участникам, состоящий из пяти пунктов:

1. Превратить политику в области культуры в один из ключевых элементов стратегии развития.

2. Поощрять творчество и участие в культурной жизни.

3. Наравнять усилия по сохранению и повышению роли материального и нематериального, движимого и недвижимого наследия и развитию индустрии культуры.

4. Содействовать культурному и языковому разнообразию в рамках информационного общества и для его блага.

5. Выделять более значительные людские и финансовые ресурсы на развитие культуры [6].

Тем самым на межправительственном уровне было заявлено, что культура может и должна стать решающим фактором развития каждой отдельной страны и человечества в целом.

Сегодня и в России постепенно приходит осознание того, что именно культура, в самом широком смысле слова, должна сыграть ведущую роль в модернизации страны. По крайней мере, в риторике лидеров государства эта мысль стала звучать все отчетливее. Потребовалось без малого десять лет после упомянутой Стокгольмской конференции, чтобы тема культуры появилась и в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации. Так, в последнем из них, в частности, говорилось: «Наш приоритет — это производство (а в перспективе — и экспорт) знаний, новых технологий и передовой культуры. А значит, достижение лидирующих по-

зиций в науке, в образовании, в искусстве. Мы обязаны быть на переднем крае инноваций в основных сферах экономики и общественной жизни. И на такие цели ни государству, ни бизнесу скупиться не стоит — даже в непростые финансовые периоды. Основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой — человек. Как личность и как гражданин, которому от рождения гарантированы равные возможности. А жизненный успех которого зависит от его личной инициативы и самостоятельности. От его способности к новаторству и творческому труду. И сейчас это для нас важнее, чем когда бы то ни было» [5].

Верные по своей сути заявления российского президента, тем не менее, резко контрастируют с российской действительностью.

Еще в 1992 году, во времена Ельцина, Верховный Совет РСФСР утвердил «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», которые предусматривали, в частности, что финансирование сферы культуры должно составлять не менее 2% от расходной части федерального бюджета. В последующих редакциях данного закона фиксированная цифра исчезла, поскольку установленная норма в 2% ни разу за эти годы не предусматривалась даже на стадиях формирования годовых бюджетов. И при Ельцине, и при Путине, и при Медведеве российская культура финансировалась весьма скудно и по остаточному принципу. К примеру, в бюджете 2008 года «культурные расходы» составляли 0,7% [8]. Это едва ли больше, чем в 2000-м году, когда эта цифра составляла 0,54%, поскольку увеличение объемов финансирования лишь погасило инфляционные издержки. А ведь 2000–2008 годы были, пожалуй, самыми успешными для государственной казны из-за невероятно высоких цен на углеводородное сырье и металлы на внешнем рынке.

Для сравнения: доля государственных расходов на культуру в эти годы составляла

в Швеции – 4,8%, Исландии – 4,6%, Дании – 4,0%, Норвегии и Финляндии – по 3,6%, Франции – 3,3%, Бельгии – 2,5%, Германии – 2,5% [9].

Государственное невнимание и беспечность к сфере культуры в России делают бессмысленными все заявления политических лидеров страны о необходимости развития творческого потенциала нации и ведут лишь к деградации человеческих ресурсов, обрекая тем самым страну на неуспех в цивилизационной модернизации.

Особо болезненно ощущают на себе хроническое недофинансирование со стороны государства и муниципий учреждения культуры (музеи, театры, библиотеки, дворцы культуры, клубы и пр.), самой своей сутью призванные быть и хранителями, и преемниками национальной культуры, и посредниками в ее передаче последующим поколениям. Однако главная их функция все же не в сохранении прошлого, при всей важности этой задачи, а активная работа на будущее страны посредством вовлечения людей в культурные процессы, поощрения их творчества и саморазвития.

В этом смысле состояние учреждений культуры в нашей стране является весьма наглядным, хотя и не единственным, индикатором состояния российской культуры в целом. И состояние это, прямо скажем, не внушает особого оптимизма.

На примере Уральского региона и

Сегодня, к сожалению, ситуация здесь резко изменилась в худшую сторону. Повсеместно происходит процесс закрытия, а попросту – ликвидации, публичных библиотек.

Так, в Свердловской области с 2003 по 2007 годы было закрыто 47 библиотек, что составляет около 5% от их общего количества. Суммарные библиотечные фонды за эти годы сократились на 1 млн 220 тыс. экземпляров (см. таблицу 1) [3, с. 6]. И сегодня Свердловская область, по данным Росстата, занимает 73 место в стране по объему книжных фондов на тысячу человек населения.

К слову сказать, по этому статистическому показателю Курганская область занимает 11-е место в стране, Республика Башкортостан – 39-е, Оренбургская область – 48-е место в стране, Челябинская область – 67-е место [7].

Сохранившиеся же библиотечные фонды в основном отражают период советского книгоиздания. Как правило, почти половина этих книг морально устарела и практически не востребована, но на их хранение затрачиваются внушительные суммы. На приобретение же новых изданий у библиотек катастрофически не хватает средств. Поэтому они вынуждены экономить и пополнять фонды книгами низкого полиграфического качества, отпечатанными на плохой бумаге и в мягком переплете, что, в свою очередь, приводит к их быстрому износу.

По оценкам специалистов, приток новых изданий в библиотеки, по сравнению с

Таблица 1. Общедоступные библиотеки Свердловской области

Показатель/год	2003	2004	2005	2006	2007
Число библиотек, ед.	1031	1026	1024	999	984
Библиотечный фонд, тыс. экз.	21032	20846	20302	20119	19812

Свердловской области, в частности, рассмотрим состояние широко распространенных и общедоступных учреждений культуры: публичных библиотек, кинотеатров и собственно культурно-досуговых учреждений (различного рода клубов, домов творчества, дворцов и домов культуры).

Публичные библиотеки

Когда-то мы гордились, что наша страна – самая читающая в мире, а библиотечное дело у нас – наиболее благополучная и разветвленная сфера индустрии культуры.

1993 годом, сократился более чем в три раза. Даже в главные библиотеки областей и республик России не попадает до 80% российских изданий. Все чаще их комплектование приобретает нерегулярный, случайный характер. 80–90% книг, издаваемых в России, совсем отсутствуют в библиотеках, и вообще на территории многих регионов даже в единственном экземпляре. Тысячи сельских библиотек за последние годы новой литературы не получали вообще [1].

Самое удивительное, что число посетителей библиотек за последние годы ничуть не уменьшилось (см. таблицу 2) [3, с. 6].

Таблица 2. Посетители общедоступных библиотек Свердловской области

Показатель/год	2003	2004	2005	2006	2007
Число пользователей, тыс. чел.	1377,6	1363,8	1343,4	1310,7	1313,8

Люди, подчас лишённые возможности выписывать на дом газеты и журналы, обращаются в библиотеку, поскольку именно там они могут получить доступ к печатным изданиям бесплатно. Кроме того, несформированность книжного рынка в стране зачастую приводит к отсутствию многих книг в розничной торговле, а если таковые и имеются, то, как правило, весьма не дешёвы. И здесь для читателя единственный выход — искать нужную книгу в библиотеке. Традиционными завсегдатаями библиотек были и остаются студенты и учащиеся учебных заведений.

Но библиотеки все чаще и чаще не в состоянии удовлетворить читательские запросы, особенно на современную литературу, тем более — на иностранных языках. Возникает эффект информационного голода. Ситуация в библиотечном деле настолько остра, что впору ставить вопрос об угрозе возможности реализации конституционных

права, помимо традиционных функций просветительского характера, библиотеки должны играть роль своеобразных информационных центров, предоставляющих доступ к национальным и мировым информационным сетям и банкам данных. И первым шагом на этом пути должна стать тотальная компьютеризация российских библиотек.

Что же происходит у нас (см. таблицу 3) [3, с.6]?

В 2007 году в Свердловской области из 984 библиотек общего пользования лишь 159 имели возможность выхода в Интернет. В целом они были оснащены 1386 персональными компьютерами и 650 копиями. При этом лишь единицы названной техники предназначены для читателей, в абсолютном большинстве случаев они используются сотрудниками библиотек для выполнения собственных хозяйственных функций.

Таким образом, можно констатировать, что российские библиотеки в их нынешнем

Таблица 3. Материально-техническая база публичных библиотек Свердловской области

Показатель/год	2003	2004	2005	2006	2007
Число библиотек, ед.	1031	1026	1024	999	984
Число персональных компьютеров, ед.	577	723	897	1055	1386
Число копировальной техники, ед.	171	246	409	478	650
Наличие доступа в Интернет	45	62	80	125	159

прав граждан России на свободный доступ к информации, образованию и культурным ценностям.

При этом наши библиотеки безмерно устарели по своему материально-техническому обеспечению, в первую очередь, по электронно-коммуникационному оснащению. Ведь современная библиотека должна быть не просто «книгохранилищем», а своеобразным «электронным архивом», доступ к которому в онлайн-режиме обеспечивается и удалённым пользователям. Сегодня

вряд ли способны успешно выполнить свою миссию по развитию человеческого потенциала страны. Библиотечная сеть, созданная в советское время, нуждается в адаптации к новым политико-экономическим реалиям. Материальная база библиотек, их техническое оснащение, подбор литературы, новые формы привлечения читателей и многое другое требуют серьёзной модернизации на основе новых технологий. А для этого, как минимум, необходимо осознать и наполнить новыми смыслами общекультур-

ный и информационный статус публичных библиотек в жизни российского социума.

Система кинообслуживания населения

Некогда известный советский классик сказал, что из всех искусств для нас важнейшим является кино. И действительно, в советские годы в каждом селе, рабочем поселке и тем более городе были обустроены кинозалы и кинотеатры, жители же отдаленных деревень могли пользоваться услугами передвижных киноустановок. Кино было любимой формой досуга населения и по своей всеохватности и доступности находилось на недостижимой высоте, по сравнению с любым другим видом искусств, ориентированным на широкого зрителя. Именно поэтому кино являлось наиболее мощным инструментом государственной культурной политики.

Сегодня ситуация изменилась с точностью до наоборот: экранное кино превратилось в элитарный, малодоступный и весьма ограниченный по своему охвату вид искусства.

Конечно, этому есть несколько причин, среди которых и повсеместное распростра-

этом львиная доля имеющихся киноустановок находится в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле.

Напомним, что на территории Свердловской области находится 93 муниципальных образования, включающих в себя 47 городов, 99 поселков, 1796 сел и деревень. И вот на это количество населенных пунктов всего лишь 65(!) киноустановок. В 29 городах Свердловской области, не говоря уже о более мелких поселениях, не осталось ни одной работающей киноустановки, т.е. более миллиона жителей Свердловской области не могут посмотреть кино на большом экране, не выезжая за пределы своего населенного пункта.

Складывается парадоксальная ситуация: тогда как в крупных городах, прежде всего — столицах субъектов Российской Федерации, экранное кино переживает свой ренессанс, вновь становится для горожан излюбленным способом досугового времяпрепровождения, а для бизнеса — весьма доходным делом в малых городах и поселках страны выросло целое поколение молодых людей, не знакомых с искусством экранного кино в принципе и напрочь утративших культуру публичных кинопросмотров.

Таблица 4. Киноустановки на территории Свердловской области

Показатель/год	2003	2004	2005	2006	2007
Число стационарных киноустановок, ед.	116	110	108	89	65

нение телевидения и домашней видеотехники; коммерциализация системы кинопроката и, как следствие, — значительное удорожание билетов на киносеансы; и все та же пресловутая нехватка бюджетных средств на поддержание системы кинообслуживания населения и пр. Но как бы то ни было, итог очевиден: сегодня достаточно большие группы населения России лишены возможности приобщаться к лучшим образцам отечественного и мирового кино и довольствуются лишь телевизионной «жвачкой» или образчиками контрафактной видеопродукции, как правило, низкого качества.

Вот несколько цифр. По данным министерства культуры Свердловской области, в период с 1985 года число действующих кинотеатров сократилось на 83%, на 98% снизилось количество кинозрителей [4]. В 2007 году в области действовало 65 стационарных киноустановок, хотя еще в 2003 году их насчитывалось 116 (см. таблицу 4) [3, с. 5]. При

и коль скоро речь идет о необходимости поднятия общекультурного уровня населения страны, экранное кино может и должно сыграть в этом деле свою заметную роль. А для этого, как минимум, следует вернуть экранное кино массовому зрителю.

Культурно-досуговые учреждения

Традиционно под культурно-досуговыми учреждениями понимают различного рода клубы, дворцы и дома культуры, дома творческих работников, дома учителя, национальные культурные центры и другие виды досуговых учреждений, ориентированные на культурные интересы различных социальных групп.

В 2007 году в Свердловской области насчитывалось 933 подобных учреждения, из них 733 учреждения расположены в сельской местности. И число их с каждым годом неуклонно снижается (см. таблицу 5) [3, с. 7].

Таблица 5. Культурно-досуговые учреждения Свердловской области

Показатель/год	2003	2004	2005	2006	2007
Число учреждений, ед.	959	951	928	934	933
Из них в сельской местности, ед.	728	731	737	737	733

Дело в том, что в соответствии с российским законодательством вопросы управления досуговыми учреждениями отнесены к компетенции местных властей, т.е. только муниципии, исходя из своих финансовых возможностей, вправе решать судьбу того или иного дворца культуры или клуба. При этом, что важно, сам факт существования на территории муниципалитета досугового учреждения не является безусловным основанием для его финансирования из местного бюджета.

Как правило, местные власти решают этот вопрос так: сможешь покрывать свои расходы на основе самофинансирования, будешь существовать, а не сможешь — будем закрывать и перепрофилировать. Но если у досуговых учреждений, расположенных в городах, и ресурсы помощнее, и платежеспособность населения повыше, то у сельских клубов потенциала для перехода на самокупаемость практически нет. Именно поэтому сегодня наиболее остро стоит вопрос о судьбе сельского клуба.

Свердловская область — традиционно промышленный регион. Основная масса населения проживает в городах и поселках городского типа. Число жителей сельской местности сравнительно невелико — 737 тыс. человек, что составляет 16,8 % от всего населения области [10]. Но именно там, в уральских деревнях и селах, клуб является единственным очагом культуры, местом общения и досуга всех категорий населения, и предоставляет людям хоть какую-то, подчас совершенно мизерную, возможность творческого и культурного развития.

Тем не менее, по данным министерства культуры Свердловской области, из 1796 сельских населенных пунктов Свердловской области в 807 из них, что составляет 45% от общего числа сельских поселений, учреждений культуры нет вообще. А ведь в них проживает почти 76 тыс. человек. По количеству жителей на одно клубное учреждение Свердловская область занимает 81 место среди регионов Российской Федерации. За нами следуют Магаданская об-

ласть, Ямало-Ненецкий автономный округ и Камчатка.

По материально-техническому состоянию зданий клубных учреждений Свердловская область занимает 66 место среди субъектов РФ: более 50% зданий, где размещаются клубы, находятся в неудовлетворительном состоянии, требуют капитального ремонта или находятся в аварийном состоянии. При этом 36% сельских клубов размещаются в деревянных строениях, в 15% клубов полностью отсутствует профильное клубное оборудование — музыкальные инструменты, аппаратура и т.п. Почти 60% сельских клубов Свердловской области не имеют стационарных телефонов [2, с. 5, 10, 13, 16, 17].

Столь бедственное существование досуговых учреждений и весьма скромная зарплата его работников (в 2007 году среднемесячная зарплата всех работников культуры Свердловской области составляла менее 7 тыс. рублей [3, с. 15], а в сельской местности и того меньше) вызывает серьезные кадровые проблемы — в учреждениях культуры трудятся люди зачастую случайные, не имеющие специального образования, что естественным образом негативно сказывается на общем качестве работы этих учреждений (см. таблицу 6) [3, с. 8].

В 2007 году среди творческих работников культурно-досуговых учреждений Свердловской области лишь 28,8% имели высшее образование, 48,5% — среднее специальное образование и почти четверть (!) работников сферы культуры вообще не имели никакого специального образования. При этом большая часть последних как раз и трудится в сельской местности.

Таким образом, простой статистический анализ состояния трех видов учреждений культуры — публичных библиотек, кинотеатров и собственно культурно-досуговых учреждений Среднего Урала — приводит нас к весьма печальному выводу: сфера культуры уральской провинции с ее малыми городами, поселками и деревнями, и без того небогатая на культурное многообразие, на глазах деградирует.

Таблица 6. Уровень образования работников культурно-досуговых учреждений Свердловской области

Показатель/год	2003	2004	2005	2006	2007
Работники с высшим образованием, %	23,9	24,7	24,3	26,2	28,8
Работники со средним специальным образованием, %	49,3	48,7	49,7	47,8	48,5
Работники без специального образования, %	26,8	26,6	26,0	26,0	22,7

Это может привести и уже приводит к достаточно серьезным последствиям:

1. Культурный уровень жителей уральской провинции архаизируется и становится все более несовременным, делая людей неспособными адекватно воспринимать стандарты, ценности и вызовы времени. В свою очередь, «архаичный человек» может воспроизводить только архаику, в его жизни практически нет места творчеству и саморазвитию, он «варится в собственном соку», с каждым годом безудержно отставая от темпа цивилизации.

2. «Смычка» между городом и деревней, за которую так рьяно боролись большевики, оказалась снова надорванной. Социально-экономическая трансформация России за последние двадцать лет принесла ощутимую пользу в плане культурных приобретений лишь жителям крупных городов, практически не изменив, а то и ухудшив, положение жителей сельской местности, рабочих поселков и малых городов Урала. Два типа культур — городская и сельская — за эти годы не только не сблизились, но еще больше обособились, предоставив одним почти всё, других же лишив даже самого элементарного.

3. Деградация культурно-досуговой сферы уральской провинции провоцирует ее жителей на поиск наиболее простых способов самоорганизации свободного времени-препровождения, каковым зачастую стано-

вится обыкновенное пьянство. Последнее, в свою очередь, ведет к деградации человеческих ресурсов, крайне негативно сказываясь на состоянии здоровья и продолжительности жизни людей. В этом смысле, когда кто-то говорит о вымирании российской деревни, слова эти не так уж и далеки от истины.

4. Огромная разница в качестве жизни и возможности получения культурных благ между крупным городом и провинцией вынуждает наиболее активных и деятельных людей, как правило — молодых, покидать родные места и перебираться поближе к культурным центрам. Что само по себе ведет к общему возрастному старению отдаленных территорий, их творческому и деятельностному обескровливанию и, как следствие, еще большей архаизации и деградации провинции.

Общий вывод достаточно прост: обеспечить более или менее цивилизованное будущее России, к чему так настойчиво призывают руководители страны, способны сегодня, пожалуй, лишь жители крупных городов, поскольку только они, да и то не без проблем, имеют доступ к широкому спектру культурных ценностей: новым знаниям, технологиям и инновациям. На жителей же отдаленных территорий, пока государственная культурная политика будет строиться на прежних основах, в этом процессе рассчитывать, к сожалению, не приходится.

1. Золотова Н.П. Влияние учреждений культуры Российской Федерации на развитие человеческого потенциала [Электронный ресурс]. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf140-09/vestniksf140-09040.htm> (дата обращения: 14.04.2009).

2. К вопросу об обеспеченности сельского населения Свердловской области услугами клубных учреждений в свете предстоящих реформ (по результатам проведенного мониторинга). Екатеринбург: Министерство культуры Свердловской области, 2004. 20 с.

3. Культура, туризм и отдых Свердловской области: статистический сборник. Екатеринбург: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области, 2008. 42 с.

4. Министерство культуры Свердловской области: обсуждены вопросы кинообслуживания населения [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mkso.ru/arhiv/2005/11102005.html> (дата обращения 14.04.2009).

5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения 14.04.2009).

6. Райтер В. Культура и развитие: итоги Стокгольмской конференции ЮНЕСКО // Культура как фактор экономического возрождения России: Материалы к «круглому столу» Петербургского экономического форума. М., 1999. С.15–17.

7. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2008. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_14p/lssWWW.exe/Stg/d1/08-04.htm (дата обращения 14.04.2009).

8. Роспись расходов федерального бюджета на 2008 год и плановый период 2009 и 2010 годов по состоянию на 1 января 2009 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.minfin.ru/ru/budget/federal_budget/index.php (дата обращения 14.04.2009)

9. Социально-экономические проблемы России / Справочник. Изд. 2-е. СПб.: Норма. 2001. С. 312.

10. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Основные характеристики субъектов Российской Федерации – 2008 / Свердловская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_14s/lssWWW.exe/Stg/ur/02.htm (дата обращения 14.04.2009)

КАЗАЧЬЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОЧНЫХ ОКРАИНАХ РОССИИ

УДК 908 (470)

А.И. КОВАЛЕНКО

Традиционным институтом казачьей культуры является самоуправление, под которым мы понимаем систему властных органов, законодательно утвержденных государством, но избранных населением для решения вопросов местного значения.

В роли субъектов казачьего самоуправления на восточных окраинах страны выступали станичные и хуторские общества Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск, их представительные органы — сходы, выборные исполнительные органы — правления, атаманы и суды. Государство в лице военного министерства, территориальных органов государственной власти направляло и осуществляло контроль за работой органов казачьего самоуправления.

В военном и административном отношении все казаки войска были подчинены Главному управлению казачьих войск Военного министерства во главе с атаманом всех казачьих войск. Традиционно им становился наследник престола.

В Дальневосточном регионе государственное управление войсками делилось на главное и местное. Главное управление Забайкальским и Амурским казачьими войсками с момента их образования и до 1884 г. принадлежало Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству, в состав которого с 1889 г. вошло выделившееся из Амурского Уссурийское казачье войско. На территории бывшего Восточно-Сибирского генерал-губернаторства были созданы Приамурский и Иркутский военные округа. В состав Приамурского военного округа входили воинские части Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Командующий войсками Приамурского военного округа одновременно являлся наказным атаманом приамурского казачества. В 1906 г. Забайкальское казачье войско было подчинено командующему войсками Иркутского военного округа. Наказные атаманы войск одновременно были военными губернаторами соответствующих административных территорий. Особенность управления казачьими землями заключалась в объединении военной и гражданской власти.

При образовании Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск была сформирована структура органов местного

управления, куда вошли войсковые правления, бригадные, полковые и сотенные управления. Во главе войск стояли наказные, т.е. утвержденные сверху, войсковые атаманы. 60-е гг. XIX столетия ознаменовались демократизацией российского общества. Не осталось в стороне от общих процессов и казачество.

13–25 мая 1870 г. был принят Закон «О преобразовании общественного управления в казачьих войсках», направленный на развитие станичного самоуправления. На Забайкальское и Амурское казачьи войска он был распространен только в 1871 г.

Согласно Закону станицы и поселки приравнивались к волости и сельскому обществу. Станичное управление состояло из схода, станичного правления во главе с атаманом. Главным органом самоуправления был станичный сход, состоящий из всех домохозяев. Интересы отдаленных от станицы поселков представляли на сходе выборщики. Менее важные дела станичный сход поручал решать правлению. Оперативное руководство станичным обществом возлагалось на атаманов. В дальневосточных казачьих войсках атаманы избирались сроком на два года из числа рядовых казаков, часто на альтернативной основе, а затем утверждались войсковым правлением.

Функции органов самоуправления складывались из выполнения практических задач по обеспечению жизнедеятельности управляемых территорий. К их числу относились — формирование органов публичной власти на основе выборности, решение хозяйственно-бытовых вопросов, деятельность по обеспечению охраны границы, подготовка к службе, мобилизация станичников для участия в войнах и другие. Являясь военным форпостом на Дальнем Востоке, казачьи войска прежде всего выполняли государственный военно-политический заказ, поэтому система управления ими строилась по принципу централизма.

На сходах казаки рассматривали все вопросы внутренней жизни станичного населения, выносили приговоры. Они избирали и освобождали атаманов, других чиновников органов самоуправления, устанавливали размер жалования учителям, писарям, решали финансовые и земельные вопросы, представляли к награждению отличившихся

станичников. Станичные сходы, правления и атаманы обладали некоторыми карательными функциями, рассматривали материалы дознаний на односельчан, допустивших проступки, принимали решения о наложении общественного порицания, направляли дела в суд. Атаманы могли самостоятельно арестовывать за провинности на 3–5 дней и накладывать штрафы в 3–6 рублей.

В структуру самоуправления входили станичные суды. По их приговорам казакам объявлялись выговоры, замечания, налагались штрафы и краткосрочные аресты, отдельных казаков исключали из состава обществ [7, с. 3; 2].

Реформа 13–25 мая 1870 г. по управлению казачьими войсками была попыткой ответить на исторический вызов демократических преобразований 60-х гг. в России, сохранив вместе с тем традиционную для казачества систему управления. Преобразования носили, скорее, формальный характер, не разрушили основ сословной обособленности казачества.

Разделение судебной и административной властей больше декларировалось, чем осуществлялось на деле. В казачьей культуре веками культивировался авторитет власти атаманов, поэтому закон сохранял ее незыблемой. Реально в станицах и поселках атаманы обладали неограниченной властью.

В 90-х гг. в законодательную базу местного самоуправления в казачьих землях внесены значительные изменения. За прошедшее двадцатилетие усилились консервативные тенденции во внутривластной жизни страны, а отсюда понятно стремление центральной власти взять под свой контроль управление казачьими территориями. 3 июня 1891 г. было Высочайше утверждено новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». К казачьим войскам Азиатской России новый закон был применен в 1893 г. В Забайкальском казачьем войске по отношению к казакам-бурятам положение о самоуправлении начало действовать с 12 августа 1895 г. [8, с. 171].

Были отчасти учтены и сохранены демократические традиции в управлении хозяйственной и бытовой жизнью казачества при усилении государственно-административного влияния и контроля. При этом каждое войско вырабатывало свои нормативно-рекомендательные документы по местному самоуправлению. Центральной идеей Положения 3 июня 1891 г. и выработанных на его основе местных документов было сохранение и укрепление казачьего общества, общинного

землевладения и круговой поруки за выполнение воинской и гражданских повинностей. «Главным основанием является, чтобы общественная собственность со стороны всякого незаконного притязания оставалась совершенно неприкосновенной, чтобы польза общая была всегда предпочтительнее частной, чтобы все обыватели довольствовались выгодами уравнительно ему и никто не присвоил не принадлежащего ему» [7, с. 5].

Управление в каждом станичном обществе составляли станичный (хуторской) сбор, станичный (хуторской) атаман, станичное (хуторское) правление и станичный суд.

Станичный сбор формировался на основе избирательного права. К выборщикам предъявлялись высокие нравственные требования, устанавливался возрастной, имущественный и половой ценз. Избирательных прав лишались лица, не достигшие 25 лет; состоящие под следствием или судом; отданные под надзор общества по решению суда; судившиеся за кражу, мошенничество или растрату чужого имущества и судебными приговорами не оправданные; лишенные права участия в сборах. Местные законодательства вводили свои ограничения избирательных прав. В Забайкалье в выборах не могли принимать участие ламы и представители ламаистского духовенства. В Уссурийском войске рекомендовано не избирать в число выборщиков «лиц, не пользующихся в обществе никакими земельными угодьями и не имеющих в нем оседлости, а, следовательно, и близкой связи с интересами общества» [6].

Выборщики избирались простым большинством голосов. Выборы признавались действительными, если в них приняли участие две трети домохозяев. Домохозяевами являлись казаки-главы семей.

Сбор избирал атамана, членов станичного или хуторского правлений, станичных судей, замещал вакансии на наиболее важные должности самоуправления. В Забайкальском казачьем войске, кроме общепринятых должностей, на станичном сборе избирали табунных смотрителей и коновалов. Должности смотрителей магазинов, лесных и полевых сторожей, станичных и хуторских писарей, смотрителей общественных заведений по усмотрению сбора могли замещаться в ходе выборов или по найму [7, с. 21].

Права быть избранными на должности не получали казаки, скомпрометировавшие себя по моральным мотивам, а так же содержатели трактиров и питейных заведений. Никто из избранных на должность не имел

права от нее отказываться. Исключения составляли лица старше 60 лет, физически больные, те, кто работал в органах самоуправления предыдущие три года, а также по уважительным причинам, принятым сбором [7, с. 21].

Главная обязанность станичных сборов заключалась в обеспечении незыблемости станичных и хуторских казачьих обществ, их коллективной ответственности за решение всех хозяйственно-бытовых вопросов и подготовку к службе.

Станичное правление являлось исполнительным органом. Его функции сводились к повседневному контролю за исполнением бюджета, ведению текущего делопроизводства, сбору информации для решения вопросов на станичном сборе.

Реальной властью в станицах и хуторах обладали атаманы. Они избирались из числа наиболее авторитетных казаков. В Забайкалье станичными атаманами могли стать казаки не моложе 33 лет. В Положении о станичном атамане Уссурийского казачьего войска записано: «...атаман должен отличаться безукоризненным поведением, заботливостью к общественным интересам и хозяйству, в сношении со всеми быть вежливым и хладнокровным и как блюститель законности знать хорошо требования» [10]. Как видим, статус станичного атамана определялся сословно-функциональным положением самого казачества, находящегося на службе у государства, которое в определенной степени было заинтересовано в сохранении автономной казачьей общины. Поэтому атаман в станичном округе, с одной стороны, выражал интересы центральной государственной власти, а с другой – станичного общества. В казачьей культуре устанавливалась строгая должностная субординация. Станичный атаман обязан был беспрекословно исполнять требования как военного руководства, так и гражданских властей. В то же время «...наблюдать за тем, чтобы казаки, как люди военные, сохраняли неприменное между собою чинопочитание и оказывали должное уважение к людям заслуженным и старикам» [8, с. 174].

Атаманы обязаны были обеспечивать общественный порядок в станицах и поселках. Особое внимание они должны уделять пресечению действий, направленных против существующего политического режима. Атаман был главным и непосредственным должностным лицом, обеспечивающим выход казаков на службу как в мирное, так и в военное время. На атаманов возлагались и

фискальные обязанности – наблюдение за своевременным отбыванием земских и станичных повинностей, взыскание долгов в войсковой и станичной капиталы, штрафов и недоимок. Они следили за исправным состоянием всего станичного и хуторского хозяйства. В Амурском и Уссурийском казачьих войсках предметом особой заботы были станичные и поселковые школы, так как на их содержание и жалование учителям шла значительная доля станичного капитала [12, л. 7-об.].

Для осуществления правосудия вводились станичные суды, состоящие из станичных и почетных судей. В дальневосточных войсках возраст станичного судьи устанавливался не менее чем 33 года, почетного судьи – более 40 лет.

Станичный суд рассматривал общественные проступки казаков и всех жителей станичного округа, не имевшие особой опасности: кражи, мошенничество, покупки заведомо краденого на сумму, не превышавшую тридцати рублей, обиды словами и действием, побои без отягощающих последствий, пьянство, нарушения общественной тишины и спокойствия.

Дальнейшие изменения в развитии казачьего самоуправления произошли в 1917 г. Революционно-демократические преобразования после февральских событий вызвали необходимость в изменении управления казачьими войсками. Влияние центральной власти на решения органов казачьего руководства на далеких восточных окраинах стало ослабевать. Ранее существующая система назначения войсковых атаманов, замещения по приказу высших должностей войскового правления воспринималась как ущемление демократических прав казачества. Появились новые структуры власти в лице Советов, Комиссариатов, вызывавшие смещение, непонимание, поддержку или неприятие в различных казачьих территориях. Объективный ход развития событий требовал упорядочения в руководстве казачьими войсками и органами местного самоуправления. Поэтому весной 1917 г. на собрании лиц войскового сословия Забайкальского казачьего войска было утверждено «Положение о самоуправлении в Забайкальском казачьем войске». Аналогичные документы были подготовлены в Амурском и Уссурийском казачьих войсках.

Согласно новым положениям самоуправляемыми структурами становились казачьи войска в целом. В Амурской области предполагалось создать несколько уездов, возглавляемых земскими органами. Амурское казачье войско должно было составить

автономную уездную территорию с собственным внутренним самоуправлением. II съезд Забайкальского казачьего войска ввел на своей территории общее со всем населением земское самоуправление. Подобной практики в истории дальневосточных войск еще не было. Впервые рассматривалась возможность ввести двухуровневое самоуправление. Станичное и поселковое общественное управление, основанное на культурно-бытовых традициях казачества, стало своего рода моделью для формирования органов управления на уровне войск.

Выборы в казачьем обществе отличались радикализмом. Была ликвидирована система выборщиков. Все органы самоуправления, от войсковых до хуторских, избирались на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Был значительно ослаблен избирательный ценз. Принимать участие в выборах могли лица, достигшие 20 лет. Впервые к голосованию допускались женщины. Наряду с гражданским населением в формировании органов войскового самоуправления принимали участие и строевые части [3, л. 1–2; 8].

Главным законодательным и контролирующим органом в войсках становились съезды, избираемые на три года, исполнительным органом — войсковые правления. В ведение войсковых съездов входило распоряжение финансами войска, принятие решений по главным направлениям хозяйствования, нормотворческая деятельность, организация образования и здравоохранения и др.

Войсковые съезды избирали войсковые правления в составе председателя, его заместителя и советников — заведующих отделами. Войсковому правлению поручалось текущее между съездами управление войском. Большими полномочиями наделялся председатель правления. В случае разрешения спорных вопросов он обладал решающим голосом. Забайкальцы по сложившейся в руководстве казачьими структурами традиции присвоили председателю правления звание войскового атамана. В дальнейшем предполагалось ликвидировать двухступенную систему выборов, председателя, его заместителя и советников в правление избирать на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Председатель и советники хозяйственного и военно-административного отделов избирались из лиц войскового сословия, а специалисты — советники агрономического, ветеринарного, школьного отделов, медицинской части мог-

ли избираться из неказачьего населения, в том числе и из женщин [3, л. 3].

Положением о самоуправлении 1917 г. были внесены демократические нормы в работу станичных и поселковых органов управления. В частности, на Амуре название станичного сбора было заменено на съезд. В его компетенцию входило рассмотрение вопросов по проблемам культурно-экономической жизни округов. Съезд собирался на сессии не менее двух раз в год — в феврале и октябре. Станичное правление в составе 4-х человек — председателя, его товарища и двух советников избиралось не на съезде, а всем населением округа, достигшим 20-летнего возраста, без различия пола, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. На должность председателя и его товарища могли быть избраны только казаки, и только мужчины. Новым явлением в управлении станичными округами стало учреждение милиции. Должности для исполнения милицеских обязанностей замещались по распоряжению правления, властью председателя и товарища [3, л. 4].

Решения Забайкальского и Амурского казачьих войск отражали стремление к введению всесословного управления на своих территориях.

Гражданская война внесла свои коррективы в работу органов казачьей власти. Уже в середине 1918 г. в результате изменившейся социально-экономической и политической обстановки стало ясно, что прежняя система управления казачьими войсками в условиях войны требует большей централизации. Экономически ослабшие казачьи хозяйства не могли за счет внутренних ресурсов справиться с мобилизационными задачами. Для обеспечения армии продовольствием и укомплектования кавалерии лошадьми применялись жесткие меры — осуществлялась реквизиция продовольствия и конского поголовья, устанавливались дополнительные повинности.

В условиях распада единого фронта, дезорганизации, крайнего ослабления дисциплины эффективность деятельности органов самоуправления снизилась. Усилилась центральная и атаманская власть, что в конечном итоге привело к установлению диктатуры. 18 ноября 1918 г. бывший в то время военный министр адмирал А.В. Колчак совершил военный переворот, объявив себя Верховным правителем России. Казачество, в целом, с пониманием отнеслось к появлению нового лидера. Серьезную оппозицию власти Колчака составил атаман Забайкальского казачьего войска Г. М. Семенов, сам претендовавший на роль вождя казачества во-

сточных районов. К концу гражданской войны Семенов сосредоточил должности командующего Читинским военным округом, помощника командующего войсками и главного начальника Приамурского края, походного атамана Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск [3, с. 74]. Тенденция к централизации власти нашла отражение в установлении фактического единоначалия атаманов Забайкальского казачьего войска В. Зимина, Амурского — А. Д. Кузнецова, И. М. Гамова, Уссурийского — И.П. Калмыкова.

Установление диктаторских режимов объяснялось целесообразностью военного времени. Приступая к исполнению обязанностей войскового атамана, избранного V Кругом Уссурийского казачьего войска в ноябре 1918 г., Калмыков заявил: «...являясь главой исполнительной власти, я считаю долгом заявить всему войску..., что все распоряжения власти должны иметь силу закона, а посему: если за неисполнение решений царской власти и наказных атаманов привлекали к ответственности и расстреливали, то за неисполнение решений власти, построенной и уполномоченной Вами же, я буду привлекать к ответственности и расстреливать втройне» [4, л. 13].

Властью атаманов был устроен тотальный террор в борьбе с красными и их пособниками. В Приморье по инициативе и с личным участием атамана в карательных операциях был задействован броневик «Калмыковец», получивший название «вагон смерти». Калмыков и его команда вместе с мобилизованными станичниками организовывали погромы в станицах и поселках, зараженных «красной проказой». Так, в пос. Владимировском атаманом со товарищи одновременно было убито 50 человек, а в поселке Ново-Русановском каратели жестоко расправились с семьей казака Подобы, сочувствовавшей большевикам. Казак Митрофан Подоба тут же по решению военного полевое суда был приговорен к смертной казни и расстрелян на месте. В приказе по Уссурийскому казачьему войску №220 от 17 мая 1919 г. атаман Калмыков объявил: «Оставшуюся семью Подобы исключаю из среды казаков, и, дабы этот микроб не нашел себе приюта в войске, — дом его сжечь; лошадей реквизируют для нужд отряда, а имущество приказал продать с аукциона и деньги представить в станичное правление в пользу пострадавших от большевизма и красной армии...» [4, л. 69—об.].

Практика применения террора как формы управления была присуща и другим ата-

манам, особенно Семенову. Не случайно, решения III и IV Войсковых Кругов потребовали прекращения в войске произвола, насилий и захвата имущества; действий со стороны лиц командного состава, санкционировавших расстрелы без суда и следствия, порку, насилия, кулачную расправу, взяточничество и прочие неблагоприятные поступки, роняющие в глазах населения авторитет власти [2].

И даже в условиях гражданской войны в казачьих войсках восточной окраины России сохранялись элементы самоуправления при формировании казачьих Кругов и Съездов. Анализ многочисленных протоколов станичных приговоров показывает, что в военное время налицо попытка поднять ответственность казаков за работу их избранников в органах войсковой власти и исполнительскую дисциплину самих станичников. Приведем выдержку из протокола станичного сбора Титовской станицы, 3-го военного отдела Забайкальского казачьего войска: «...вверяя представительство станицы на казачьем круге означенным лицам, станичный сбор за все действия их отвечает и признает все постановления круга для себя обязательными» [5, с. 78].

Идеологические установки о самобытности и исключительности казачества, в том числе и в вопросах организации самоуправления, поддерживались верховной властью. 7 ноября 1918 г. приказом Колчака было создано совещание из представителей войсковых самоуправлений при помощнике военного министра по делам казачьих войск. Это был постоянно действующий совещательный орган с ограниченными полномочиями, призванный координировать действия казачьих войск в военно-административном, хозяйственно-экономическом отношении и в вопросах войскового самоуправления. Хотя в конечном итоге его организующая роль оказалась незначительной, тем не менее, он в определенной степени сдерживал войсковой сепаратизм и гасил конфликты в отношениях с органами военного министерства [1, с. 64].

Военная обстановка оказала влияние на содержание проблем, обсуждаемых на войсковых съездах. Произошло смещение акцентов с обсуждения вопросов хозяйствования на военно-политические. Так, забайкальцы на IV Чрезвычайном съезде в марте 1920 г., пытаясь создать единый блок коалиционных сил для завершения войны, поддержали активные выступления казаков амурцев и уссурийцев, благосклонно приняли заявление генерала Судзуки о помощи японцев в борьбе с красными, обратились с

призывом к землякам, находившимся в стане красных, закончить братоубийственную войну. Вместе с тем, были рассмотрены вопросы, поступившие с мест, и в связи с приближением весенних полевых работ приняты оперативные меры по станичным приговорам об освобождении казаков по семейному и имущественному положению от участия в боевых действиях, об экономической поддержке станиц, разоренных войной и др.

Почувствовав себя основной реально организованной в военном отношении силой, казачество к концу войны в большей степени стало тяготеть к автономному управлению. Это нашло отражение в динамике решения вопросов о земском самоуправлении. Если на гребне революционно-демократических преобразований 1917 г. в станичных приговорах выражались симпатия и поддержка идее двухстепенного (станичное – областное) или трехстепенного (станичное – войсковое – областное) земского управления, то к концу войны казачество отдавало предпочтение сословному самоуправлению. II Съезд Забайкальского казачьего войска в августе 1917 г. принял решение о введении в войске общего со всем населением областного земского самоуправления. Но уже III Большой Круг, открывшийся 20 августа 1919 г., отменил предыдущее решение и большинством голосов постановил выйти из областного земства [1, с. 62, 65].

В апреле 1918 г. прошли V Амурский и IV Приморский областные съезды как объединительные съезды крестьян и казаков. Это объединение носило в основном формальный характер. К концу 1918 г. войсковые организации были восстановлены и продолжали функционировать как военно-хозяй-

ственные структуры войскового населения.

После окончания гражданской войны и подавления антибольшевистских выступлений в казачьих землях Дальнего Востока система автономного казачьего самоуправления перестала существовать. Создавались всесословные органы территориального гражданского управления – Советы, сменившие ревкомы. 12 декабря 1922 г. было принято решение Дальревкома об образовании Советов на территории Дальнего Востока. Опираясь на устойчивые традиции местного самоуправления, казачество на первых порах стремилось к активному участию в выборах. Однако все выборные кампании 20-х гг. XX в. проходили под жестким политическим контролем и с многочисленными ограничениями избирательных прав. В число «лишенцев» попадали лица, использовавшие наемный труд с целью извлечения прибыли, жившие на нетрудовые доходы, активно содействовавшие старому режиму, служившие в контрразведывательных органах, добровольческих частях и милиции белогвардейских правительств. А реалии были таковы, что в казачьей среде, широко практиковалась сдача в аренду земли, скота и техники, использование наемных работников вместо ушедших на службу мужчин. Казаки составили ядро белой гвардии, оказывали активное сопротивление новой власти. Поэтому среди казачества оказалось самое большое количество лиц, лишенных избирательных прав. По трем дальневосточным губерниям были лишены права голоса 13 259 человек [5, с. 107].

В ходе последующего расказачивания были ликвидированы казачья обособленность и сословное самоуправление.

1. Василевский В. Забайкальская белая государственность. – Чита, 2000.
2. Выписка деловых резолюций из протоколов IV Чрезвычайного войскового круга Забайкальского казачьего войска. 26.03 - 07.04 1920 г. – Чита, 1920.
3. ГААО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 131.
4. ГАХК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 5.
5. История казачества Азиатской России / гл. ред. В.В. Алексеев, УрО РАН.Т. 3. – Екатеринбург, 1995.
6. Наставление станичным и поселковым обществам и должностных в сих обществах лицам Уссурийского казачьего войска при исполнении ими служебных обязанностей. – Владивосток, 1914.
7. Наставление станичным, поселковым и урочищным атаманам Забайкальского казачьего войска / сост. Е.Е. Бакшеев. – Чита, 1899.
8. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 г. // Из культурного наследия славянского населения Кубани. – Краснодар, 1999.
9. Положение о самоуправлении в Забайкальском казачьем войске. – Чита, 1917.
10. Приказ по Уссурийскому казачьему войску // сб. прик. – Владивосток, 1895, № 65.
11. Приказы по Забайкальскому казачьему войску // сб. прик. – Чита, 1893, № 412; 1895, № 593.
12. РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 79.

«ПРИГЛАШЕНИЕ»

УДК 327

А.Н. БУРМЕЙСТЕР

С 70-х годов прошлого века я возглавлял центр исследований по советской политической речи при Гренобльском университете и читал регулярно «Коммунист», теоретический и политический журнал Центрального Комитета КПСС. В ноябре 1986 г., в № 16, вышла статья «Время требует нового мышления». Она открывалась сообщением: «20 октября 1986 года Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев встречался с группой деятелей мировой культуры, приехавших в Советский Союз по приглашению писателя Чингиза Айтматова. Несколько дней гости провели в Киргизии, где состоялся обмен мнениями по самым актуальным вопросам современности. Эта встреча получила название «Иссык-Кульский форум». Во встрече участвовали: турецкий писатель Яшар Кемаль, президент индийской Академии музыки и драмы Нараян Менон, кубинский прозаик Лисандро Отеро, президент Римского клуба Александр Кинг, американский драматург Артур Миллер, его жена художница Инга Миллер, турецкий композитор Омер Ливанелли, американский прозаик Джеймс Болдуин, французский писатель, лауреат Нобелевской премии Клод Симон, испанский общественный деятель и литератор Федерико Майор, член секретариата ЮНЕСКО Аугусто Форти, американский футуролог Олвин Тоффлер, его супруга философ Хейди Тоффлер, английский писатель, актер, режиссер Питер Устинов, эфиопский художник Афсворк Текле, американский актер Дэвид Болдуин».

Это сообщение сопровождалось записью беседы М.С. Горбачева с участниками «Иссык-Кульского форума».

Видные представители мировой культуры, встревоженные угрозами, нависшими над миром, испытали потребность встретиться и вместе обсудить, как содействовать, во имя мира, предотвращению войн. Великий киргизский писатель их пригласил к себе. Углубляя аспекты общественных вопросов, они искали, на неофициальной основе, формы воздействия на общественное мнение. Эту встречу они единодушно прозвали «Иссык-Кульский форум», в честь озера в горах Киргизии. Несмотря на колоссальную занятость Михаил Сергеевич непременно хотел лично познакомиться с гостями Чингиза Айтматова.

«Как видите, заявляет Чингиз Айтматов, созвездие имен очень солидное. Люди серьезные, это подтвердили и наши многодневные собеседования. Мы попытались их зафиксировать. И я думаю, получится большая поучительная книга, которую в целом можно охарактеризовать как поиск нового типа мышления в современных исторических условиях».

Поразительное совпадение! «Я тоже выступаю за новое мышление, отвечает М.С.Горбачев. Поэтому, может быть, кандидатом в ваш клуб я могу вступить?». Эта шутка вызывает смех, отражающий то расстояние, на котором почтительно держатся участники форума от главы сверхдержавы, только что вернувшегося после переговоров с президентом США в Рейкьявике. Неужели только совпадение? Что именно побудило представителей мировой культуры собраться? «Одной из причин, напоминает Чингиз Айтматов, явилось Ваше Заявление от 15 января 1986 года (...). Мы преисполнены решимости служить общему делу и отдать этому весь наш жизненный опыт, все, что в наших силах как деятелей культуры».

Знакомые фразы в устах верноподданных советских граждан! Рады стараться, они всегда отзываются с энтузиазмом на постановления своих руководителей. Не этого ли ждет от гостей киргизского писателя, лауреата Ленинской премии, Генеральный секретарь ЦК КПСС? Федерико Майор, исполненный благодарности, заявляет: «Мы очень рады, что свой форум провели в вашей стране. С большим волнением вспоминаем о тех местах Киргизии, которые посетили и где многое увидели и узнали. Быть среди людей — это единственный способ узнать их истинные надежды, познакомиться с их материальными и духовными ценностями». После этих трогательных слов будущий руководитель ЮНЕСКО сообщает своему высокопоставленному собеседнику, что ему была оказана честь в конце форума направить ему телеграмму и просить встречи с ним: « Мы были уверены, что Вы, господин Генеральный секретарь, благосклонно отнесетесь к нашему предложению. Ваш ответ был быстрым и благоприятным. Ваше доброе отношение к форуму стимулирует нашу деятельность и даст ей необходимый импульс». И он зак-

лючает: «Мы чувствуем себя здесь, как дома, и очень горды тем, что нам удалось сделать. Эти дни были наполнены важными событиями, дискуссиями».

Александр Кинг рассказывает, что впервые он посетил Советский Союз в 1933 году, тогда его поразила новизна в жизни страны, «но никогда раньше он не видел такой искренности и открытости, как в этот свой приезд». Он убежден, что в мире новое мышление затрагивает многое, начиная с физических наук, но еще не проникло в общественное мнение. «И задача нашей группы состоит в том, чтобы подобная ассимиляция идей произошла с Вашей помощью, с помощью Ваших коллег, возглавляющих правительство. Мы высоко ценим Вашу открытость, то, что Вы пригласили нас сюда».

Яшар Кемаль тоже сердечно благодарит Михаила Сергеевича и настаивает на необходимости объединить всех людей, всех представителей искусства, деятелей культуры, литературы. «Такое объединение против военной опасности может быть только организованным». Лисандро Отеро отмечает, что «несмотря на все различия, мы пришли к единому мнению, общим позициям, к единой цели, которой мы должны следовать. И это — самое главное».

Омер Ливанелли подчеркивает, что одна из важных проблем — отношение между творческой интеллигенцией и руководителями. «Мы находимся в стране, которая является родиной великих деятелей культуры. Это огромная для нас удача и огромная возможность увидеть культурные ценности в Советской стране — за это мы благодарны».

Аугусто Форти говорит, что в Советской стране существует огромный потенциал для движения вперед: «У вас замечательные ученые, замечательные писатели (...) Ваша страна и Вы лично можете дать миру идеи, которые имеют огромное значение».

Среди концерта благодарностей и восхвалений выступление Артура Миллера слегка детонирует, хотя он тоже начинает с того, что сердечно благодарит главу Советского Союза за гостеприимство и признает перспективными его новые предложения. Но дело поэта — высказывать правду: «Если мы хотим развиваться, нам нужно иметь мужество отбрасывать то, что уже не является истиной и признавать то, что является истиной. Потому что реальность не имеет фаворитов». М.С.Горбачев подхватывает тотчас его мысль: «Тема реальности — это моя любимая тема». Он также подхватывает слова

Олвина Тоффлера, который защищает свободную передачу информации и восхваляет технологию информатики, но вместо того, чтобы поддержать его мнение, он осуждает, во имя «человеческого фактора» вредные прорывы технологии; сам он в этом убедился, посетив автомобильный завод в Англии. О. Тоффлер возражает, что технология ликвидирует ту тяжелую работу, которая достойна не людей, а животных; сам он это испытал, работая на автомобильном конвейере вместе с женой.

Отвлекая внимание от возникшего недоразумения, Нараян Менон выступает во имя развивающихся стран, обличает колониализм, разделивший мир на производителей и грабителей. Его поддерживает Джеймс Болдуин: «На земном шаре одни находятся в «цивилизованном мире», другие в «третьем мире», которому придается несколько презрительный смысл, но ведь и они тоже люди. Необходимо включить и их в круг наших забот и нашего мышления».

Все эти глубокие соображения предвещают рассвет «нового мышления», о котором заботится Михаил Сергеевич, сожалея о его «дефиците» в современном мире: «Что будет, если мы не сумеем отвести нависшую над нашим общечеловеческим домом ядерную угрозу? Если бы это случилось, то возможности для исправления ошибок уже не было бы». А на кого ему сослаться, чтобы убедить свою аудиторию? На идеи того, кого он читает и перечитывает: «В.И. Ленин в свое время высказал мысль колоссальной глубины — о приоритетности интересов общественного развития, общечеловеческих ценностей над интересами того или иного класса». Поэтому «прежде всего мы должны уберечь мир от угрозы ядерного уничтожения». И он заключает: «Что могут противопоставить деятели культуры силам, подталкивающим человечество к катастрофе?». И тут он приводит мнение Льва Толстого; накануне Первой мировой войны он говорил, что «в руках тех, кому выгодна война, миллиарды денег и миллионы войск. В руках же писателя лишь одно, но могущественное оружие — истина. И этого достаточно, чтобы сказать: борьба безнадежна!». «Иссык-Кульский форум» — огромный аргумент в подтверждение того, что дает новое мышление».

Завербовать «видных представителей мировой культуры» в борьбу «за мир и дружбу», за предотвращение ядерной войны под знаком «нового мышления» — дальше углубляться в размышления Генсека

КПСС мне не приходилось, я был в этом искренне убежден: «Иссык-Кульский форум» — не что иное, как новый вариант советской пропаганды, а «новое мышление» — её последняя находка, после «всенародного государства», «научно-технической революции», «развитого социализма» и т.д. Неужели кого-то еще можно поймать на удочку подобными устаревшими аргументами? Я подвел итог, сосчитал, сколько строчек предоставлялось каждому выступающему лицу и заметил, что, судя по отчету в «Коммунисте», среди гостей Чингиза Айтматова выступило:

— с полным одобрением — 9 лиц: Я. Кемаль (22 строчки), Н. Менон (10), Л. Отеро (15), А. Кинг (20), О. Ливанелли (11), Джеймс Болдуин (12), Ф. Майор (51), А. Форти (14), А. Текле (42);

— с некоей оговоркой — двое: А. Миллер (17) и О. Тоффлер (16);

— в шуточной форме — двое: Хейди Тоффлер (14) и Питер Устинов (22).

Первая вызвала смех, рассказав, как на конном празднике в Киргизии ее поразило состояние между мужчиной и девушкой: он пытался её поймать, а она его хлестала плёткой, если он не успевал. Эту метафору подхватил Горбачев: «Если мы окажемся неспособными угнаться за идеей мира, мы достойны, чтобы нас тоже избивали плётками. Второй, ни у кого не вызывая смеха, предложил сомнительную метафору о «третьем мире»: «Если ты живешь на ладони у судьбы, то не надо думать, что люди, которые живут на пальцах ноги, очень далеки от тебя».

Оставалось три лица, которых в статье не упоминают, будто они вовсе не присутствовали на встрече. То, что ни художница Инга, жена А. Миллера, ни малоизвестный актер из Гарлема, Дэвид Болдуин, вероятно, брат писателя, не высказались, — это правдоподобно, но Клод Симон, знаменитый французский писатель? Неужели его выступление подвергли цензуре, или же он просто промолчал? Меня это удивило, но при отсутствии других данных я отложил в сторону эту статью просто как информацию.

Неожиданно, год спустя, выходит произведение, которое частично раскрывает загадку: это отзыв «немого» участника Иссык-Кульского форума, «Приглашение» (L'invitation), тоненькая книжка, всего 90 страниц. Сразу бросается в глаза, что это произведение отвечает некоей традиции французской литературы, вернее — поведению «неблагодарных»

французских литераторов, которые после того, как их радостно приютили, накормили, напоили, ошастливили всевозможными развлечениями, позволяют себе — по французскому грубому выражению — плевать в поданный суп (cracher dans la soupe). Так поступил маркиз де Кюстин, написав «La Russie en 1839» «наглую клевету» на Россию. А ведь принимал его лично сам государь! Так поступил Андре Жид, написав свою «реакционную клевету» на СССР, «Retour de l'URSS». А ведь возили его по Советскому Союзу в 1936 г., нянчились с ним, показывали ему все достопримечательности родины социализма. Возмущались еще в эмиграции мои родители против «неблагодарности» маркиза, возмущались коммунисты против «рenegатства» прогрессивного писателя. Оба француза, хотя и выступали на расстоянии целого века, оправдывали себя одним и тем же аргументом — они испытали глубокое чувство разочарования.

Маркиз заявлял: «Я приехал в Россию в поисках доводов, с целью оправдать легитимность самодержавия, и возвращаюсь во Францию убежденным сторонником парламентского режима». Андре Жид признавался: «Я вас уверяю, что есть что-то трагическое в моей советской аванюре. Я приехал энтузиастом, убежденным, что буду любоваться новым миром, а чтобы меня прельстить, мне предлагали все, для меня ненавистные преимущества старого мира» (Retour de l'URSS, 13 йdition, Gallimard, 1950, ст.165).

Разочарование? Испытал ли подобное чувство Клод Симон на Иссык-Кульском форуме? Во всяком случае, делиться с читателем по этому поводу ему не приходилось; как «лирического героя» он вычеркнул себя из повествования. Это нам сразу ясно, с первой же страницы: «Обычно (т.е. со дня приезда, десять дней тому назад) их возили, каждого отдельно, в сопровождении личной переводчицы, в особой машине, из породы этих крупных черных автомобилей, у которых заднее стекло завешено шторами в сборочку, но в этот раз их посадили в автобус, который, под охраной полиции в автомашине, ехавшей впереди с умеренной скоростью, но всячески проезжавшей на красный свет у перекрестков, доехал до вида обыкновенного здания, и тут попросили всех пятнадцать пассажиров высадиться».

Пятнадцать пассажиров? Я пересчитаю: в «Коммунисте» упоминается шестнадцать человек, значит, в «Приглашении» од-

ного не хватает. Неужели автор просчитался? На следующей странице та же цифра, пятнадцать гостей, средний возраст — шестьдесят лет, разные профессии, разные национальности. Постепенно выделяются портреты некоторых из них. Трое особенно отличаются, не только цветом кожи, но и одеждой. Вот эфиопский гладиатор с лицом, отлитым из меди, с прямым носом и тонкими, слегка одутловатыми, чертами лица, с блестящим рядом зубов, на нем туника и узкие голубые брюки, наискось — длинный белый ватный шарф, слева на груди — орденские ленточки в ряд, как у генералов. В этом портрете, который часто приводится и постепенно уточняется, легко узнать эфиопского художника Афсворка Текле. Двое других выступают, подобно проповедникам-евангелистам или, вернее, неграм, способным петь, играть на трубе или плясать чечётку дуэтом, как в мюзик-холле, оба полностью в черном, от обуви до свитера и эбеновой головы, будто отрубленной и подвижной, как у птицы. Их тоже легко опознать: американский прозаик Джеймс Болдуин и его брат, актер Дэвид Болдуин. А кто самый молодой, изысканно элегантный, средиземноморский дипломат? Можно предполагать, что тут изображен либо Федерико Майор, либо Аугусто Форти, но ошибиться нельзя, когда автор описывает «Нерона кинематографа; по происхождению он русский, принят британское подданство, живет в Швейцарии и глотает, одну за другой, рюмки водки в самолете, который кружится над горами, реками и озёрами Киргизии — это знаменитый лондонский щёголь Питер Устинов! О других гостях — только намеки, внимание рассказчика невольно возвращается к наблюдению за поведением эфиопа и негров; то эфиопский гладиатор жуёт ломтики копчёного угря, то он хвастается своими художественными произведениями; то братья-негры проводят синим языком по нижней губе и вкушают черную икру, то беспечно прогуливаются по холлу, волнообразно размахивая рукой, обмотанной шёлковым платком. Эти повторения, эти детали дают нам понять, что повествователь раздражен. Раздражает его сама обстановка, в которой откармливают икрой и копчёной сёмгой пятнадцать гостей, в предвидение исторической встречи с главой второй сверхдержавы в мире. Раздражение — вот чувство, которое ни на минуту не покидает «отсутствующего» Клода Симона. Его все раздражает, но в первую очередь общение с

теми, от которых он отмежевался, исключив себя самовольно из числа гостей Чингиза Айтматова. Его раздражает потеря времени в ожиданиях: «два часа до отлета специального самолета, не считая еще предыдущий час, всего три, будто ожидание (тайных приказов, отмененных не менее тайными контр-приказами и в свою очередь отмененных) составляет как бы основную, нерушимую часть установленной программы». Его раздражает покорность, с которой гости учились ждать, ждать отлёта, ждать начала совещания, начала церемонии, перестали удивляться многословию бесконечных речей, в которых упоминаются мудрость древних пастухов, легенды о горных духах, священная аура окруженного скалами озера, — по мере того, что можно было уловить, прислушиваясь к шёпоту неуверенных в себе переводчиц. Постоянное присутствие переводчиц вызывает одновременно чувства раздражения и жалости. Утомленных, заспанных гостей усаживают в машины и заставляют выслушивать приветственные фразы, немедленно переведенные, как заведенными машинами, измученными переводчицами. «Эти фразы для гостей остаются бессмысленными; их произносят с какой-то смесью упорства, равнодушия и убеждения, напоминающей ребенка, читающего басню наизусть, продавца подержанных машин, санитарку, сидящую при умирающем, — пискливый голос, звуковой фон, чтобы сократить срок ожидания». «Не давая покоя, всюду преследуют гостей плаксивые, измученные, настойчивые голоса переводчиц, которые тем же тоном переводят торжественные речи и сообщают о расписании дня; трогательны их упорство, их готовность, их убежденность, их простодушная манера обращаться к вам, как к крестину, как к четырехлетнему ребенку...».

Как четырехлетних детей, «их снимали с лопаткой и с лейкой в руках, пока каждый делал вид, что сажал символическое дерево с его именем на дощечке у подножия». «Делать вид», — вот другой мотив раздражения. Гости делали вид, что осматривают городскую библиотеку, что на банкетах слушают бесконечные речи, что любят «фарфоровой посудой с изображением пары женщин, нежно обнимающихся в античных туниках лилового или темно-зеленого цвета, окруженных, с прозрачными крылышками, как у стрекозы, амурами, парящими и пускающими стрелы из золотых луков (посуда, рюмки, фарфоровый сервиз с нескромными объ-

тиями, изъяты по указу у какого-то князя или графа-сибарита прошлого века, воспроизведены по указу в гигантской фабрике или в особом отделении единого гиганта завода, выпускающего серийно города по компьютеру, колоннады, фрески, статуи, столовые приборы, кофейные чашки, включая сахарницы, и распределяющего их целыми поездами по всем республикам Союза, до самых отдаленных, в пустынях, в лесах, где стоит вечный мороз, у подножия сказочных гор...». Не остаются в долгу и те, кто принимает «кретинов», которые «делают вид». У въезда в резиденцию, окруженную непроходимым забором, милиционер «осматривает бумаги, предъявленные ему водителем, вернее, он делает вид, что осматривает, будто совершает какой-то ритуал, какой-то необходимый обряд, и пускается расспрашивать главного переводчика, будто бумаги, бесконечные расспросы и ожидания необходимы для оправдания хотя бы его функций и для строго соблюдения правил, особенно правил «засекречивания». Вот то, что, может быть, больше всего раздражает, возмущает «шестнадцатого» гостя: «засекречивание». Проезжает ли он в первой машине мимо караульного помещения и заглядывает в пустую комнату, освещенную просто лампочкой; сидящий в ней милиционер немедленно выключает свет. Начинает ли «Нерон кинематографа» заигрывать в парке с двумя прислугами, издали наблюдающими за его поведением, они немедля скрываются. Справляется ли у переводчицы один из гостей – можно ли посетить и сфотографировать село, мимо которого проезжали накануне («Конечно... я пойду, справлюсь... погодите, я вас свезу, надо вызвать машину»), исчезает, возвращается гораздо позже и уверяет: «Сейчас, поехали!». Опять исчезает, опять длинный срок, переводчица наконец появляется и говорит: «Как жаль! Пора идти завтракать. Все уже за столом! Я давно вас ищу...» или «К сожалению, нас ждут на празднике. Увидите, как красиво. Вам понравится. Будете там снимать!». Всем тем, кто в эти годы посещал Советский Союз, знакомы подобные мелкие происшествия, даже тем, кто не пользовался почетом, оказываемым представителям мировой культуры. Упомянутая несколько раз о «засекречивании» караульного помещения, Клод Симон, видимо, считает этот инцидент характерной чертой советского режима, но сам нигде от своего имени не выступает; ведь он сам тоже «засекречен», и только в весьма редких случаях

можно угадать его присутствие. Вот один из них.

В Москве Чингиз Айтматов устраивает для своих гостей редкий тогда визит, он везет их в Загорск! И там он вступает в бесконечный разговор на непонятном шёлковом, шипящем, красочном языке с каким-то архиереем, епископом или старцем (?). Американец, который был не только вторым супругом самой красивой женщины в мире, но и автором пьес, пользующихся успехом, «порывшись, вытянув записную книжку, оторвав листок, быстро настроив что-то карандашом, потом, ничуть не изменив выражения исхудалого своего лица, продвинул листок по скатерти, толкнув соседа своего локтем (сосед в полусонном состоянии, пошевелившись с трудом на стуле, опустил глаза, мог прочесть на клочке бумаги: «They contempt us» (Они нас презирают)... значит, все время (пока они посещали библиотеки, сажали деревья, возились из любезности с фруктами, расположенными перед ними на столе, пили чай чашку за чашкой, получали медали)...». Немного позже Артур Миллер на обратной стороне той же бумажки записывает: «Just thing this an informal meeting!» и «снова продвигает её к тарелке своего соседа, подчеркнув два раза слово «informal», карандашом, до того раздраженным, озлобленным, что вторая черта прорвала тоненький листок, а он при этом, искривляя рот, говорил: «Yes: informal. As you can see», не обворачиваясь, пошевеливаясь с трудом, кладя и перекладывая ногу на ногу, снова замирая с невозмутимым выражением лица, облокотившись на левую руку и почесывая кончик носа правой – привычный жест...». Между американцем и французом создавалась обстановка взаимного понимания, оба испытывают то же невыносимое чувство отращения к спектаклю, в котором они принуждены выступать, одновременно как зрители и как актеры; но в отличие от раздраженного Артура Миллера Клод Симон остается, как кошка, в полусонном состоянии, не принимающая никакого участия в событиях, но бдительно присматривающаяся и прислушивающаяся, в ожидании случая, когда сможет овладеть своей добычей.

В 1987 году, когда еще едва стали отмечаться последствия «нового мышления» в политике СССР, добыча, которую привез из своего пребывания на Иссyk-Кульском форуме Клод Симон, заслуживала, по моему мнению, особого внимания. В нашем университетском сборнике «Essais sur le discours

soviétique » я поместил статью, в которой я больше давал места выдержкам из «Коммуниста», излиянию чувств благонамеренных гостей Чингиза Айтматова, чем повествованию автора « Приглашения», но я обращался к нему: ««Зачем Вы согласились на это приглашение? Неужели Вы не знали, что Вы станете аттракционом для фокусника, приглашающего на сцену представительного зрителя, чтобы приправить свой номер?» Но я добавлял: «Я больше подозреваю автора « La Route des Flandres » и « Géorgiques » в поисках действительности, отвечающей его любимым изображениям: бессмысленные церемонии, обломки империи, шествие с обесцененными трофеями, обманчивые аксессуары смехотворной эпопеи, искусственные позы в мире, где царит показуха и смерть». Я заключал: «Надеемся, что дискурс Клода Симона послужит уроком для тех, кто слишком уверен в своем умении манипулировать людьми и пренебрегает контрастивными ответами».

Остается уникальный пример полного фиаско в коммуникации, хотя новое правление СССР приложило максимальные усилия. Остается литературное произведение автора-невидимки, «шестнадцатого гостя», по стопам которого читатель вступает в загадочный мир, где стёрты обычные ориентиры, названия, имена, даты, где, испытывая чувство полного отчуждения, он должен сам, ощупью, восстанавливать в своем сознании представление о Стране Советов, в честь которой « неблагодарный » француз отслуживает литературную панихиду. Но об этом еще впереди. Сразу после выпуска сборника я послал экземпляр Клоду Симону на адрес его издателя Les Editions de Minuit. В июле 1988 г. я наконец получил ответ .

Cher Monsieur,

Pardonnez-moi, je vous prie, si j'ai tardé à vous remercier de l'envoi de ces Essais sur le discours soviétique contenant votre excellent article sur L'invitation, mais j'ai été quelque peu débordé ces derniers temps et très fatigué à la suite d'une série de voyages à l'étranger : je vieillis...

Ce qui m'a particulièrement frappé, ce sont les comptes-rendus de ce burlesque

« Forum d'Issyk-Koul » publiés par la presse russe et dont je n'avais pas eu connaissance. Il y aurait, me semble-t-il du point de vue qui est le votre (celui d'un linguiste) une intéressante étude à faire sur ce que j'appellerai le langage de la bassesse (j'emploie à dessein ce dernier mot qui revient

souvent sous la plume de Dostoïevski) en analysant les déclarations (rapportées pages 212, 213 et 214) de certains (non la majorité) des « invités »...

En souhaitant que vous vous livriez à ce travail à la fois instructif et édifiant, je vous prie de croire, cher Monsieur, à l'expression de mes sentiments les meilleurs.

Уважаемый господин,

Простите меня, что я так задержался с ответом на получение этих Essais sur le discours soviétique, с вашей отличной статьей о «Приглашении», но за последнее время я был слегка перегружен и очень устал после серии поездок за границу: старею.

То, что меня особенно поразило, это отчёты этого шутовского «Иссык-Кульского форума», опубликованные в русской прессе и о которых я ничего не знал. Мне кажется, что с Вашей точки зрения (с точки зрения лингвиста) интересно было бы предпринять анализ того, что я назвал бы языком подлости (я умышленно употребляю это слово, которое часто встречается под пером у Достоевского), анализ заявлений (приведенных на страницах 212, 213 и 214) некоторых (не большинства) «гостей».

Желая Вам заняться этим поучительным и назидательным делом, прошу Вас, уважаемый господин, увериться в выражении наилучших моих чувств.

Это письмо, конечно, меня обрадовало. Я видел в нём подтверждение всего того, что я испытывал при чтении «Приглашения», но я не пошел по пути, который мне предлагал Клод Симон. Время горело. В 1988 году скорлупа допотопного монстра трещала по всем швам, и мне уже некогда было прислушиваться к «языку подлости», к «достоевщине». В странах Восточной Европы, в России раздавались другие голоса, смелая, вольнолюбивая речь. Из Кракова, осенью того же года, я сообщал автору «Приглашения», какой успех имела его книга среди студентов и преподавателей, как она была созвучна обстановке, царившей в этой «маленькой Франции». Мы еще обменялись несколькими короткими письмами, и переписка прервалась. Но сам писатель не оставил меня в покое.

В течение следующего учебного года мой коллега и друг Жан Стар, профессор французской литературы, попросил меня прийти к нему на кафедру и выступить перед его студентами по поводу Клода Симо-

на. Он включил лауреата Нобельской премии в свою годовую программу и, прочитав его последнее произведение, нашел, что его изучение является наилучшим ключом для восприятия творчества, которое, вероятно, останется жемчужиной французской литературы XX века. Я выступил как «советолог» и постарался осветить загадочный советский мир, лишенный самых начальных опознавательных знаков, и дать студентам возможность самим полюбоваться этим ветхим памятником, пока он еще не обвалился. Я не помню, какое впечатление я произвел на студентов своим «катастрофизмом», и ничего не знаю о содержании лекций, посвященных моим коллегой творчеству Клода Симона. Прошло с тех пор двадцать лет. Советский Союз канул в вечность, Клода Симона не стало. Открывать снова досье, которое завалилось у меня на полке, под кипой других папок, дает возможность обновить, пересмотреть, пока еще не поздно, тот материал, который еще хранится в памяти современников. С этой целью я даю слово моему другу Жан Сгару.

Преподавая в Гренобльском университете, мы были только далекими свидетелями странных событий, потрясающих великую и вечную Россию, а нам предстояло ознакомить студентов с писателем — революционером в области повествования и

с тем политическим лидером — реформатором, о котором он пишет, называя его перестройку рециркуляцией (*recyclage*). Сколько надежд тогда вызывали его миролюбивые предложения, сколько симпатий вызывал сам человек — по прозвищу Горби и его супруга, которую — небывалое явление — просто называли Раиса. А наши студенты, уже путаясь в сложном синтаксисе Клода Симона, заблуждались в необъяснимом прошлом и в туманном настоящем страны, к которой автор относился с крайним недоверием; их коробили ледяной его взгляд, бесчувственная ирония по отношению к мировому событию: им хотелось любоваться зарей новой России, а он им преподносил картину вечной Руси — громадной, неуправляемой, примитивной, в спешке модернизированной и предоставленной всем проявлениям депотизма. В его описании перекликались чувства неодолимого влечения и отвращения, раздражения и жалости. «Приглашение» ни в коем случае не могло быть верным описанием России, но оно вполне отражало манеру писать Клода Симона, начиная с *Palace* (1962), где он приводит эпизод из гражданской войны в Испании, и кончая великой, эпической фреской *Georgiques* (1981), основанной на идее постоянного повторения Истории.

(Продолжение следует)

1. Время требует нового мышления. — «Коммунист», теоретический и политический журнал Центрального Комитета КПСС, 1986, № 16.

2. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира // М.: Изд-во полит. литер., 1987.

3. Bourmeyster Alexandre. Claude Simon, L'Invitation, 1987. // *Essais sur le discours soviétique*, Université Grenoble III, 1987.

4. Gide André. *Retour de l'URSS*, 13e édition, Gallimard, 1950.

5. Simon Claude. *L'invitation*. Les Editions de Minuit, Paris 1987.

20-ЛЕТИЕ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТОЛОГИИ: ИСПЫТАНИЕ КРИЗИСАМИ

УДК 32

Редакционный совет журнала «Социум и власть» и НП «Институт развития города» выступили инициаторами проведения заседания клуба уральских политологов: «20-летие Уральской школы политологии: испытание кризисами», которое состоялось 29 мая 2009 года в Челябинске.

Встреча подобного формата, «без галстуков», уже проходила в 2002 году и следующим поводом, заставившим уральских политологов отложить на время дела, стало 20-летие политической науки в России и мировой кризис, отразившийся на всех сторонах жизни российского общества.

Открыл заседание председатель клуба, заведующий отделом политологии научного журнала «Социум и власть», директор Челябинского института Уральской академии государственной службы, доктор политических наук Сергей Зырянов, который обозначил круг обсуждаемых проблем:

- поиск эффективных путей взаимодействия власти и общества в условиях кризиса;
- политические клубы: их место и роль в современном политическом процессе;
- проекция мирового финансово-экономического кризиса в региональном формате;
- Уральская школа политологии: становление и региональная специфика.

В центре дискуссии оказались идеи, предложенные нашим земляком, кандидатом философских наук Г. Бурбулисом. Геннадий Бурбулис представил свою концепцию «Миссии политологии в современной России (Человек политософский в лабиринтах политики)».

Политософия, в интерпретации ученого, является единством политической мудрости и мудрой практической жизнедеятельности, и в этом концептуально-смысловом значении – новый способ понимания мира, новый вид практического творения мира, качественно новый образ жизни.

Всех, кто в той или иной форме занят изучением и освоением феномена политики, по версии Геннадия Бурбулиса, условно можно разделить на три основные специализированные группы: научно-познавательное сообщество, научно-практическое сообщество, практико-политическое сообщество; а субъектов политической деятельности – на политиков, актеров, менеджеров, коммуникаторов, стратегов и политософов. Последние внедряют стратегии в реальный образ жизни, обеспечивают одухотворение восприятия власти, формируют способность к толерантной ответственности, а самое главное – культивируют ценность достойной жизни, ценность достоинства личности, общества, сообщества и достоинства государства.

Геннадий Бурбулис подчеркнул два принципиальных тезиса, которые могут быть полезны для определения дальнейшей работы политологического сообщества: российскую позицию на международной арене и ценностно-мировоззренческий ресурс, который заключен в российской Конституции 1993 года.

Не только будущие перспективы вызвали живой интерес, но и недавнее прошлое российского государства в оценках Г. Бурбулиса у присутствующих представителей СМИ: кандидата философских наук Юрия Зацепилина (Челябинск), Кирилла Зернова (АиФ, Челябинск), и политических аналитиков и политологов: доктора политических наук Виталия Иванова (Челябинск), доктора исторических наук Андрея Пасса (Челябинск), кандидата философских наук Владимира Хвощева (Челябинск).

Свою точку зрения на миссию современного российского политолога на встрече обозначили: кандидат философских наук Константин Киселев (Екатеринбург), доктор политических наук Сергей Мошкин (Екатеринбург), доктор политических наук Олег Подвинцев (Пермь), доктор исторических наук Сергей Кондратьев (Тюмень), кандидат политических наук Эдуард Абелинскас (Екатеринбург), кандидат политических наук Александр Подопригора (Челябинск).

Участниками встречи также были кандидат философских наук Валерия Зырянова (Челябинск), старший научный сотрудник лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского института Уральской академии государственной службы Галина Соколова (Челябинск), исполнительный директор Челябинского регионального объединения работодателей «ПРОМАСС» Наталья Макарова (Челябинск), кандидат философских наук Александра Сафиуллина (Челябинск).

Бурное обсуждение вызвал вопрос о становлении научных школ в российской политической науке и на Урале в частности. На одном полюсе мнений оказалась доктор политических наук Марианна Фадеичева (Екатеринбург), по мнению которой школы в политологии только формируются, на другом – доктор философских наук Владимир

Куликов (Екатеринбург) с утверждением, что присутствие на данной встрече уважаемых докторов политических наук уже свидетельствует о факте становления и существования Уральской школы политологии.

В ходе встречи прошли презентации научных журналов: «Социум и власть» представила кандидат исторических наук Светлана Нечаева (Челябинск) и «Дискурс-Пи» – доктор политических наук Ольга Русакова (Екатеринбург).

В итоге участники пришли к мнению, что работа клуба уральских политологов достаточно эффективна как форма сотрудничества в современном политическом процессе и есть взаимный интерес к продолжению диалога.

Материалы семинара будут опубликованы в очередном номере научного журнала «Социум и власть».

С.Г. Зырянов, С.В. Нечаева

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ СОЦИУМ

Зырянов С.Г., Соколова Г.В. Формирование гражданского общества и гражданской культуры в современной России: региональный аспект. Статья посвящена исследованию современного состояния российского гражданского общества, в том числе на региональном уровне. Концептуальный анализ базовых характеристик гражданского общества на основе данных двухлетнего социологического мониторинга состояния гражданского общества в Челябинской области даёт основания диагностировать пульсирующий характер гражданской активности населения. Основными причинами пульсации являются возросшая активность государственной власти, а также влияние кризисных явлений.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская культура, гражданская активность, правовое государство, социологический мониторинг.

Зайцева Л.Ю. Индивидуализация как принцип антирисковой социоинженерии социума. В статье рассматривается теория индивидуализации, которая раскрывает процесс становления личностного начала в истории. Все социальные субъекты (общество, государство, цивилизация) обладают чертами традиционализма, индивидуализма и личности. Формирование личности сопровождается социальным освобождением. Социум способен адаптироваться к внешним условиям, а также осуществлять социоинженерию реальности, т.е. целенаправленное воплощение идеальных конструкций в социальные конструкции. Структурирование реальности наиболее эффективно с учётом многочисленных аспектов социума, в том числе рисков его развития.

Ключевые слова: индивидуализация, традиционализм, идеальные конструкции, социоинженерия, риски развития.

Денисова Н.А. Пресс-служба в системе информационной политики. В статье рассматривается значение и функции современной пресс-службы государственного органа власти в условиях формирующегося в России информационного общества.

Ключевые слова: информация, коммуникация, информационное общество, социальная информатология, социоинформатологический и социокоммуникативный подходы.

Подхомутникова М.В. Молодежь и политика: формальные и неформальные практики власти в сознании молодежи.

ANNOTATIONS TO THE ARTICLES SOCIUМ

Zyryanov S.G., Sokolova G.V. Formation the civil society and the civil culture in modern Russia: the regional aspect. The article is devoted to the investigation of the Russian civil society's modern condition, including the regional aspect. The conceptual analysis of the civil society's main features which are based on the data of two-year sociological monitoring of the civil society in the Chelyabinsk region allows to diagnose the pulsating character of the civil activity of the population. The pulsation is caused by the growing activity of the state authority and is also influenced by some crisis phenomena.

Key words: civil society, civil culture, civil activity, the rule of law, sociological monitoring.

Zaytseva L.Yu. Individualization as a basic concept of antirisk socioengineering of society. The article is considered with the theory of individualization, which reveals the process of personal formation in history. All social subjects (society, state, civilization) have traits of traditionalism, individualism and personality. The formation of the personality is accompanied by social emancipation. Society is able to adapt to external conditions, as well as perform socioengineering of reality, i.e. purposeful embodiment of ideal designs into social constructions. Structuring of reality is more effective when taking into account numerous aspects of society, including the risks of its development.

Key words: Individualization, traditionalism, an ideal design, socioengineering, the risks of development.

Denisova N.A. Press-service in the system of informational policy. The article examines the value and functions of the modern press-service of a state authority structure in the conditions of an informational society formed in Russia.

Key words: information, communication, an information society, social informationology, socio-informational and socio-communicative approaches.

Podhomutnikova M.V. Youth and Politics: the reflection of formal and informal power practices in the young people's mind. The

---

Статья освещает тему формальных и неформальных практик власти в сознании молодежи. Автор исследует специфику различных практик власти, а также их роль в воспитании молодежи.

Ключевые слова: практика, молодежь, политика, политический ресурс, неформальные практики власти.

ВЛАСТЬ

Дубовцев В.А. «Миссия великой империи» и «особый путь»: державнические и почвеннические взгляды на русскую историю и современность. В статье выявлены следующие концептуальные и мировоззренческие основания державно-почвеннических взглядов на русскую историю и ситуацию современной России: метафизика богоизбранности и манихейства, утверждение «естественности» развития, ценности самостоятельного роста из собственных начал; эксклюзивизм (представление об исключительности собственной страны); имперский мистический фатализм; патернализм с духовно-эгалитарным прикрытием; тотальный и моральный этатизм; экономический дирижизм.

Ключевые слова: современная идеология в России, державничество, почвенничество, основания идеологии.

Сонина Е.О. Российская политическая система: типологический аспект. Статья посвящена типологическому анализу политической системы современной России. На основе исследования опыта отечественных реформ за последние 10–15 лет, факторов современных макрополитических процессов автор пытается определить тип политической системы современной России и наметить пути преодоления глубинных ценностных противоречий, возникших между обществом и властью в ходе реализации государственных преобразований.

Ключевые слова: политическая система, политический процесс, ценности, ценностная динамика.

Нечаева С.В. Элитогенез Южного Урала (историко-политологический анализ). Геополитические и экономические интересы России на её юго-восточных окраинах, необходимость расширения границ, укрепления обороноспособности и освоения природных богатств привели к расширению в XVIII веке Российского государства на восток, в частности, вхождению в состав империи юго-восточной части Урала.

Параллельно происходили процессы формирования управленческой элиты данного региона, которой приходилось выполнять фун-

article covers the subject of formal and informal power's practices in the young people's conscience. The author investigates the specific features of various power practices and also their role in the upbringing of the youth.

Key words: practice, youth, politics, political resource, informal power practices.

POWER

Dubovtsev V. A. Mission of Great Empire and a Special Way of National Development: State-Centric and Patriotic Views at the History and the Present of Russia. The following conceptual basis of the state and patriotic ideology in contemporary Russia are revealed: metaphysics of special religious and spiritual fate of Russia, appeal to natural national development, i.e. values of independent growth of the country from its own origin; an idea of absolute exclusiveness of the own country; imperial mystical fatality; paternalism with spiritually-egalitarian covering; total and moral state-centrism; beliefs in administrative control in economics.

Key words: contemporary ideology in Russia, ideological foundations, state-centric and patriotic ideology.

Sonina E. Russian political system: the typological aspect. The article is devoted to the typological analysis of the political system of modern Russia. The author analyses the experience of the domestic reforms, world political processes, dynamic descriptions of political system. According to this research the author tries to determine the type of the political system of modern Russia and think over the ways to overcome contradictions between russian society and russian power in the course of state reformations.

Key words: political system, political process, values, value dynamics.

Nechaeva S.V. The process of elite formation in the South Ural (historical and political analysis).

Geopolitical and economic interests of Russia in the south-eastern regions, the necessity to widen the boards, to increase the country's defenses and mining operations have resulted in broadening of the Russian state to the east in the 18th century, the mediatization of the south-eastern part of Urals into the Empire. At the same time there were processes of the formation of managerial elite in the region which had to perform functions not typical for

---

кции, не свойственные аппарату управления «тыловых» административных единиц. Поэтому процесс становления элиты Южного Урала в XVIII в. имел как общероссийские закономерности, так и региональную специфику.

Ключевые слова: элитогенез Южного Урала в XVIII в., общероссийские закономерности, региональная специфика.

Чернов Г.Ю. О массовизации элит. В статье анализируются подходы к пониманию социальной элиты и проблемы деградации элит в условиях массового общества потребления.

Ключевые слова: элита, массы, массовизация.

Иванова Л.Л. Формирование резерва управленческих кадров – приоритетное направление кадровой трансформации. Автор рассматривает вопросы, связанные с разработкой концептуальных подходов к формированию резерва управленческих кадров, в целях создания системы обновления профессиональной элиты страны.

Подчеркивается важность работы с кадровым резервом системы государственного управления, в частности, интенсивное применение ротации и вертикальной мобильности кадров, проведение стажировки и переподготовки управленцев. Отмечены компоненты, необходимые в процессе формирования кадрового резерва (финансовые и интеллектуальные инвестиции, привлечение экспертов и т.д.).

Ключевые слова: кадровый резерв, ротация, вертикальная мобильность, диагностика управленческих качеств, стажировка.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Пиптюк А.Н. Полномочия органов местного самоуправления по управлению и распоряжению земельными участками, находящимися в муниципальной собственности. Статья посвящена вопросам управления и распоряжения органами местного самоуправления земельными участками, находящимися в муниципальной собственности. Раскрывается содержание данных полномочий, а также на основе анализа действующего законодательства формулируются предложения и рекомендации по совершенствованию их правового регулирования.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, земельные участки, муниципальная собственность.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Павлов К.В. Инвестиции и инновации интенсивного и экстенсивного типа: макроэкономический подход. Предлагается

the management personnel of «rear» administrative districts.

Key words: the process of elite formation in 18th century, Russian regularities, regional specific character.

Chernov G.Yu. The process of elite's dissolution. Approaches to social elite understanding and problems of elite degradation in the conditions of a mass consumer society are analyzed in the article.

Key words: elite, mass, «massovisation» (elite's dissolution).

Ivanova L.L. Formation of the Reserve of managerial personnel is a Priority Direction of the Staff Transformation.

The author considers the questions concerned with the development of the conceptual approaches to the formation of the managerial staff reserve for the purpose of creation of the system of renewing professional elite of the country.

The significance of the work with the staff reserve of the system of the state management is emphasized, especially the use of rotation and vertical mobility of the staff, organization of upgrading and retraining of managerial workers. The components necessary in the process of the staff reserve (financial and intellectual investments, inventory experts, etc.) are marked in the article.

Key words: personnel (staff) reserve, rotation, vertical mobility, diagnostics of managerial qualities, upgrading.

STATE AND LAW

Piptyuk A.N. The credentials of local self-government institutions connected with management and disposal of ground areas which are the municipal property.

The article is devoted to the problems of the local government's management and disposal of the ground areas which are the municipal property. The essence of the given powers is revealed, and also suggestions and recommendations about the perfection of their legal regulation are formulated on the basis of the analysis of the current legislation.

Key words: local self-government institutions, the ground areas, the municipal property.

ECONOMIC POLICY

Pavlov K.V. Investment and innovations of intensive and extensive types: macroeconomic approach. Investment and

---

классификация инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на процессы экстенсификации и интенсификации общественного воспроизводства, а также рассматриваются различные формы инвестиций как факторы усиления интенсивного характера производства.

Ключевые слова: инвестиции, инновации, процесс экстенсификации экономики, интенсификация общественного воспроизводства, макроэкономический подход.

КУЛЬТУРА

Борисов С.В. Что такое философия? Или пропедевтика ко всякой прошлой и будущей метафизике... Философия рассматривается как форма духовной деятельности, направленной на постановку, анализ и решение конкретных мировоззренческих вопросов, связанных с выработкой целостного взгляда на мир и место в нем человека. Философия специфична не своим предметом, а способом отношения человека к бытию.

Ключевые слова: философия, философствование, мировоззрение, разум, мышление.

Чупров А.С. Истоки и особенности развития русской социальной философской мысли. Статья посвящена анализу истоков и особенностей развития русской философской социальной мысли на протяжении всего ее существования. Основной целью автора было показать неразрывную связь философских изысканий русских мыслителей с проблемами исторического развития России, «многоцветие» и поляризацию существовавших концепций, преимущественно онтологический и антропологический характер содержания русских философских учений, конфликт и вместе с тем преемственность философских идей в переломные моменты русской истории, а также типические черты характера русских мыслителей.

Ключевые слова: философия, Россия, русский мыслитель, онтология, антропология.

Мошкин С.В. Общедоступные учреждения культуры Среднего Урала: социально-статистический анализ. В статье рассматривается современное состояние общедоступных учреждений культуры Среднего Урала и Свердловской области, в частности. В центре внимания автора три вида учреждений культуры: публичные библиотеки, кинотеатры и собственно культурно-досуговые учреждения. На основе социально-статистического анализа автор приходит к выводу, что сфера культуры уральской провинции деградирует год от года.

Ключевые слова: государственная культурная политика, финансирование сферы культуры,

innovation classification is suggested on the basis of their influence on the extensive and intensive social reproduction. The article deals with the different forms of investments as the production intensification factors.

Key words: investments, innovations, economic intensive process, intensification of social reproduction, macroeconomic approach.

CULTURE

Borisov S.V. What is philosophy? Or propaedeutics to any last and future metaphysics... Philosophy is considered as a form of spiritual activity directed on the statement, the analysis and the decision of the concrete world outlook questions connected with the development of the global sight at the world and the place of a person in it. Philosophy is specific not only because of the subject, but also in the way of the attitude of a person to life.

Key words: philosophy, philosophizing, outlook, mind, thinking.

Chuprov A.S. The origin and peculiarities of the development of the Russian social philosophical thought.

The article is devoted to the analysis of the origin and peculiarities of the development of the Russian social philosophical thought in the course of the existence. The aim of the author is to show the inseparable connection between philosophical investigations of Russian thinkers and the problems of historical development of Russia, the variety and polarization of existing conceptions, mainly ontological and anthropological character of Russian philosophical theories, the conflict and the continuity of philosophical ideas in the critical periods of Russian history, and typical traits of character of Russian thinkers.

Key words: philosophy, Russia, Russian thinker, ontology, anthropology

Moshkin S.V. Publicly accessible institutions of culture in Middle Urals: socio-statistical analysis. The article revises the contemporary status of publicly accessible institutions of culture in Middle Urals and in Sverdlovsk region in particular. The author pays special attention to three types of institutions of culture: public libraries, cinemas and cultural-recreational institutions. The author comes to the conclusion about gradual degradation of the sphere of culture in the Urals province, which is proved by social-statistical analysis.

Key words: cultural politics of the state, financing of the sphere of culture, cultural-

---

культурно-досуговые учреждения, статистический анализ.

ИСТОРИЯ

Коваленко А.И. Казачье самоуправление на восточных окраинах России. В 60-х гг. XX в. в казачьих землях восточных окраин России начался процесс становления местного самоуправления. В основании его лежала государственная инициатива, заключающаяся в издании законов об общественном управлении в станицах и хуторах. Государство, заинтересованное в сохранении казачьих войск на восточных границах, культивировало идеи казачьей самобытности и автономии, придавало общественному казачьему самоуправлению сословный характер. В механизме самоуправления реализовывалась практика сохранения целостности казачьего общества, сословной замкнутости и круговой поруки в решении военно-служебных и хозяйственно-бытовых задач.

Ключевые слова: станичное и поселковое самоуправление; органы самоуправления (сход, правление, атаман, суд); автономия; сословный характер.

Бурмейстер А.Н. «Приглашение». Статья представляет собою воспоминание и анализ одного из тех событий, с которых началась перестройка в СССР – «Иссык-Кульского форума», встречи М.С.Горбачева с представителями интеллектуальной элиты Запада. Эта встреча очертила контуры международного имиджа советской перестройки и оказала влияние на западное восприятие постсоветской России.

Ключевые слова: Иссык-Кульский форум, новое мышление, Клод Симон, встреча в Рейкьявике.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Уральская школа политологии. 29 мая 2009 года в Челябинске состоялось очередное заседание клуба уральских политологов: «20-летие Уральской школы политологии: испытание кризисами». В центре дискуссии оказалась концепция «Миссия политологии в современной России», представленная Г. Бурбулисом, С. Зырянов, К. Киселев, В. Куликов, С. Мошкин, О. Подвинцев, О. Русакова, М. Фадеичева и др. Участники клуба обсудили вопросы моральной ответственности политолога, становления и существования научных школ в российской и уральской политической науке.

Ключевые слова: Уральская школа политологии.

recreational institutions, statistical analysis.

HISTORY

Kovalenko A.I. Cossack self-government in the eastern outskirts of Russia. In the 60-s of the 20-th century in Cossack lands of the eastern outskirts of Russia the process of becoming of the self-government foundation began. In the base of it there was the state initiative consisting in promulgating the laws about public government in stanitsas and farmsteads. The state caring for the maintenance of the host of Cossack within the eastern borders and supported the idea of Cossack origin and the autonomy and abbed the estate characteristics to the Cossack self-government. The practice of the preservation of the integrity of the Cossack society, estate reservation and the collective guarantee in the solution of military-serving and economic social problems was realized.

Key words: stanitsa and settlement self-government; organs of self-government (gathering, government, ataman, court); autonomy; estate character.

Burmeister A.N. «Invitation». The article contains recollection and analysis of one of the events beginning the Perestroika in the USSR and is called Issyk-Kul's Forum where Gorbachev M.S. met with the West's intelligent elite. This meeting created the international image of the Soviet Perestroika and influenced the west perception of postsoviet Russia.

Key words: Issyk-Kul's Forum, «New thinking», Clod Simon, Reykjavik's Meeting.

SCIENTIFIC LIFE

The Ural School of Politology. On 29th May 2009 there was the next meeting of Ural politologists in Chelyabinsk: "The 20th anniversary of the Ural School of Politology: problems in the times of the crisis. In the center of discussion there was the conception " The Mission of Politology in modern Russia» presented by G. Burbulis, S. Zyryanov, K. Kiselev, S. Moshkin, O. Podvintsev, O. Rusakova, M. Fadeicheva and others. Themembers of the club discussed the issues, concerning moral responsibility of a politologist, foundation and existence of scientific schools in Russian and Ural political science.

Key words: The Ural School of Politology.

АВТОРЫ НОМЕРА

Борисов С.В., кандидат культурологии, доцент кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: borisovsv69@mail.ru

Бурмейстер А.Н., доктор философских наук, профессор Гренобльского университета, Франция E-mail: bourmeyster.alexandre@neuf.fr

Денисова Н.А., начальник отдела специальных проектов управления пресс-службы и информации губернатора Челябинской области, аспирант Российской академии государственной службы, г. Челябинск. E-mail: denisova@gubernator74.ru

Дубовцев В.А., кандидат политических наук, заместитель министра по управлению государственным имуществом Свердловской области, г. Екатеринбург. E-mail: dva1952@yandex.ru

Зайцева Л.Ю., профессор кафедры отечественной и всемирной истории Шадринского государственного педагогического института, доктор исторических наук, доцент. E-mail: bluz_68@mail.ru

Зырянов С.Г., директор Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доктор политических наук. E-mail: director@urags-chel.ru

Иванова Л.Л., аспирант кафедры политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: ivanova1rostov@yandex.ru

Коваленко А.И., заведующая кафедрой гуманитарных наук Амурской государственной медицинской академии, кандидат исторических наук, доцент, г. Благовещенск. E-mail: ankov50@mail.ru

Мошкин С.В., доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург. E-mail: osa-sv@yandex.ru

Нечаева С.В., заместитель директора по научной работе Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: nechaeva@urags-chel.ru

Павлов К.В., заведующий кафедрой мировой экономики Белгородского государственного университета, доктор экономических наук, профессор. E-mail: KPavlov@bsu.edu.ru

Пиптюк А.Н., аспирант кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: piptyuk@yandex.ru

Подхомутникова М.В., преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар. E-mail: marina_podhomutn@mail.ru

Соколова Г.В., старший научный сотрудник лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы. E-mail: galina-sokolova@mail.ru

Сонина Е.О., аспирант кафедры философии и политологии Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: ekaterina.sonina@uara.ru

Чернов Г.Ю., доцент кафедры истории и философии Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, кандидат философских наук, доцент. E-mail: gchb1@bk.ru

Чупров А.С., заведующий кафедрой философии, социологии и политологии Благовещенского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор. E-mail: aschuprov@amur.ru

---

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет в редакцию один экземпляр рукописи в электронном варианте (на дискете, CD-диске или по электронной почте).

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 20 тыс. знаков без пробелов, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество ссылок не более 15.

8. Сноски оформляются в соответствии

с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора в журнале указывается обязательно.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30.

E-mail: saa@urags-chel.ru